

ЭВОЛЮЦИЯ

Ф. Б. Джевонс

Evolution

F. B. Jevons

Электронная книга проекта "Гутенберг" о эволюции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эволюция

Автор: Ф. Б. Джевонс

Дата выхода: 15 декабря 2010 г. [Электронная книга № 34656]

Последнее обновление: 7 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Мэрилинда Фрейзер-Канлифф, Кристин Олдридж и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ КНИГ ГУТЕНБЕРГА" ***

Примечания переписчика

Этот том дополнительно содержит каталог издательства за октябрь 1901 года, однако этот каталог отсутствует в обычном оглавлении и расположен после последней главы.

Другие [примечания переписчика](#) приведены в конце этого электронного текста.

БИБЛИОТЕКА СВЯЩЕННИКА

Под редакцией Дж. Х. Берна, Б.Д.

ЭВОЛЮЦИЯ

БИБЛИОТЕКА СВЯЩЕННИКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДЖОНА ГЕНРИ БЕРНА, Б.Д.

Экзаменуемый капеллана лорда-епископа Абердинского.

ИСТОКИ АНГЛИЙСКОГО ХРИСТИАНСТВА. Автор: У. Э. Коллинз, магистр, профессор церковной истории Королевского колледжа в Лондоне. Заводная головка 8vo, 3s. 6d. [*Готово.*]

ЦЕРКОВЬ И ТАИНСТВА. Э. Т. Грин, магистр, профессор иврита и теологии в колледже Святого Давида, Лампетер.

БУКВАРЬ ДЛЯ ЦЕРКОВНИКА. Г. Харфорд-Баттерсби, магистр медицины

ЕЖЕДНЕВНИК ЦЕРКОВНИКА. Автор: Дж. Х. Берн, Б.Д.

АНГЛИКАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В КОЛОНИЯХ И МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Автор: Аллан Б. Уэбб, доктор медицинских наук, помощник епископа епископа Бречина.

ИСТОРИЯ ПАПСТВА. Дж. П. Уитни, магистр медицины

НАШ СПОР С РИМОМ. Автор: Дж. М. Дэнсон, Д.Д.

МАСТЕРСТВО ИЗГОТОВЛЕНИЯ МОЛИТВЕННИКА. Джон Дауден, доктор медицинских наук, епископ Эдинбургский. Корона 8vo, 3s. 6d. [Готово.

ПОПУЛЯРНОЕ ВВЕДЕНИЕ В ВЕТХИЙ ЗАВЕТ. Ангус М. Маккей, Б.А.

ПОПУЛЯРНОЕ ВВЕДЕНИЕ В НОВЫЙ ЗАВЕТ. Дж. Х. Шеферд, магистр философии

ЕВРЕЙСКИЙ ПРОРОК. Автор Л. В. Баттен, доктор философии.

ВВЕДЕНИЕ В ТЕКСТОЛОГИЧЕСКУЮ КРИТИКУ. А. М. Найт, магистр, научный сотрудник и декан колледжа Гонвилл и Кайус, Камб.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕТХОГО ЗАВЕТА. Автор: Джон П. Питерс, доктор философии, D.Sc.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ЗАВЕТА. Автор: Артур Райт, магистр, научный сотрудник и преподаватель Королевского колледжа в Кембридже. Crown 8vo, 6s. [Готово.

ПЕРЕСМОТР БИБЛИИ. Автор: Дж. Дж. С. Пероун, д.д.н., епископ Вустерский.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АНАЛИЗ ПОСЛАНИЙ ПАВЛА. Джон Готт, доктор философии, епископ Труро.

ПРОПОВЕДЬ. Фредерик Релтон, А.К.К.

АНГЛИЙСКИЕ ГИМНЫ И МЕЛОДИИ К НИМ. Х. К. Шаттлворт, магистр, профессор пастырского и литургического богословия, Королевский колледж, Лондон.

СВИДЕТЕЛЬ АРХЕОЛОГИИ. К. Дж. Болл, магистр медицины, капеллан Линкольнс-Инн.

АНГЛИЙСКАЯ ЭККЛЕЗИОЛОГИЯ. Дж. Н. Компер.

КОНФИРМАЦИЯ. Х. Т. Кингдоном, доктором медицинских наук, епископом Фредериктона.

ВДОХНОВЕНИЕ. Автор: Кэнон Бенхэм, Д.Д.

ЧУДЕСА. Автор: Томас Б. Стронг, бакалавр, студент Крайст-Черч, Оксфорд.

ПРОВИДЕНИЕ И МОЛИТВА. В. Х. Стэнтон, доктор философии, профессор богословия Ely, Кембридж.

ЭВОЛЮЦИЯ. Автор: Фрэнк Б. Джевонс, магистр, д.литературовед, директор Бишоп Хэтфилд-Холл, Дарем. Заводная головка 8vo, 3s. 6d.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ЗДЕСЬ И В БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ. Каноник Уинтерботэм, магистр искусств, B.Sc., Бакалавр права, Cr. 8vo, 3s. 6d. [Готово.

ВЕЛИКИЕ МИРОВЫЕ РЕЛИГИИ С ХРИСТИАНСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. Автор: Х.Э. Дж. Беван, магистр богословия, профессор богословия в Грэшеме.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ. Дж. А. Маккалл.

АНГЛИЙСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО. У. Дигби Турнам.

ЭВОЛЮЦИЯ

АВТОР: ФРЭНК Б. ДЖЕВОНС, магистр, Д.литературовед, ДИРЕКТОР БИШОП-ХЭТФИЛДС-ХОЛЛА, ДАРЕМ

МЕТУЭН И КО.

ЭССЕКС-СТРИТ, 36, ВАШИНГТОН,
ЛОНДОН,
1900

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой книги - поднять вопрос: если мы принимаем Теорию Эволюции как истинную в науке, то как она должна изменять мысли и действия человека, который хочет сделать все возможное в этом мире? Этот вопрос необходим, потому что мы обнаруживаем, что люди, выступающие от имени науки и обладающие авторитетом, пришли к различным и противоречивым выводам по этому вопросу. Эти различия обусловлены не чем-либо в науке, а определенными вненаучными допущениями. Проверить ценность таких допущений - задача философии; и, соответственно, этот том является эссе по философии. Наука - это всего лишь организованный здравый смысл. И наука, и религия утверждают, что имеют дело с реальностью. Следовательно, реализм здравого смысла, форма философии, на которую, по-видимому, указывают оба, - это то, что изложено здесь.

Содержание

	СТРАНИЦА
I. Оптимизм	1
II. Иллюзия	14
III. Пессимизм	24
IV. Идеализм	38
Против Реального	60
VI. Эволюция как перераспределение материи и движения	72
VII. Необходимость	100

VIII.	Недостаточные доказательства	138
IX.	Последствия	152
X.	Шахматная доска	163
XI.	Общая вера человечества	184
XII.	Прогресс	203
XIII.	Эволюция как цель	238
XIV.	Заключение	273
Приложение. Об идеализме епископа Беркли		289
Указатель		297

ЭВОЛЮЦИЯ

Я.

ОПТИМИЗМ

Бесчисленные авторы в конце девятнадцатого века рассматривали изменения, которые за последние пятьдесят лет произошли в цивилизованном мире. Результаты действительно признаны всеми как изумительные. Пар, электричество, машины и все практические изобретения прикладной науки в огромной степени увеличили материальное богатство, комфорт и роскошь человечества. В интеллектуальном плане границы чистой науки значительно расширились; и благословения образования распространились на самых бедных членов общества. Филантропическая и религиозная деятельность проявляется в тысяче различных организаций. Мы никогда не устанем повторять, что изменения, которые в первой половине века были бы объявлены невозможными и невероятными, в конце века являются свершившимися фактами.

Но среди всех этих изменений почти повсеместно упускается из виду одно, самое характерное, самое замечательное и самое важное: лицо цивилизации озарилось надеждой. Каким бы великим ни был прогресс последних пятидесяти лет, мы считаем его ничем по сравнению с тем, что нас ожидает. Считается, что открытиям науки не может быть границ; что может принести день на пути расширения контроля человека над силами Природы, какие тайны природы может раскрыть химик в своей лаборатории в любой момент, никто не может предположить, но каждый уверен, что будут открыты вещи, столь же удивительные для нас сейчас, как телеграф и телефон для наших предшественников донаучной эпохи. При рассмотрении политических и социальных вопросов преобладает та же глубоко укоренившаяся убежденность в том, что прогресс может быть достигнут и будет достигнут: условия и причины бедности могут быть установлены путем терпеливого изучения, а когда они установлены, с ними можно бороться. Законы физического здоровья и чистоты не отказались раскрыться, равно как и нравственное здоровье и чистота невозможны без своих законов. В конце концов, если лучшая энергия века повсюду направляется на приумножение знаний, развитие морали и распространение комфорта, то это потому, что повсюду есть надежда. Как в социальном, так и в индивидуальном организме надежда поднимает прилив жизни, повышает жизнеспособность и стимулирует

систему. Отсюда эта общая разрядка всей нервной системы общества, проявляющаяся в энергичности, с которой принимаются и осуществляются все планы улучшения. То, что будут сделаны открытия и достигнут прогресс, столь же несомненно, как и то, что золото будет найдено на золотых приисках; единственный практический вопрос заключается в том, кем? Кто должен стать счастливым?

Нам, ставшим свидетелями прогресса, породившего эту всеобщую надежду, сама надежда кажется настолько разумной и оправданной, что мы склонны упускать из виду тот факт, что ей нет аналогов в истории человечества. Конечно, ни одно поколение людей не представляло себе свою судьбу совершенной; у всех были свои идеалы, и все верили, что их идеалы истинны. Но в то время как мы относим реализацию наших идеалов к будущему, все предыдущие поколения относили это к прошлому: Золотой век до сих пор всегда рассматривался как отправная точка истории человечества, а не как ее цель. Все расы с гордостью оглядывались на героическое прошлое; все мифологии повествуют о лучшей и светлой судьбе, которая была у истоков человечества; все поэты воспевают отважные дни старины; все сказки начинаются словами "давным-давно". Историки Греции и Рима не обнаружили никакого прогресса в истории своих стран, а только вырождение патриотизма и простоты прежних времен или, в лучшем случае, серию изменений, совершающих ее виток, подобный смене времен года. Греческие философы, когда они имеют дело с социологическими вопросами, в основном заняты причинами порчи и упадка конституций; и если они создают идеальные конституции, они предполагают, что они будут окончательными; они не предполагают, что у них есть какая-либо возможность роста. В наше время та же тенденция проявилась в равной степени. Политические революции всегда были направлены не на введение нового, а на восстановление старого порядка вещей: участники Французской революции даже одевались и выдавали себя за древних греков и римлян. В философии цивилизация, будучи искусственной, рассматривалась как вырождение из "естественного" состояния человека, которое было одновременно примитивным и совершенным.

У отдельного человека оптимизм может быть отвергнут как простое настроение или как тенденция к жизнерадостности, не основанная на какой-либо рациональной оценке ни будущего, ни прошлого. Но когда целое поколение людей, когда, по сути, весь цивилизованный мир смотрит в будущее не с беспечным легкомыслием, а со спокойной уверенностью в прогрессе, который есть и должен быть, мы не можем сразу отмахнуться от его оптимизма. Как ни удивительно, что мир по мере того, как он становится старше, должен вселять все больше надежд, на то есть веские причины.

Оценки ребенком расстояния, величины и важности отличаются от оценок взрослого. Оценки, однако, сохраняются в памяти, и мы все обнаружили, возвращаясь к знакомым сценам детства, насколько преувеличенными были наши детские оценки по сравнению с реальными фактами. Именно это преувеличение памяти, эта иллюзия мысленного взора психологически лежит в основе тенденции идеализировать прошлое. Для нас, детей, подвиги наших старших были чудесами в наших глазах; и они остаются чудесами в памяти, однако чудесами, которые, как и все чудеса, принадлежат прошлому. Прошлое становится страной чудес, в которой совершались великие подвиги не только времен наших отцов, но и прежних времен до них. Прошлое становится сокровищницей поэта, из которой он извлекает новое и старое - пристанищем всего хорошего, великого и прекрасного, чего нет, но должно быть, и, следовательно, когда-то было.

Для измерения прогресса, как, впрочем, и для измерения любого движения и определения его скорости и направления, необходимы некоторые фиксированные точки. Следовательно, до тех пор, пока не будет зафиксированных в письменной форме событий того времени, нет возможности остановить *laudator temporis acti* и уменьшить бессознательные преувеличения его памяти до должных размеров. Но даже если бы это было так, на низших ступенях культуры темпы прогресса слишком медленны, чтобы быть заметными в то время. Вначале человек находится во власти своего окружения: прогресс начинается только тогда, когда он научился изменять его в соответствии со своими потребностями. И к тому времени, когда человек переходит от дикости к варварству и переходит от варварства к цивилизации, убеждение в том, что настоящее и действительное - ничто по сравнению с идеальным прошлым, слишком тесно переплетается с его религией, мифологией, философией и общепринятой историей его расы и ее героического происхождения, чтобы позволить ему видеть факты такими, какие они есть, или угадывать истинное направление человеческих дел. Кроме того, есть вполне практическая причина, по которой он с подозрением, а не с уверенностью смотрит на социальные изменения. Только в результате длительного хода медленной эволюции общество достигло состояния довольно устойчивого равновесия. Вначале общество можно сравнить с человеком, цепляющимся за голую жизнь, с ненадежной точкой опоры, с отвесным утесом: когда малейшее движение может оказаться фатальным, всякое движение вызывает страх. Таким образом, характерной чертой всех ранних обществ является то, что им мешает "пирог обычаев" и они закостенелы от неподвижности консерватизма.

Тем, кто считает, что опыт механически запечатлевается в уме и поэтому автоматически выражает себя как истину, должно показаться несколько странным, что человечество развивалось тысячи лет, не зная, что оно прогрессирует; и еще более странно, что они пришли к такому выводу не как индукция из опыта, а на *априорных* основаниях. И все же так оно и было. Простое созерцание взлета и падения империй наводит на мысль о наличии и постоянстве постоянной тенденции к прогрессу не больше, чем горная волна, угрожающая поглотить корабль, наводит на мысль о том, что уровень моря является научной истиной. Но когда Дарвин обосновал свою теорию о том, что человек произошел от животного, все стало ясно: *априори* стало ясно, что долгая история и "предыстория" человека должны были быть историей прогресса. Когда было установлено происхождение человека, его восхождение стало предметом изучения, и человеческая эволюция стала рассматриваться как синоним прогресса. Дикари считались ближайшими из существующих представителей первобытного человека, и это положило конец идее о том, что первобытное состояние - это совершенство. Сравнительный метод, однажды примененный к изучению человечества, смог привести ряд примеров дикости, варварства и цивилизации, которые иллюстрировали каждый шаг в процессе эволюции общества и показывали, что, хотя формы общества могут колебаться, подобно морским волнам, само общество устойчиво в своем развитии и прогрессивно в своей эволюции. Этот вывод, который сначала был дедукцией, сделанной на основе животного происхождения человека, теперь имеет независимое подтверждение огромным количеством свидетельств. Существование каменного века, палеолита и неолита, бронзового века и железного века, а также последовательность этих эпох в названном порядке являются установленными научными фактами. То, что культура кочевых народов ниже, чем у скотоводческих племен; что скотоводческие племена развиваются в культуре, когда становятся земледельческими; что земледелие, предполагающее оседлые привычки и постоянные жилища, ведет к основанию городов и формированию гражданской жизни; что города-

государства древнего мира уступают место национальным государствам современности: все это общепринятые факты, преодолевающие очевидную пропасть между цивилизацией и дикостью и демонстрирующие действие закона непрерывности в эволюции общества.

Но, следует заметить, все эти факты и аргументы, взятые вместе, доказывают только то, что было, а не то, что будет. Они показывают, что с уровня, немногим более высокого, чем грубый человек, он достиг того, что он есть; но достаточно ли этого, чтобы гарантировать его непрерывный подъем? Другими словами, достигли ли мы реального источника той всеобщей надежды, которая, как мы уже говорили, характерна для данной стадии эволюции человека? Вершину человеческой судьбы до сих пор несло благоприятным и устойчивым штормом, и для тех, кто не задумывается, вполне естественно считать само собой разумеющимся, что ветер всегда будет дуть с одной и той же счастливой стороны. Но напрашивается вопрос, оправданы ли мы в этом предположении.

Если бы человек сам определял свой курс, мы могли бы, по крайней мере, сказать, что нет причин, по которым он не мог бы продолжать двигаться в том же направлении, что и до сих пор. Но самый замечательный урок, который социология должна преподать нам, заключается в том, что курс, которому он так непрерывно следовал, не был его собственным руководством. Как мы уже видели, человек до нынешнего поколения неизменно устремлял свой взор на квартал, из которого, а не в который, как он воображал, он путешествовал, и, подобно вынужденному эмигранту, сетовал на увеличивающееся расстояние между ним и счастливым берегом, от которого он отплыл. Или, если сменить метафору, общество - это организм. Как и все организмы, он начинается как относительно бесструктурная масса; затем, в соответствии с принципом разделения труда, разные части начинают выполнять различные функции; таким образом, развиваются специальные органы для выполнения специальных функций; разделение труда далее подразумевает сотрудничество различных органов и разработку необходимых средств связи. Все это необходимо для той эволюции общества, которую мы называем прогрессом; и из всех этих изменений в структуре общества лишь немногие когда-либо были намеренно спланированы человеком. мистер Герберт Спенсер ознакомил это поколение с идеей, что предвиденные последствия любого планируемого изменения незначительны по сравнению с последствиями непредвиденными и непреднамеренными. Отсюда общее правило, согласно которому структурные изменения, от которых зависит эволюция общества, лишь в редких случаях являются результатом принудительных и сознательных изменений, проводимых правительством: практически во всех случаях они являются непреднамеренными последствиями спонтанных действий индивидов, нацеленных на что-то другое и бессознательно способствующих эволюции общества. Точно так же животный организм состоит из живых единиц, каждая из которых бессознательно выполняет ту роль, которую ей необходимо сыграть, если организм хочет жить; и каждая единица, опять же бессознательно, даже модифицирует ту роль, которую она играет, чтобы способствовать изменениям, составляющим эволюцию и прогресс организма.

Поэтому мы должны отбросить идею о том, что прогресс человечества и эволюция общества были спланированы человеком или обусловлены его замыслом; и мы должны признать присутствие в человеческих делах некой невидимой движущей силы, которая постоянно направляет их к благим результатам и формирует их для достижения целей, даже грубо не намеченных людьми. Очевидно, что эта сила не должна ограничиваться в своем действии социальным организмом, но проявляться и в животных организмах, поскольку и там она

приводит к сходным результатам. Вряд ли нужно говорить, что эту силу следует искать в "борьбе за существование": везде, где организмы находятся в избытке средств для их поддержания, должна возникать конкуренция за пищу, за жизнь; и в этом случае битва за сильного, гонка за быстроту. Но, конечно, сила - понятие относительное: то, что в одних обстоятельствах является источником силы, в других может быть причиной слабости; и, как правило, те самые качества, которые в одних случаях имеют наивысшую ценность, в других могут оказаться бесполезными для их обладателя. Следовательно, именно существо, обладающее особым видом превосходства, требуемого обстоятельствами, в которых оно находится, является существом, которому, скорее всего, повезет больше всего и которое с наибольшей вероятностью выживет в борьбе за существование. Но, далее, обстоятельства имеют тенденцию создавать то самое превосходство, которого они требуют: они безжалостно отвергают и обрекают на уничтожение каждый организм, который не удовлетворяет их требованиям, таким образом оставляя поле деятельности во владении тех организмов, которые обладают требуемым превосходством. Таким образом, следующее поколение выводится не от случайных родителей, а от родителей, которые были отобраны по естественным причинам и в силу обстоятельств так же тщательно, как заводчик, желающий произвести призовое животное. Таким образом, каждое последующее поколение должно быть выше того, которое ему предшествовало. Прогресс - это само дыхание существования каждого организма, условие, без которого существование невозможно. К тем талантам, которыми оно обладает, каждое существо должно добавить другие таланты, иначе оно будет изгнано во тьму небытия; тогда как хорошему и верному слуге, который использует все вверенные ему полномочия, дается еще более широкое господство. Ни этот мир, ни следующий не предназначены для праздных или глупых. Интеллект должен быть бдительным, чтобы обнаружить малейший элемент возможного превосходства, а воля - решительной, чтобы использовать его на максимуме своей ценности. Человек должен быть мудрым в своем поколении; а мудрый человек заводит друзей даже с богатством несправедливости, и это быстро.

Таким образом, если организм достигает той степени превосходства, которая является его вкладом во всеобщий прогресс, именно благодаря постоянному и напряженному использованию всех своих сил, из этого следует, что "выполнение каждой функции является, в некотором смысле, моральным обязательством" и что "нравственный человек - это тот, все функции которого выполняются в той степени, которая должным образом приспособлена к условиям существования". Здесь, как и везде, индивид, чтобы существовать, должен соответствовать условиям существования; а прогресс заключается в более совершенном соответствии этим условиям. Существует, однако, разница между высокоразвитым организмом, человеком, и менее сложными организмами; между эволюцией животных и человека; между биологическим и моральным прогрессом. В случае низших и более простых организмов эмоции побуждают существо просто и безопасно выполнять те функции, от которых зависит его существование и эволюция его вида. Но эволюция человека была настолько быстрой на своих более поздних стадиях, социальная среда, которую он сам создал, настолько отличается от обстоятельств, в которых он первоначально оказался, что его приспособление к окружающей среде стало, так сказать, намного более свободным, и, следовательно, теперь уже не так, что действия, приятные сами по себе, также обязательно благотворны по своим последствиям для индивида и общества. Следовательно, нравственный прогресс проявится в приспособлении человека к изменившимся условиям. Следствием этой адаптации, когда она будет завершена, будет то, что действия, которые являются правильными, то есть приносят пользу индивиду и

обществу, всегда будут доставлять удовольствие не только по своим последствиям, но и непосредственно сами по себе. К этому идеалу, когда все люди всегда будут получать удовольствие от того, что правильно, и когда все достигнут высот нравственности, которых сейчас достигают лишь немногие, человека медленно, но верно подталкивает сила, которая является движущей силой всей эволюции, борьба за существование, регулируемая законом, который направляет весь прогресс, законом выживания наиболее приспособленных.

Итак, вот причина надежды, характерной для нашего поколения; вот основа спокойной уверенности, с которой мы рассчитываем на продолжение прогресса как на нечто гарантированное нам. Дело не только в том, что в прошлом был достигнут прогресс, но и в том, что шторм до сих пор неизменно нес нас в благоприятном направлении. Мы узнали, что он по необходимости всегда должен дуть с одной и той же стороны. Курс человека не зависит от его порывистой воли: ветер и волны повинуются не ему, а Силе, которая направляет всю эволюцию, и "наша сила в прошлые века", как показывает наука, является "нашей надеждой в грядущие годы".

II. ИЛЛЮЗИЯ

Таким образом, согласно оптимистическому взгляду, изложенному в предыдущей главе, кажется, что Эволюция - это обязательно Прогресс, а прогресс - это движение в русле наших моральных устремлений, производимое *бесконечности*. Изменения, которые происходят и всегда были происходящими, являются и всегда были изменениями к лучшему; формы существования, непрерывно сменяющие друг друга, неизбежно развиваются от низшего к высшему, от хорошего к лучшему. И этот вывод обусловлен не религиозной верой, а научной необходимостью. Единственные силы и причины, которые она предполагает, - это те, которые мы видим и чувствуем в действии каждый день вокруг нас. Для реконструкции прошлой истории земной поверхности геологии требуется только предположить действие в течение бесконечного прошедшего времени тех сил, которые в данный момент, как можно видеть, медленно меняют облик земли. Охлаждение земной поверхности подчиняется тем же законам и может быть рассчитано с такой же точностью, как охлаждение раскаленной докрасна кочерги. Закон всемирного тяготения, который определяет движение небесных тел, в равной степени иллюстрируется падением яблока на землю. Короче говоря, Вселенная состоит из движущихся материальных тел; движений, происходящих в пределах досягаемости человеческого наблюдения, достаточно, чтобы мы могли по ним рассчитать пути, по которым они следуют, когда выходят за пределы нашего понимания, и правильность наших расчетов будет продемонстрирована, когда они вновь появятся в предсказанное время и в предсказанном месте. Химик восстанавливает в одной части своего уравнения каждый атом, который другая сторона требует от него учета. Звезды на своих курсах подтверждают расчеты астронома. Материя находится в постоянном процессе перераспределения, и те же самые вечные законы, которые определяют формы, в которые она непрерывно перераспределяется, неизбежно определяют, что эти формы должны постоянно совершенствоваться.

Этот оптимистичный взгляд на эволюцию получил всеобщее одобрение, но в разных случаях на совершенно разных основаниях. Верующие в Божественное Провидение горячо

приветствовали это как поразительную и неотразимую демонстрацию того, что их вера в Провидение, управляющее всем сущим ко благу, была истинной. Здесь невозможно было заподозрить, что аргумент был изошренным теми, у кого желание было выше мысли. С точки зрения науки, свидетельство науки вряд ли могло быть оспорено; и здесь была наука, основанная на собственных независимых рассуждениях, исходящая из чисто материалистической почвы, вынужденная силой своих собственных аргументов свидетельствовать об истине, которую религия так долго провозглашала, опираясь только на силу веры. Этому поколению действительно было дано знамение.

С другой стороны, оптимистическая интерпретация эволюции была с таким же пылом встречена теми, для кого она устранила последнюю трудность, с которой они сталкивались, веря в отсутствие Бога. До сих пор глубоко укоренившееся желание верить в то, что, несмотря на все видимости обратного, добро в конечном счете должно восторжествовать, а праведные поступки никогда не смешиваются, казалось, требовало веры в праведного Бога. Но теперь необходимость в любом подобном допущении отпала: вечное торжество добра было необходимым аспектом или выражением механического воздействия частиц материи друг на друга в такой же степени, как и сам закон всемирного тяготения, и основывалось на точно таких же доказательствах. Из этого следовало, что религиозная вера была лишь проходящей фазой в процессе эволюции, достаточно полезной, пока реальные доказательства нашей веры в добро были неизвестны, но ей суждено было сократиться до простого рудимента и выжить так быстро, как люди станут способны видеть истину в этом вопросе и осознавать, что религия излишня, потому что она не может предложить ничего, что не было бы независимо подтверждено наукой. В то же самое время и таким же образом надежда на будущее блаженство низвергается с несущественных облаков воображаемых небес на твердую почву материалистической науки, которая никогда не выходит за рамки чувственных ощущений.

Таким образом, поскольку умы, которые так сильно различаются во всем остальном, согласны с тем, что оптимистическая интерпретация эволюции является истинной, представляется вполне разумным спросить каждого, как далеко они готовы зайти в своем оптимизме. Мы спросим одну сторону, действительно ли причина, по которой они верят в благодать Бога, заключается в том, что на самом деле они видят, что добропостоянно торжествует вокруг них, и торжествует как вопрос абсолютной необходимости. Несомненно, рассматриваем ли мы то, что мы ежедневно видим в жизни, или рассматриваем борьбу со злом в наших собственных душах, было бы насмешкой утверждать, что добро неизменно торжествует здесь и сейчас; и в аргументе, который доказывал бы, что это так, должна быть иллюзия. Может ли аргумент, основанный на предположении, что материя и движение - единственные реальности, привести к чему-либо, кроме иллюзии, если распространить его на духовный опыт?

С другой стороны, мы можем поставить вопрос несколько иначе. Общепризнано, что все многочисленные изменения, которые непрерывно происходят во Вселенной и которые, сложенные вместе, составляют то, что называется космическим процессом, непрерывно и неизбежно работают на благо, и сами по себе всегда переходят от хорошего к лучшему. Но как насчет Силы, или Могущества, или Причины, или Реальности, которая лежит в их основе и проявлением которой они являются? Можем ли мы заключить, что, поскольку они хороши, это хорошо? Что если плоды хороши, то и дерево должно быть хорошим? На это ответом будет то, что мы знаем проявления; только они нам известны; только они могут быть нам известны. То, что лежит в их основе, не проявлено; а то, что не проявлено для нас, очевидно, не может быть нам

известно: это Непознаваемое. Следовательно, очевидно, что мы не можем сказать, хорошо это или нет. Утверждать и отрицать, что это хорошо, в равной степени означало бы заявлять о знании непознаваемого. Религия может заявлять — и, действительно, все религии заявляли — что обладают этим непостижимым и невозможным знанием. Но религия - это не наука.

Таким образом, с этой точки зрения эволюционный оптимизм имеет пределы: применять термин "благо" к тому, что проявляется как космический процесс эволюции, - это просто иллюзия. Но это поднимает еще один вопрос: если бессмысленно называть Непознаваемую Реальность добром, то в чем именно смысл и ценность термина "добро" применительно к тем формам, в которых Непознаваемое проявляется для нас?

Начнем с того, что ясно, что если все было эволюционировано, то и наши моральные устремления также являются продуктом эволюции. Действительно, именно они отличают человека от животного; но даже в отношении них действует закон преемственности: мы можем видеть не только то, как цивилизация развила в человеке добродетели, но мы можем проследить зародыши совести в этом цивилизованном животном - собаке, как мы, несомненно, можем видеть материнскую привязанность, преданность и самопожертвование в самых свирепых из неприрученных животных. Другими словами, борьба за существование лучше ведется в сотрудничестве, чем индивидуальными усилиями; сотрудничество подразумевает подчинение индивидуальных импульсов интересам вида или общества; и такое подчинение, принимающее различные формы на разных стадиях социального развития, является тем, что мы называем добродетелью.

Далее, теория эволюции построена на древней истине о том, что ничто не остается надолго в одном месте. Материя и движение находятся в постоянном процессе перераспределения, вступая в бесчисленные комбинации и принимая бесчисленные формы, которые сменяют друг друга, подобно морским волнам, и, подобно им, не успевают сформироваться, как исчезают. Таким образом, из этого следует, что наши моральные устремления столь же преходящи, как и другие продукты эволюции. Действительно, когда мы оглядываемся на страницы истории, мы видим, что они постоянно меняются на наших глазах — то, что одобряется дикарями, позже отвергается; достоинства военной стадии общественного развития уступают место тем, которые поощряются индустриальной организацией общества. Одним словом, наши моральные устремления, являясь результатом эволюции, не обладают ни постоянством материи и движения, которые вечны и неразрушимы, ни реальностью, которая является атрибутом только Непознаваемого.

Если бы требовалось какое-либо подтверждение этого вывода, оно было бы найдено в том факте, что только живое, сознательное существо может иметь моральные устремления, или желать добра, или алкать праведности. А жизнь и сознание - всего лишь переходные фазы эволюции. Земная кора, геологическая летопись, свидетельствует о прежнем существовании фауны, ныне вымершей. Наука о теплоте доказывает, что земля должна перестать быть пригодной для жизни в любой форме; и с исчезновением сознания добра и стремления к добру, справедливости и стремления к добру больше не будет: материя и движение, грубая материя и слепые силы, ничего не знающие о добре или зле, вернутся в свои древние, опустошенные владения.

Если, следуя тому же ходу мыслей, мы спросим, какое значение оптимистичный эволюционист вкладывает в слово "хороший", мы увидим, что, согласно ему, различие между хорошим и

плохим применимо и может применяться только к определенным моментам в процессе эволюции, но не к процессу в целом, точно так же, как мы уже видели, что, согласно оптимистичному эволюционисту, это различие не применимо к Непознаваемой Реальности, проявлением которой является процесс эволюции. Закон жизни заключается в борьбе за существование с последующим выживанием наиболее приспособленных. В борьбе есть то добро, за которое борются, а именно. существование; и то поведение человека или животного является хорошим, которое ведет к успеху в борьбе и позволяет организму поддерживать свое существование. Это может быть сделано только путем приспособления организма к окружающей среде, конституции к условиям. Отсюда следует, что "благо" - термин чисто относительный: он применим только по отношению к организмам, и даже в их случае только к успеху и всему, что способствует успеху в борьбе за существование. Но к космосу до начала борьбы за жизнь и после того, как жизнь и ее борьба вернулись к бесчувственности бессознательной материи, этот термин неприменим. Материя и движение, которые существуют до и после появления жизни, вечны и неразрушимы. Их существование гарантировано и не предполагает никакой борьбы. Они вечны, органическая жизнь по сравнению с ними мимолетна. Таким образом, та часть космического процесса, о которой можно говорить как о благе, бесконечно мала по сравнению с целым. За исключением краткого момента, в течение которого существует органическая жизнь, говорить о космическом процессе так же иллюзорно, как и применять этот термин к Непознаваемому.

Но если столь значительная часть нашей оптимистической интерпретации эволюции оказалась иллюзией, состоящей в простом ошибочном использовании слова "хороший" в связях, в которых оно не имеет никакого значения, можем ли мы надеяться спасти тот очень маленький фрагмент, который остался? Возможно, мы можем возразить, что, поскольку это добро, которое ведет к человеческому существованию, весь космический процесс до сих пор, проложивший путь и подготовивший землю для человека, должен быть хорошим. Таким образом, одним махом мы, кажется, возвращаем себе по крайней мере половину утраченной территории. Но это только видимость, еще одна иллюзия, ибо космический процесс, который подготовил землю к существованию человека, подготовил ее также и к его уничтожению: его благо, его существование и его гибель одинаково безразличны к нему. Этот вывод подтверждается размышлением о том, что рассматривать космический процесс как уделяющий какое-либо внимание человеку, означало бы приписывать цель, сознание, знание добра и зла и предпочтение добру, Непознаваемому, непрерывным проявлением которого является космический процесс.

Следовательно, это всего лишь иллюзия - воображать, что эволюция обязательно стремится к добру: она абсолютно безразлична к нему. И поскольку мы должны судить о частях по целому, мы должны заключить, что эволюция человека следует тем же законам, что и эволюция в целом. Этапы эволюции человека, как и этапы эволюции в целом, - это не прогресс, не изменения, ведущие к благой цели, а просто изменения. Эволюция - это не прогресс, а простое изменение в том, что касается добра и зла, простая топтание на месте или, самое большее, серия движений, в которых продвижение и отступление в долгосрочной перспективе отменяют друг друга.

В то же время теория эволюции позволяет нам ясно увидеть действующую причину, которая неизбежно породила бы в человеческих умах иллюзию того, что существование - это хорошо. Точно так же, как любой вид животных, который находил удовольствие в действиях, в конечном

итоге приводящих к уничтожению вида, был бы обречен на вымирание, точно так же могли выжить только те разновидности рода *homo*, в которых убежденность в благости и желательности существования была достаточно сильна, чтобы вызывать действия, от которых зависело существование.

Оптимистическая интерпретация эволюции основана на теории "борьбы за жизнь", согласно которой "существование" отражает благо, за которое борется человек; и мы стремились показать, что оптимизм, основанный на этом предположении, должен привести к выводу, что прогресс - это иллюзия. Некоторые читатели, однако, могут посчитать, что простое существование - не единственное благо, за которое человек способен бороться.

III. ПЕССИМИЗМ

"Перспектива достижения безмятежного счастья или состояния, которое может хотя бы отдаленно заслуживать звания совершенства, представляется мне такой же обманчивой иллюзией, какая когда-либо витала перед глазами бедного человечества. И их было много." [1]

Теория, которая не видит в эволюции ничего, кроме перераспределения материи и движения, приводит к оптимистичному взгляду на вещи, который при рассмотрении оказывается вводящей в заблуждение иллюзией. От иллюзии к пессимизму всего один шаг.

Теория органической эволюции основана на двух фактах. Первое заключается в том, что ни одна из двух особей ни одного вида не рождается совершенно одинаковой; и что из двух разных особей одна должна превосходить другую, т.е. Лучше приспособлена к выживанию в преобладающих на тот момент условиях. Следующее заключается в том, что родители передают свои качества потомству; и превосходство вышестоящих родителей, таким образом, передается и накапливается из поколения в поколение. Органическая эволюция, следовательно, состоит во все более совершенном приспособлении организма к окружающей среде. И эта адаптация осуществляется путем физического уничтожения тех существ, которые слабы и не приспособлены к взаимодействию с окружающей средой.

Согласно теории, что эволюция - это прогресс, прогресс или эволюция человечества подчиняется тем же законам, движима теми же силами и следует той же линии, что и эволюция организмов в целом; и, соответственно, заключается во все большей адаптации к окружающей среде. Несовершенная адаптация проявляется всякий раз, когда импульсы или желания человека побуждают его к совершению действий, которые немедленно или в конечном итоге наносят ущерб его собственному существованию или существованию общества. Адаптация будет совершенной, когда все действия, необходимые для существования индивида и общества, приятны сами по себе — когда не только поход к стоматологу станет обязанностью, но и удаление зубов станет желанным удовольствием само по себе.

Хотя м-р Хаксли утверждал, что это вводящая в заблуждение иллюзия, заставляющая людей ожидать какого-либо подобного состояния безмятежного счастья, он был далек от отрицания того, что в прошлом человеком был достигнут прогресс, или от отчаяния в отношении

дальнейшего прогресса в будущем. Но прогресс, по его мнению, не заключается в приспособлении к окружающей среде; он не осуществляется посредством борьбы за существование; он не подчиняется тем же законам, не побуждается теми же силами и не следует тем же направлениям, что и органическая эволюция в целом. Оно также не заключается в замене чувства долга личным удовольствием в качестве мотива действия: напротив, оно заключается во все более полном признании притязаний других.

Идея о том, что эволюция означает прогресс и по самой своей природе обязательно приводит к совершенству, во многом обязана своей популярностью ошибочной интерпретации фразы "выживает наиболее приспособленный". В любом научном употреблении этой фразы "наиболее приспособленный" означает просто "наиболее приспособленный к выживанию". Но в популярном употреблении это должно означать "идеально или этически наилучший". Но наиболее приспособленные к выживанию не обязательно являются идеально лучшими: с научной точки зрения, это просто те, кто лучше всего приспособлен к обстоятельствам, в которых они живут. И обстоятельства, окружающая среда могут благоприятствовать или не благоприятствовать выживанию лучших в этическом или эстетическом отношении: они могут благоприятствовать росту сорняков и уничтожению прекрасных цветов, и в этом случае космический процесс уничтожит прекрасные цветы, а движение эволюции будет эстетически регрессивным, а не прогрессивным.

Следовательно, адаптация к окружающей среде не является показателем или проверкой прогресса или того, что хорошо, или правильно, или истинно, или прекрасно. Всем, что существует, самым фактом своего существования доказываем, что оно приспособлено к окружающей среде. Следовательно, если такая адаптация является доказательством того, что вещь идеально удовлетворительна, из этого следует, что все, что есть, является правильным. В то же время наша концепция добра будет лишена всякого смысла: "правильная" или "хорошая" вещь будет просто означать вещь, которая существует. Эпитеты будут просто обозначать существование, а не качество; и, следовательно, нам придется назвать удачливого злодея и преуспевающего предателя хорошими, а их методы правильными. Они приспособились к своим условиям и, как следствие, процветали.

Адаптация к окружающей среде могла означать прогресс только при условии, что окружающая среда была однородной и способствовала выживанию только тех, кто был идеально приспособлен для выживания. Но это не так: нередко случаи, когда организмы, достигнув определенной степени сложности и гетерогенности структуры, впоследствии, вследствие приспособления к окружающей среде, теряют ее и возвращаются к более ранней стадии развития, относительно простой, гомогенной и бесструктурной. Такая реверсия или регрессивная метаморфоза является такой же частью эволюции организма, как и его предыдущая прогрессивная метаморфоза; и прогресс, и регресс в равной степени являются результатом адаптации к окружающей среде. Далее, хотя реверсия и регресс в настоящее время могут быть лишь случайными, несомненно, что по мере того, как земля остывает, они должны стать всеобщими: изменившиеся температурные условия и т.д. Позволят выжить только низшим формам жизни и в конечном итоге уничтожат даже их.

Что касается органической эволюции в целом, то борьба за существование и воздействие окружающей среды не обязательно приводят к прогрессу. Что касается эволюции человека в частности, м-р Хаксли пошел дальше и утверждал, что они абсолютно враждебны

человеческому прогрессу, который был достигнут не благодаря, а вопреки им, и является результатом не подчинения космическому процессу, а игнорирования его.

Качествами, которые принесли успех в борьбе за существование человеку как животному, были ненасытность, жадность, эгоизм и абсолютное и жестокое безразличие к нуждам и страданиям других. От удовлетворения его животных желаний любой ценой для других зависело его животное существование: именно "обезьяна и тигр" внутри него сделали его победителем в борьбе за существование; именно окружающая среда навязала это как условие успеха.

Качества, которые делают человека человеком, - это нежность, жалость, милосердие, сострадание, самопожертвование и любовь. Именно в их росте — "этическом процессе" - состоит человеческий прогресс, а не в безжалостности, с которой космический процесс воздействует на эволюцию других организмов. Эти качества — человеческие — не способствуют успеху в борьбе за существование. Они не приспособлены к окружающей среде, предоставленной Природой. Их владельцы были не самыми приспособленными к выживанию и, следовательно, понесли наказание — физическое уничтожение — настолько, насколько это было возможно в космическом процессе. Если борьба за существование и воздействие окружающей среды не преуспели в том, чтобы низвести человека до уровня животного, то это потому, что человек сознательно настроил себя на противодействие космическому процессу и слепым силам, ничего не зная о добре и зле, жалости или любви, с помощью которых он влияет на эволюцию животного. Борьба за существование фатальна для развития качеств, которые особенно характерны для человечества, и человек, соответственно, приостановил борьбу за существование. Вместо того чтобы враждовать со своим ближним, он начал сотрудничать с ним. Он до некоторой степени научился откладывать удовлетворение своих собственных желаний ради удовлетворения желаний других. Он больше не уничтожает слабых, больных, беспомощных, бесполезных или даже преступников; и, если окружающая среда угрожает их уничтожению, он принимается за работу по изменению окружающей среды. Человек больше не стремится покорить Природу, повинуюсь ей: он изучает ее силы, чтобы подчинить их своей воле. Приспособление к окружающей среде - это инструмент, с помощью которого она направляет эволюцию человека к целям, которые не являются его целями; он вырывает оружие из ее рук и, приспособляясь к окружающей среде, сводит на нет ее работу, способствует росту тех качеств, которые стремятся к его идеалу, и устраняет условия, которые питают невежество и ошибки, эгоизм и грех.

Таким образом, человеческий прогресс заключается в постоянном приближении к идеалам милосердия, любви и самопожертвования. Жизнь предстает как борьба со злом, с обезьяной и тигром внутри нас, которые мы унаследовали от нашего предка — животного. Зло реально, борьба тяжелая, но достойная, и не менее достойная оттого, что она не направлена на наше личное счастье и самоудовлетворение. "Практика самоограничения и отречения не является счастьем, хотя это может быть чем-то гораздо лучшим".[2]

Пока что эта критика жизни, хотя и суровая, не является пессимистической. Напротив, в нем человек, по-видимому, вновь обрел свободу действий и способность независимого суждения, которыми, будучи простым продуктом космического процесса, он не мог пользоваться в соответствии с оптимистической теорией. Если жизнь - это борьба, то, во всяком случае, человек может вести добрую борьбу, если захочет; и он может сам судить, что выше: приспособление к окружающей среде, которое ставит человека на один уровень с обезьяной и

тигром, или приспособление к окружающей среде, которое ради его идеалов ставит его в противоречие с космическим процессом.

Именно тогда, когда мы переходим к гипотезе о проблеме борьбы, изложенной таким образом, нами начинает овладевать пессимизм. Как бы доблестно ни сражался человек, какие бы временные победы он ни одерживал здесь или там, его поражение в конце концов неизбежно: те же космические силы, которые, действуя через него, принесли ему его незначительные победы, предопределили его окончательное уничтожение. Насколько наука способна прогнозировать будущее, несомненно, что в конце концов человек станет жертвой окружающей его среды и присоединится к другой вымершей фауне земли. С ним прекращается этический процесс; с ним погибают надежды, стремления и идеалы, к которым он стремился как к более ценным, чем все, что могла предложить или произвести эволюция, перераспределение материи и движения.

Если бы это было все, картина была бы достаточно мрачной: человек одинок во вселенной, окружен силами, которые действуют без оглядки на добро или зло, без сочувствия или безразличия к правильному или неправильному, более того, в конечном итоге беспристрастно уничтожая и то, и другое. Но это еще не все. По мере того, как условия становятся все более и более неблагоприятными для существования человека на земле, по мере сокращения средств к существованию и увеличения всеобщей нужды, обезьяна и тигр в человеке снова начнут заявлять о себе. Перед лицом голода инстинкт самосохранения станет властным. И снова, как в древности, человек будет жить только за счет жадности, жестокости и эгоизма. Прежде чем человек уступит владение землей животным, он сам вернется к жестокости. Ничтожные барьеры, за которыми человек на мгновение укрыл себя от действия космического процесса и питал слабое пламя тех устремлений к высшим вещам, которые отличают его от животного, неизбежно должны быть сметены беспокойным и безжалостным приливом бесчувственной материи, постоянно перераспределяемой бесцельным движением, составляющим космический процесс.

Жаль, что процесс эволюции требует не только физического уничтожения человека, но и его морального уничтожения; что разрушению его тела должно предшествовать разрушение его души; что в своей регрессивной метаморфозе он должен быть вынужден из-за борьбы за существование и инстинкта самосохранения предавать один за другим свои идеалы нежности, сострадания и любви. Наиболее приспособленными к выживанию будут те, кто наиболее полно адаптирован к изменившейся окружающей среде, кто полон решимости добиться успеха в борьбе за существование, в которой успеха можно добиться только жестокостью. Наименее приспособленными к новым условиям и, следовательно, первыми погибнут те, для кого самость не стоит на первом месте. С их уничтожением конкуренция между менее щепетильными выжившими станет более ожесточенной и еще более жестокой. И этот процесс будет повторяться снова и снова, каждое поколение передавая коварство и жестокость следующему. В наших больших городах уже рождаются люди, деградировавшие ниже уровня самых низких дикарей, известных нам, но даже они могут дать нам лишь слабое представление о том, что борьба за существование еще произведет на руинах цивилизации в ходе Эволюции Бесчеловечности.

Заявляя, что "этический процесс противоречит принципу космического процесса и ведет к подавлению качеств, наиболее подходящих для успеха в этой борьбе", и что в лучшем случае

этический процесс может продолжаться лишь относительно короткое время, "пока эволюция нашего земного шара не зайдет настолько далеко в своем нисходящем русле, что космический процесс возобновит свое господство; и, еще раз, Естественное состояние возобладает надповерхностью нашей планеты", г-н Хаксли утверждал, что наш долг заключается "не в подражании космическому процессу, и тем более не в бегстве от него". Это, но в борьбе с этим". [3] "Космическая природа - это не школа добродетели, а штаб-квартира врага этической природы", и хотя мы знаем, что триумф врага должен быть полным, что поражение благого дела предопределено, что мы и наши близкие должны быть уничтожены, мы должны оставаться на своих постах, сражаясь до конца без надежды.

Таким образом, кажется, что человек обладает двумя видами знания: он в какой-то степени знает, что есть, и в какой-то степени он знает, что должно быть. И оба вида знания одинаково достоверны. Он судит о том, что вещь есть, и он судит также о том, что вещь должна быть. Оба суждения одинаково истинны, но, по-видимому, оба не являются одинаково окончательными, ибо если человек судит, что того, что есть, не должно быть, он вынужден изменить то, что есть, так что в конце концов то, что должно быть, также является тем, что есть. Таким образом, суждение о том, каким должно быть идеал, доказывается или, скорее, утверждается как окончательно правильное. С другой стороны, если человек терпит поражение в своих попытках приспособить существующие вещи к своему суждению о том, какими они должны быть, он не смиряется со своим поражением; он отказывается принимать результат как окончательный; конца делу нет; вещи не такие, какими он стремился их сделать, но они должны быть. То, что есть, не имеет ничего общего с тем, что должно быть. Но то, что должно быть, может иметь большое значение для того, что есть.

Этический процесс в его конфликте с космическим процессом может в конце концов и не оказаться победоносным; но это не меняет того факта, что он должен быть победоносным. Именно это глубоко укоренившееся убеждение заставило мистера Хаксли сказать, что мы должны объявить войну до последнего космической природе, штаб-квартире врага этической природы. Победа врага может быть несомненной, но тем не менее она будет неправильной; она может быть постоянной, но пока она длится, она будет неправильной. Если материя и движение вечны и неразрушимы, то мораль столь же вечна и неизменна. Если это не так, если триумф космического процесса не является неправильным раз и всегда, то почему мы призваны терпеть скорбь, боль и страдание, а не подчиняться им? Наше суждение о том, что это неверно, так же не зависит от времени, как и наше суждение о том, что частицы материи притягиваются друг к другу. У нас нет оснований полагать, что последнее будет оставаться верным в течение более длительного времени, чем первое. Действительно, если бы материя и движение, одержав свою победу над этическим процессом, были тут же уничтожены, их победа продолжала бы оставаться неправильной, хотя они и перестали быть таковыми. Добро может восторжествовать или зло может восторжествовать, но добро есть добро, а зло есть зло во веки веков. Напрасно твердить нам на одном дыхании, что мы должны полагаться на наши моральные суждения и что на наши моральные суждения нельзя полагаться. Каждое сомнение в их обоснованности является приглашением к нам отказаться от борьбы с врагом этической природы. И если мы действительно полны решимости вести праведный бой и отказаться от себя, как подобает мужчинам, мы тем самым утверждаем, что наши моральные суждения по меньшей мере столь же справедливы, как и наши суждения о фактах, и что, если наше знание того, что есть, объективно истинно, наше знание того, что должно быть, содержит в себе по крайней мере равный элемент объективной истины.

Итак, если космический процесс реален и объективен в той мере, в какой он является постоянным проявлением Непознаваемой Реальности, лежащей в основе всех вещей, то этический процесс, обладающий такой же реальностью и объективностью, также является проявлением Непознаваемого. Постоянное перераспределение материи и движение - не единственный способ, которым Непознаваемое проявляется людям: оно также придает себе форму в виде самых высоких и чистых устремлений, которые человек осознает внутри себя. Таким образом, на первый взгляд может показаться, что простое беспристрастное рассмотрение реальных фактов жизни, совершенно независимо от каких-либо религиозных предпосылок или презумпций, привело нас, наконец, в присутствии Бога, источника и творца всего доброго. Но, во-первых, те, кто придерживается догмы агностицизма о том, что в основе известных нам вещей лежит Непознаваемое, не могут допустить, что мы знаем или можем выяснить, является ли Непознаваемое хорошим или плохим. Индукция, логический метод, которому наука обязана столь многими своими открытиями и с помощью которого мы переходим от известного к неизвестному, здесь нам не поможет. Никакой логический метод не может открыть то, что не просто неизвестно, но абсолютно непознаваемо.

Далее, достаточно разумно, чтобы те, кто начинает с веры в Божественное Провидение, также верили, что в конце концов восторжествует справедливость, если не в том мире, каким он предстает перед нами сейчас и здесь, в пространстве и времени, то в том реальном мире, в том царстве небесном, несовершенным проявлением которого является этот мир, или к которому он является лишь отдаленным и медленно приближающимся. Однако с теми, кто отказывается предполагать реальность Божественного Провидения, дело обстоит иначе. Они основываются на фактах опыта: они замечают, что в некоторой малой степени то, что должно быть, имеет тенденцию замещать то, что есть, исключительно благодаря действиям человека, а не какой-либо врожденной тенденции к добру в космической природе, но скорее вопреки сопротивлению добру, вызванному необходимым действием механических законов природы. Из их наблюдений за условиями, при которых человеку удалось преобразовать то, что есть, в то, что должно быть, они прогнозируют степень, до которой этот процесс может быть доведен в будущем; и их вывод заключается в том, что процесс обречен на окончательный провал, обречен не просто прекратиться, но уступить место процессу в противоположном направлении, в результате которого то, что должно быть, будет вытеснено тем, чего не должно быть, в результате чего этическая природа уступит место космической природе.

Итак, если Бога нет или, будучи Непознаваемым, Он должен быть исключен из наших слов, мыслей и поступков как ничтожная и бесполезная величина для рациональных целей, то достаточно естественным выводом является то, что добро в конечном итоге должно уступить место злу. Это всего лишь подтверждение известного тезиса о том, что без религии мораль не может сохраняться постоянно. Однако в данном случае этот тезис выдвигается не как проявление религиозного предрассудка или теологической дерзости, а как научное учение и неизбежный результат эволюции.

СНОСКИ:

[1] Хаксли, *Эволюция и этика*, стр. 44.

[2] Хаксли, *Эволюция и этика*, стр. 44.

IV. ИДЕАЛИЗМ

Горечь пессимизма, или, скорее, пессимистической интерпретации эволюции, изложенной в нашей последней главе, заключается в открытии того, что то, что мы ценим больше всего, что мы в наши лучшие моменты ценим наиболее высоко, что нам дороже всего, - это вопрос безразличия к космосу. То, что должна существовать какая-то сила, более великая, чем сила Права, что всякое добро в конце концов навсегда будет посрамлено, невероятно точно так же, как самые большие потери в жизни невероятны в первый момент потрясения, несмотря на неоспоримые факты, которые показывают, что они реальны. Но в то время как эти потери носят всего лишь личный характер, и, возможно, наши сожаления эгоистичны, эта потеря больше, чем личная, и сожаление не просто эгоистичное. Дело не только в том, что мы лично придерживались ошибочного мнения или что любое самопожертвование — прискорбно малое и недостойное в ретроспективе, — на которое мы пошли, было принесено ради проигрышного дела. Дело в том, что помимо нашего личного участия в этом деле, которое по своей истинной ценности равно нулю, все это неправильно; так не должно быть. В этом мы просто так же уверены, как и в том, что наша прошлая жизнь была не такой, какой она должна была быть, какой она могла бы быть. Прошлое прошло безвозвратно, но в отношении будущего до сих пор были надежда и вера, вера в то, что то, что должно быть, может быть, даже для нас, надежда, что так оно и будет. Но теперь, вместо надежды и веры, у нас есть научная уверенность в том, что будущее человечества посвящено торжеству того, чего не должно быть. Единственное утешение, оставшееся нам, - это неугасимая, непобедимая убежденность в том, что справедливость есть справедливость, даже если она не должна восторжествовать. Мы должны придерживаться этой убежденности, даже если обрушатся небеса. Мы должны держаться за нее, хотя она и приносит, как и должна приносить, согласно мистеру Хаксли, печаль, страдание и отказ от нашего собственного счастья.

Это трудные высказывания. Но к ним нужно добавить еще более трудное. Даже если это повлечет за собой отказ от нашего интеллектуального превосходства перед другими людьми, мы должны придерживаться своих убеждений. Если мы серьезно относимся к нашим моральным убеждениям, мы отвергнем любое предположение о том, что они, в конце концов, не являются истинными, даже если это предположение, по-видимому, дает единственный способ избежать вывода о том, что вера в религию имеет ту же основу в разуме, что и вера в науку.

Провозглашая нашу убежденность в том, что право есть право, мы утверждаем и намерены утверждать, что это так не на основании мнения, а на самом деле. Точно так же установленная научная истина не относится к числу тех вопросов, по которым разумные люди, компетентные судить, могут разумно придерживаться различных мнений: это не вопрос мнения, а вопрос факта. Действительно, оба вида истины, моральные истины и научные истины, совершенно независимы от индивидуального мнения. Есть люди, по мнению которых земля плоская; но земля не плоская, и их мнение не может изменить факт. Было время, когда все законы природы были неизвестны человеку или понимались им неправильно; но они действовали как обычно,

совершенно не подверженные влиянию его идей. Таким образом, есть люди, которые считают успешное мошенничество идеалом и которые сколотили бы состояние, продвигая мошеннические компании, если бы могли; но честность остается обязанностью, несмотря на их идеи. Право есть право, даже если существуют звери в человеческом обличье; и право было правом, даже когда обезьяна и тигр правили в человеке, и даже несмотря на то, что они были прекрасными парнями, по их собственному мнению. Жестокость и эгоизм никогда не были правильными, и никогда не будут. Законы морали, как и законы науки, объективно истинны: они не зависят от мнений людей о них; земля, например, не двигалась и не переставала двигаться вокруг солнца в соответствии с тем, как люди считали Галилея правым или неправым, и правильное не переставало быть правильным даже тогда, когда мир был наиболее развращенным.

Таким образом, моральное суждение, как и научное суждение, объективно, а не субъективно; это не выражение простого мнения, а констатация факта, который существует независимо от человека. Если теперь мы спросим, какого рода существование оно имеет, то ясно, что то, что есть, и то, что должно быть, не во всех случаях имеют одинаковый вид существования: то, что есть, иногда также может быть тем, что должно быть, но часто это не так. Теперь, когда имеет место последнее, когда что-то воспринимается как вопиющее зло, отвратительная несправедливость, требующая исправления, в каком смысле существует справедливость, к которой мы призываем, чтобы изгнать несправедливость? То, чего не должно быть, существует и находится во владении. То, что должно быть, откладывает свое появление. Должны ли мы тогда сказать, что, пока это так, это действительно существует, но существует как идеал, как нечто такое, что, как мы знаем, должно быть и, как решено, будет? То, что она должна представляться тому или иному разуму как объект желания и как возможность, способная осуществиться, несомненно. То, что она действительно так представляется человеку, - это то, что мы имеем в виду, когда приписываем ему силу морального суждения и морального действия. Но когда мы говорим о моральных суждениях человека как об объективно истинных, мы подразумеваем, что они существуют не только в его сознании, но и где-то еще. Но идеалы могут существовать только в сознании; суждения может выносить только судья. Когда, следовательно, мы утверждаем, что по объективности и обоснованности наши моральные суждения находятся на одном уровне с нашими научными суждениями, и что наше знание того, что должно быть, столь же реально и истинно, как наше знание того, что есть, что существование этической природы с ее требованиями к нашему разуму является фактом столь же неоспоримым, как существование космической природы, мы неявно подтверждаем также существование разума, отличного от человеческого, из моральных суждений которого законы морали черпают свою значимость; и поскольку эти законы вечны и неизменны, поскольку право является правом всегда и от вечности к вечности, таким же должно быть и право человека. помните, в чем они находятся и из чего исходят.

Сказать, что идеал реален, звучит парадоксально. Это все равно что сказать, что иметь идею шиллинга - это то же самое, что обладать шиллингом. Это явный абсурд, но никто не станет утверждать, что абсурдно говорить, что мы должны стараться быть лучше, чем мы есть. Напротив, каждый признает, что это истина, и истина высочайшей важности, имеющая большую ценность и большее значение для наших высших интересов, чем, скажем, закон всемирного тяготения или любое утверждение о способах перераспределения материи и движения. Когда желание изменить нашу жизнь сильно в нас, когда мы лучше всего осознаем огромную разницу между действительным изменением и изменением только в идее, тогда мы

наиболее уверены в реальности морального идеала как факта, как непосредственно осознаваемого в данный момент, так и имеющего постоянное значение для нас и для всех людей. Говорить, что наши моральные убеждения не соответствуют никаким реальным фактам, значит просто отказывать им в какой-либо обоснованности вообще. Сказать, что факты, которым они соответствуют, реальны, но чисто субъективны, являясь всего лишь настроениями, и часто преходящими, индивида, значит просто сказать, что наши моральные убеждения - это иллюзии, а праведные поступки - всего лишь фантазия. Мы также не исправим ситуацию, если добавим, что все люди в большей или меньшей степени подвержены этим настроениям, что добро и зло - это чисто человеческие институты; ибо, если их ценность для отдельного человека равна нулю, их существование во множестве лишь дополняет шифры шифрами. С другой стороны, если моральный идеал не является плодом воображения человека, если его существование не возникает и не исчезает вместе с его порывистой моральной борьбой, тогда его постоянное обиталище, центр, из которого он проявляется, должен находиться в некоем постоянном разуме в центре вещей.

Пессимистическая интерпретация эволюции предлагает другой способ прийти к тому же выводу. Эта форма пессимизма представляет космическую природу безразличной, если не враждебной, к этической природе; первая своим законом борьбы за существование способствует выживанию сильнейших и наиболее эгоистичных; вторая своими моральными законами стремится приостановить борьбу за существование и победить эгоизм, который первая стремится увековечить и расширить. Эволюция человека по своей сути является борьбой человека как нравственного существа с природой как неморальным или антиморально настроенным; и кривая, прослеживаемая эволюцией человека, является результирующей противостояния двух сил — микрокосма, человека, и макрокосма, природы. На протяжении первой части своего пути линия человеческой эволюции поднимается, но на протяжении последней части она обречена на падение; и кривая завершится, когда человек, пройдя все стадии моральной деградации, снова погрузится в грубую материю, которой изначально он был обязан своим существованием. Против этой победы космической природы человек, как нравственное существо, протестует и борется. Он протестует, что это неправильно — неправильно не потому, что это приносит ему больше боли, чем удовольствия, поскольку правильные поступки тоже могут иметь такой результат, но неправильно без учета его чувств, так что любой беспристрастный зритель, ставший свидетелем борьбы, осудил бы ее и пожалел об этом. Если это не так, если осуждение является выражением всего лишь человеческих предрассудков, тогда в поражении этической природы или в победе ее врага, космической природы, действительно нет ничего, о чем стоило бы сожалеть; различие между добром и злом не является абсолютным или реальным различием, соответствующим реальным фактам, и победа космической природы, даже если она противоречит человеческим предрассудкам, тем самым не доказывается как действительно неправильная, хотя человек, естественно, пребывает в иллюзии, что это так.

Грубая и аморальная пошлость, оправдывающая противоправный поступок на том основании, что "через сто лет все будет по-прежнему", с течением времени применима как к расе в целом, так и к индивиду в частности. Через миллион или миллиард лет, согласно пессимистической интерпретации эволюции, все будет по-прежнему: будут существовать только материя и движение, совершенно безразличные к добру и злу. Какое тогда имеет значение, правильно мы поступаем или неправильно? В конечном счете, это не будет иметь никакого значения: различие между правильным и неправильным не имеет постоянной ценности и не основано на

какой-либо долговременной разнице в вещах. Нет ничего странного и в том, что дело, основанное на иллюзии, обречено на поражение. Странно то, что кто-то призывает нас отказаться от счастья ради такой бессмысленной борьбы.

Единственный ответ на такую пустую болтовню заключается в том, что действительно важно, здесь и сейчас, всегда и на все времена, чтобы добро восторжествовало над злом. Не годится говорить, что это имеет значение сейчас, но и не будет иметь значения в дальнейшем, потому что, если это не имеет значения тогда, то и сейчас это не имеет никакого значения. Но если праведные поступки - самая важная вещь в мире, более важная, чем счастье, более важная для всех времен, даже чем вечное перераспределение материи и движение, то для кого это важно? Не исключительно и даже не в первую очередь по отношению к самим себе; ибо суть праведных поступков заключается в попытке отстраниться от себя и забыть о нем, в стремлении подняться над личными соображениями и мыслями о себе, в убеждении, что, хотя для меня очень важно поступать правильно, на мне дело не заканчивается. Этот вопрос не имеет для меня чисто личное значение и не важен просто потому, что я предпочитаю так думать. Его ценность и значительность осознаются — увы! слишком редко — мной, они созданы не мной. Его значение реально, а не вымыслено; эта реальность не создана человеком, это не человеческий предрассудок, а существует независимо от человека и от того, что он думает. Для материи и движения, этих вечных проявлений Силы или Реальности, которая лежит в их основе, ничто не может иметь никакого значения: только для разума вещи могут быть значительными или важничать. Таким образом, если важность правильных поступков реальна, то это потому, что для Силы, лежащей в основе всех вещей, действительно важно, чтобы мы поступали правильно; и эта Сила должна иметь природу интеллекта, ибо только разум может либо постигать ценности, либо присваивать их. Если микрокосм, человек, может вынести обоснованный приговор макрокосму, природе, то это только потому и постольку, поскольку его нравственная природа приводит его в прямое общение с сутью вещей и дает ему знание воли той Силы, от которой в равной степени зависит существование микрокосма и макрокосмоса. Если различие между добром и злом - это то, с помощью чего человек может правильно судить о себе и космосе, то различие и суждение должны исходить из источника, превосходящего оба. Если это не так, то пессимистическая интерпретация эволюции терпит крах, потому что она основана на предположении, что осуждение космической природы является правильным суждением. Пессимизм не только рушится, но и должен быть отброшен элемент истины и реальности, который содержит в себе пессимизм; если различия между добром и злом недостаточно для выполнения задачи, поставленной перед ним пессимизмом, то этого недостаточно и для нас, чтобы строить на этом свою жизнь. Короче говоря, либо окончательное поражение этического процесса имеет значение, либо нет. Если это не так, зачем испытывать печаль и боль в тщетных попытках предотвратить это? Если имеет, то для кого? Больше не для человека, ибо он присоединится к вымершей фауне. Следовательно, для некоего морального разума, для которого торжество права имеет большое значение.

Из этой дилеммы, по-видимому, единственным выходом является откровенное признание того, что через миллиард лет будет "все то же самое", но отрицать это, потому что тогда будет все то же самое, сейчас безразлично. Таким образом, этот аргумент утверждает, что в конечном счете все будет по-прежнему и что было бы иллюзией воображать, что когда человек вымер, это может иметь значение. Однако здесь и сейчас, да и вообще до тех пор, пока человечество продолжает существовать, праведные поступки имеют для человека наивысшую мыслимую важность, даже более важную, чем счастье. Но только до тех пор, пока человечество

продолжает существовать, оно может оставаться важным: его важность существует только в сознании человека и исчезает вместе с ним. Следовательно, сказать, что окончательное поражение этического процесса, когда оно будет установлено, вызовет сожаление, значит только сказать, что если бы мы или любой другой моральный судья были там и видели это, мы бы об этом пожалели; но мы никак не можем утверждать это, потому что моральный судья сожалел бы об этом, если бы он был там, следовательно, там был бы тот, кто сожалел бы об этом. Конечно, возможно, что Непознаваемое может быть моральным разумом такого рода, потому что в отношении Непознаваемого возможно все. Но мы не можем ни утверждать, ни отрицать это или что-либо еще о Непознаваемом, ибо тогда Непознаваемое перестало бы быть непознаваемым.

Таким образом, суть этого аргумента заключается в том, что для нас, людей, и (насколько у нас есть какие-либо позитивные знания) только для нас, людей, законы морали реальны, чрезвычайно реальны; но их реальность начинается с человека и заканчивается им. На это утверждение следует ответить, что с точки зрения их реальности законы морали стоят точно на той же основе, что и законы науки. Возьмем, к примеру, теорию эволюции: на основе научных наблюдений за тем, что происходит сейчас, она делает выводы о том, что было и что будет, реконструирует прошлое и прогнозирует будущее; она рисует картину земного шара таким, каким он был до появления человека; она формирует представления о земле таким, каким она будет еще долго после того, как человек исчезнет. Однако эти концепции и картины существуют только в сознании человека, ибо будущего еще не существует, а прошлое перестало существовать. Иными словами, эволюция - это умозаключение, или, скорее, масса умозаключений, которые, как и все умозаключения, существующие в уме, не могли существовать до разума и не могут существовать, когда разум перестал существовать. Наука, будучи работой ума (ибо мы не можем сказать, что она не требует интеллекта), - это просто человеческое представление о том, что было, есть и будет, точно так же, как мораль - это представление человека о том, что должно быть. Если мы говорим, что то, что должно быть, прекратится и потеряет смысл, когда человек исчезнет, тогда мы должны сказать то же самое о том, что было, есть и будет. Если добро, благородство, правильность - это просто человеческие представления о том, что должно быть, то материя и движение - это просто человеческие представления о том, что есть. Если реальность первого можно найти только в человеческом разуме, то такова и реальность второго. Если реальность первого должна прекратиться вместе с человеческим существованием, то должна прекратиться и реальность другого. С другой стороны, если что-то и должно существовать, когда человечества больше не будет, то это может существовать только в каком-то сознании. Только для человека что-либо может быть правильным или благим. Только человек может увидеть суммированное прошлое или будущее, содержащееся в настоящем. Если законно и логично делать вывод о том, что то, что есть, будет продолжаться и после исчезновения человека с лица земли, то это значит сделать тот же вывод и в отношении того, что должно быть. Если наука действительно истинна, а не просто кажется таковой человеку, она должна быть истинной для какого-то иного разума, кроме человеческого: только разумом может быть постигнута истина или утверждено право. Но если истина ограничена человеческим разумом и исчезает вместе с ним, то эволюция должна перестать быть истинной, когда люди перестанут существовать. Более того, в таком случае оно вообще не может претендовать на истинность, или, скорее, не претендует на истинность, а только кажется. С другой стороны, если закон всемирного тяготения, например, был верен до появления человека, то его истинность должна была жить в каком-то сознании. Если это не было правдой

тогда, то у нас нет больше оснований полагать, что это правда и сейчас. Короче говоря, истина и право, то, что есть и что должно быть, должно быть либо отвергнуто как простое человеческое воображение, либо принято как непреходящие факты Вечного Морального Сознания.

Должны ли мы, в таком случае, сказать, что описание, которое наука дает о строении и функционировании Вселенной, действительно достаточно непротиворечиво само по себе и является логическим выводом из своих предпосылок, но утверждать, что оно выражает или даже соответствует какой-либо реальности за ее пределами, - это утверждение, которое мы не имеем права делать? Занимать такую позицию - значит просто утверждать, что наука последовательна и логична, но что у нас нет причин или права верить, что это правда. Если наши счета основаны на вымышленных цифрах, они могут храниться так строго, как вам заблагорассудится, но они никогда не покажут нам нашего истинного положения. Действительно, если наши предпосылки неверны с самого начала, то чем логичнее наши умозаключения, тем больше уверенности в том, что наши выводы неверны.

Должны ли мы тогда сказать, что отчет, который наука дает о космическом процессе, не только последователен и логичен, но и выражает реальность или соответствует ей? Тогда в этом случае космический процесс, насколько он действительно выражен наукой, является логическим процессом. Но только разум может быть логичным или может пройти через логический процесс. Следовательно, еще раз, факты науки в той же мере, что и факты морали, подразумевают, что реальное - это Интеллект. Короче говоря, истина науки и истина морали связаны друг с другом и имеют одну и ту же основу. Если первое справедливо для фактов, находящихся за пределами человеческого наблюдения, то справедливо и второе. Если первое подразумевает сознание, отличное от человеческого, то в равной степени справедливо и второе.

Можно сказать, что рассматривать правящий принцип космоса как морального агента - значит совершать антропоморфную ошибку. Что же тогда мы скажем о науке, которая занята демонстрацией того, что космический процесс всегда логичен? Что наука просто описывает факты такими, какие они есть, и что если они логичны, то это не ее вина? Тогда присутствие разума, отличного от человеческого, раскрывается науке в фактах; и было бы ложью говорить, что наука просто привносит в них свой собственный разум. Точно так же присутствие моральной личности, отличной от нашей собственной, открывается нам в фактах совести, а не привносится в них нами. Присутствие Утешителя - это один из фактов, воспринимаемых религиозным сознанием; это не просто способ религиозного человека интерпретировать какой-то другой факт. Из этого вывода единственный способ избежать - сказать, что антропоморфизм - это логическая ошибка, и что это логическая ошибка, которой человеческий разум, по самой своей структуре, всегда и неизбежно подвержен. Этот аргумент одним ударом устраняет все признаки какого-либо интеллекта или морали, отличной от человеческой. Но как? Просто задавая вопрос, молчаливо принимая как должное, что нет никакой другой личности, кроме человеческой. В таком случае действительно очевидно, что постоянное открытие человеком личной силы в силах природы, более чем человеческой мудрости в законах природы и более чем человеческой доброты в человеческом сердце является и должно быть ошибочным. Но только исходя из предположения, что в мире нет мудрости, кроме человеческой, что во всей вселенной нет любви, кроме его, мы можем сказать, что человек видит в фактах мудрость и любовь, которых там нет. Готовы ли мы тогда сказать, что, давая нам логическое объяснение космического процесса, наука — естественно и неизбежно, но тем не менее совершенно —

ошиблась? Если научное изложение соответствует фактам, то факты ведут себя логично. Если представление о том, что вещи могут вести себя логично, является антропоморфной ошибкой, тогда научное описание фактов должно быть ошибочным.

Возможно, будет предпринята попытка спасти науку, заявив, что наука антропоморфна, но не ошибочна. Это, однако, выдает суть дела в целом: это признание того, что, интерпретируя космический процесс как логический процесс, наука просто признает, и справедливо признает, логический характер фактов — антропоморфная интерпретация оказывается правильной. Но мы должны отметить, что это правильно не потому, что оно антропоморфно, а потому, что оно точно описывает факты. Наука стремится описывать и формулировать факты такими, какие они есть: если законы науки рациональны, то это потому, что она уже нашла причину в фактах, а не потому, что она ее туда вложила. Она не устанавливает законов природы, не диктует поведение фактов, и их поведение не является просто ее способом интерпретации фактов. Человек открывает в природе мудрость, которая является атрибутом личности, не потому, что он не может не быть антропоморфным в своих взглядах, а потому, что природа - это проявление силы и мудрости личности, иной и более великой, чем человеческая. Таким образом, это открытие настолько далеко от создания предположения о том, что человек создает природу по своему собственному образу и подобию, что оно представляет собой доказательство того, что человек создан по образу той личной воли и мудрости, которые выражены в природе так же, как проявляются в человеке. Открывая личность, мы открываем то, что фундаментально реально в природе, и для нас то, что фундаментально реально, также является нашим высшим идеалом.

Мы уже отмечали, что, как бы парадоксально ни звучало утверждение, что идеал реален, кажущийся парадокс действительно выражает факт — факт одновременно нашего осознания разницы между тем, что есть, и тем, что должно быть, и нашей убежденности в том, что то, что должно быть, не просто иллюзия. Истина и доброта, мудрость и любовь - все это одновременно идеально и реально. Истина, приблизиться к которой является идеалом науки, - это не просто химера. Поскольку это истина, это не просто способ человека взглянуть на факты или интерпретация, которую он им дает: это изложение фактов, настолько точное, насколько это может сделать наука. Идеал, будучи идеалом, никогда не будет достигнут полностью; но то, что истина существует, чтобы ее обнаружить, доказывается каждый раз, когда наука достигает новой истины, то есть истины, которая до своего открытия действительно не была постигнута человеком, но, безусловно, поэтому не была ни ложной, ни несуществующей. Истина заключалась в фактах; ибо всему, что человек знает о природе, он научился у природы, и то, что он там находит, является не проекцией человеческой мудрости, а откровением более чем человеческой мудрости. Знание человека реально по мере того, как оно приближается к идеалу. Идеал - это не догадка человека, или смутное представление, или предвосхищение того, что он может узнать в будущем, поскольку такие догадки всегда оказываются более или менее ошибочными. Это также не убежденность человека в том, что истина существует, если бы только он мог ее найти. Это действительная истина и знание, которые сейчас существуют, и, будучи истиной и знанием, должны существовать в каком-то сознании, и уж точно не существуют в сознании человека. Наука, насколько она приблизилась к идеалу, сделала это не за счет антропоморфизма, а за счет того, что перестала быть антропоморфной, то есть отбросила предположения о том, что согласно человеческим представлениям должно быть или *априори* должно быть, и заменила такие предубеждения терпеливым, благоговейным изучением фактов такими, какие они есть.

Считать полученные таким образом знания одновременно чисто человеческими и единственными реальными - значит утверждать, что эволюция вселенной существует только в умозаклечениях человеческих мыслителей, и, следовательно, что мир, каким он был до существования человека, был создан благодаря умозаклечениям разумов, которых тогда еще не существовало и которые развились лишь впоследствии. Как человек мог развиться из своих собственных умозрений? Как его умозрения могли существовать до него? Человек обязан своим происхождением той же Силе, мудрость которой открыта науке в природе и проявляется всем вокруг нас. Свидетельства существования Силы, а не нас самих, мы находим во всем, что нас затрагивает. Это факт сознания, но это факт, который по самой своей природе существует не только в нашем сознании. В этом она напоминает идеальную мудрость или доброту, которая существует в нас, поскольку наша мудрость или доброта реальны, но далеко не исчерпываются их частичным присутствием в нас.

Идеал морали, опять же, - это не просто желание творить добро или быть хорошим, точно так же, как идеал знания - это не просто желание познать истину. И если добро является объектом морального желания, как истина является объектом интеллектуального желания, то ни в том, ни в другом случае объект желания не является чисто воображаемым, простой идеей или концепцией чего-то, что могло бы быть, но на самом деле таковым не является. Мы не желаем воображаемых удовольствий или мнимой доброты, мы хотим реальности; и говорить нам, что эта реальность существует только в идее, только в нашем собственном воображении, - это вводящая в заблуждение полуправда. Верно, мы должны иметь какое-то представление об этом, иначе мы не могли бы желать этого. Но и мы не могли бы желать этого, если бы это было представлено нам как чисто воображаемое. Другими словами, объект морального желания в момент постижения воспринимается и как актуальный, и как возможный, как существующий одновременно для нас и вне нас. То же самое происходит и с идеальной истиной: мы не могли бы желать ее, если бы у нас не было какого-то представления о ней, если бы она в какой-то степени или каким-то образом не присутствовала в нашем сознании; и все же, в то же время, знание, которым мы желаем обладать, но еще не обладаем, безусловно, находится, поскольку мы им не обладаем, за пределами нашего сознания. Именно потому, что у нас этого нет, мы этого хотим. И объект желания, то, чего мы хотим, - это не воображаемая истина, а реальная истина; точно так же, как в наши лучшие моменты мы хотим делать не то, что считаем правильным, а то, что действительно правильно. Следовательно, Реальное — реальная истина, реальное добро - постигается в момент постижения и желается в момент желания как существующее как для нас, так и вне нас.

Оговорка "в момент осознания, в момент желания" важна, потому что она затрагивает корень всех форм субъективного идеализма. Все они предполагают, что единственная вещь, воспринимаемая непосредственно, - это то, что существует для нас; что, следовательно, предполагаемое существование любой реальной вещи или личности вне нас - это простое умозаключение, истинность которого у нас нет средств проверить, потому что это утверждение о вещах, о которых у нас нет прямого восприятия или знания. Следовательно, исходя из этого предположения, единственное, что человек воспринимает непосредственно, - это свои собственные состояния сознания, свои собственные ощущения и т.д. Должны ли мы называть их реальными или нет? Если они нереальны, то вся его жизнь - сон, его рассуждения - фантазии, а желания - иллюзии. Если они - единственная реальность, в которой он может быть уверен, тогда единственная истина - это то, что человек знает, единственное благо - это то, что человек делает, единственный мир - это то, что человек думает, единственный Бог - это то, что создает

человек, увеличенная, неестественная тень человека, спроецированная на туманы Непознаваемого.

Поэтому важно настаивать на том, что Реальное — реальность существования, знания, добродетели — это не умозаключение, а вопрос непосредственного постижения. Несомненно, что доброта или знание, чтобы быть объектом желания, должны быть представлены нам в виде идеи; но столь же несомненно и то, что сама идея - это не то, чего мы желаем. Объект желания непосредственно воспринимается как в нашем сознании, так и за его пределами. Окружающий нас природный мир также непосредственно воспринимается как находящийся одновременно в нашем сознании и за его пределами: он представлен нашему разуму, но представлен как реальный.

Важно также отметить, что реальное не утрачивает своей реальности для нашего восприятия тогда и потому, что оно поселяется в нас: добро не перестает быть добром оттого, что мы это делаем, и истина не перестает быть истиной оттого, что мы ее знаем. Из этого не следует, что, поскольку идеал не может быть реализован полностью, он не может быть реализован вообще. Напротив, убежденность в том, что он не может быть достигнут полностью, сама по себе является гарантией того, что он может быть достигнут частично. И все же предполагалось, что если вещь постигается нами, то она не может быть реальной, что реальное знание начинается как раз там, где заканчивается наше знание, что чем дальше мы продвигаем наше знание вперед, тем дальше реальное знание ускользает от нашего взора. На этом предположении построена теория Непознаваемого, теория о том, что все, что известно человеку, является состоянием человеческого сознания; что состояния сознания субъективны, являются всего лишь видимостью вещей, а не самими вещами; что реальные вещи, сами вещи непознаваемы; только их видимость может быть известна человеку; следовательно, реальное навсегда непознаваемо. "Реальность, существующая за всеми видимостями, является и всегда должна быть неизвестной".^[4] Следовательно, выводы о Реальном бесполезны. Однако в качестве компенсации наши знания о нереальном, согласно этой теории, разнообразны и обширны: они включают, например, теорию эволюции и всю науку в целом.

Но предположение, которое приводит к этому странному выводу, противоречит фактам. Факт, как мы утверждали, состоит в том, что реальное в сознании непрерывно по отношению к реальному за пределами сознания и воспринимается в момент восприятия как, таким образом, непрерывное и не достигается никаким процессом вывода. Реальное - это вопрос не вывода, а восприятия. Его существование не может быть выведено ни из чего другого; это то, из чего должны быть выведены все заключения. Я не могу доказать, что вещь реальна, так же как не могу доказать, что у меня болят зубы. В этом нет необходимости.

СНОСКИ:

^[4] Герберт Спенсер, *Первые принципы*, глава iv. § 22, стр. 69.

Против НАСТОЯЩЕГО

В начале этой книги мы начали с признания Эволюции как факта, что практически неизбежно для всех обычно образованных людей при нынешнем уровне научных знаний. Приняв это как факт, мы продолжили выяснять, что это может сказать нам о моральном правлении миром, если вообще что-либо говорит; и мы обнаружили, что разные авторитеты по-разному интерпретировали теорию Эволюции. Согласно одной из интерпретаций, процесс Эволюции представлял собой непрерывный прогресс от хорошего к лучшему: добро могло уступить место только более высокому добру. Согласно другой интерпретации, добро было преходящей, мимолетной фазой в процессе эволюции, не имеющей постоянной ценности: этический процесс был обречен на поражение от своего врага, космического процесса. Согласно третьей интерпретации, понятие добра было чистой иллюзией, действительно необходимой, поскольку без нее человек не смог бы выжить в борьбе за существование, но тем не менее иллюзией.

Как бы сильно ни отличались эти интерпретации друг от друга относительно морального значения процесса эволюции, или даже относительно того, имеет ли эволюция вообще какое-либо моральное значение, в одном они сходятся. Они согласны с тем, что из фактов эволюции невозможно сделать какой-либо вывод о моральном правлении Вселенной. Утверждать его моральное правление означало бы претендовать на знание Непознаваемого, что является очевидным абсурдом. Это означало бы приписывать силу, сознание, мудрость и доброту Реальному; а Реальное есть и всегда должно быть неизвестным.

Это отождествление Реального с Непознаваемым заводит нас в следующий нелепый *тупик*: подавляющее большинство людей обращаются и всегда должны обращаться за руководством и информацией к науке и теологии; а теология - это знание непознаваемого; наука - знание нереального. Те, кого устраивает этот тупик, могут оставаться в нем. Мы предлагаем попытаться найти выход из него.

Если мы проанализируем наше восприятие любого материального объекта, то есть любого объекта, который мы воспринимаем посредством органов чувств, мы обнаружим, что наше восприятие объекта состоит из ощущений, которые мы испытываем по отношению к нему. Воспринимать апельсин - значит видеть, что он желтый, чувствовать, что он круглый, нюхать его, пробовать на вкус и так далее. Эти различные ощущения вместе составляют наше восприятие апельсина. Итак, субъективный идеалист говорит, что восприятие - *это* апельсин, и что апельсин - это восприятие. Для новичка в философии это звучит абсурдно: он знает, что его восприятие - это не апельсин, и что апельсин - это нечто большее, чем его восприятие. Но когда его спрашивают: "Что еще? Если оранжевый - это не восприятие, то что же это такое?" обычно он не дает никакого удовлетворительного ответа; и тогда ему говорят, что его представление о том, что в апельсине есть что-либо, кроме его собственного восприятия или ощущений, очевидно, не является фактом ощущения или непосредственно наблюдаемой вещью, а просто его верой или умозаключением. С другой стороны, он обычно задает своему инструктору вполне естественный вопрос: "Если апельсин - это просто мое восприятие, то что происходит с апельсином, когда я его не воспринимаю? Допустим, он существует всякий раз, когда я на него смотрю, но что с ним происходит в промежутках, когда я на него не смотрю? Существует ли он тогда или нет?"

На это епископ Беркли отвечает, что так оно и есть; что оно существует тогда точно так же, как и сейчас, то есть существует в идее (*т.е.* восприятии или ощущении); но поскольку оно не существует в моем восприятии, когда я на него не смотрю, оно должно существовать в восприятии какого-то другого разума, для которого все вещи всегда присутствуют.

С фактом, который формирует вывод Беркли, я не спорю. Что я хотел бы показать, так это то, что он не следует из этих посылок.

Аргумент Беркли таков: все люди верят, и справедливо верят, что вещи, которые они видят, постоянны. Вещи, которые они видят, являются идеями (восприятиями, ощущениями) разума. Следовательно, постоянный мир - это идея постоянного разума.^[5]

Но "то, что они видят" - двусмысленное выражение. Если под "вещами, которые я вижу" подразумевается "мои зрительные ощущения", то они не являются постоянными, поскольку длятся только до тех пор, пока я смотрю на объект, и, следовательно, любой аргумент, основанный на их предполагаемом постоянстве, рушится. С другой стороны, если "вещи, которые я вижу" постоянны, то это не просто мои зрительные ощущения — в этом случае субъективный идеализм ошибочен, и мое восприятие вещи не является полным описанием вещи и не исчерпывает ее реальности. Вещи, которые я воспринимаю, не являются моими ощущениями: это вещи, о которых у меня есть ощущения. Короче говоря, в момент осознания они воспринимаются как находящиеся как внутри, так и вне сознания.

На вопрос, существует ли вещь, когда я на нее не смотрю, Джон Стюарт Милль, по сути, отвечает, что всякий раз, когда я смотрю на нее, я буду ее видеть; что если бы я смотрел, я бы ее увидел. Это достаточно верно, но это не ответ на вопрос. При дальнейшем давлении Милль далее отвечает, что, если вещи не существуют, когда мы не смотрим, мы, тем не менее, обязательно должны быть введены в заблуждение ассоциацией идей, заставляя воображать, что они действительно существуют, когда мы на них не смотрим. И здесь, опять же, совершенно верно, что если вещи нереальны, то воображать, что они реальны, - заблуждение. Но это не ответ на вопрос. На самом деле, это вопрос, на который субъективный идеалист не может ответить. Сказать "Нет! Вещи вне сознания не существуют" - это значит сказать, что следствия, причины которых ненаблюдаемы, являются следствиями, вызванными несуществующими причинами. Сказать "Да" - значит признать, что вещи могут существовать как вне сознания, так и внутри него, что и отрицает субъективный идеализм.

Таким образом, мы утверждаем, что анализ опыта, проводимый субъективным идеализмом, не является исчерпывающим анализом; и что, когда здравомыслящий человек говорит, что, глядя на что-либо, он осознает как свои зрительные ощущения, так и нечто большее, он констатирует действительные факты в том виде, в каком они даны в опыте всем нам.

Мы воспринимаем вещь одновременно как наши ощущения и нечто большее. Когда идеалист говорит, что вторая половина этого понимания является неправильным пониманием, он отвергает наблюдаемый факт опыта не потому, что он не находит его в своем опыте, а потому, что ему кажется невозможным, чтобы он там был. Он утверждает, что говорить, что мы можем осознавать то, чего нет в нашем сознании, значит говорить, что мы можем осознавать что-то, чего мы не осознаем, - явная бессмыслица. Он мог бы допустить, ради аргументации, что, возможно, какая-то вещь может существовать как в сознании, так и вне его, и даже что мы

могли бы знать, что она существует. Но он не может признать, что человек осознает то, чего он не осознает.

От него не требуется признаваться в этом. От него требуется признать, что наши восприятия - не единственные вещи, которые мы осознаем; или, другими словами, что наши состояния сознания - не единственные вещи, которые мы осознаем. И от него требуется признать это просто исключительно на том основании, что это факт обычного наблюдения и повседневного опыта. Так, например, мы совершаем действия, и (обычно) мы осознаем их совершение. Но действие - это нечто большее и отличное от нашего осознания этого. Или кто-то собирается утверждать, что действие и знание - это одно и то же? Готов ли кто-нибудь продвинуть аргумент иллюзии так далеко, чтобы сказать, что идея о том, что мы что-то делаем, является простым заблуждением? Если это не заблуждение, если это, напротив, факт, тогда наши действия - это не состояния сознания, а вещи, которые мы осознаем. Мы воспринимаем их в самом акте восприятия как реальности, отличные от того сознания, которое мы о них имеем. И у нас есть такая же гарантия их реальности, как и реальности нашего восприятия или ощущений от них, а именно. тот факт, что мы осознаем их.

Точно так же, когда мы толкаем твердый предмет или ощущаем удар движущегося тела, мы осознаем это тело так же, как и наши мышечные ощущения: наши ощущения составляют наше восприятие объекта, но не являются самим объектом. Они составляют состояние сознания, но это состояние - не единственное, что мы осознаем. Объект воспринимается как находящийся в сознании, а не просто как наше осознание его.

Мистер Герберт Спенсер, по крайней мере, совершенно ясно говорит, что наши состояния сознания - это не единственные вещи, которые мы осознаем; он считает даже, что мы смутно осознаем то, что выходит за пределы нашего сознания. Таким образом, наша личность не является состоянием сознания, тем не менее мы осознаем это, и "ее существование является для каждого фактом, превышающим все остальные и наиболее несомненным".^[6] А что касается реального, то "наша твердая вера в объективную реальность, вера, которую не может поколебать метафизическая критика" - это не просто "позитивное, хотя и смутное осознание того, что превосходит сознание", но "обладает наивысшей достоверностью из всех"^[7] наших убеждений.

Но хотя мистер Спенсер признает или, скорее, настаивает, что мы знаем, *что* Реально, он отрицает, что мы знаем, *что* это такое. Другими словами, он принимает обоснованность одной половины каждого акта переживания и отрицает обоснованность другой половины. Наш анализ опыта показал нам, что мы воспринимаем реальное в самом акте восприятия как одновременно состояние нашего сознания и нечто большее, чем это состояние. Сказать, что одна половина этого предчувствия является заблуждением, значит сказать, что оба они недействительны. Если то, что присутствует в сознании, является всего лишь видимостью, а не реальной вещью, тогда наши состояния — это единственное, что мы осознаем, и существование чего-либо большего не является фактом опыта и наблюдения и тем более не может иметь наивысшей достоверности для любого из наших убеждений.

Нас могут спросить: "Допустим, что Реальное - это нечто большее, чем состояние нашего сознания, что же это еще?" и, если ответа не последует, нам могут сказать, что в конце концов, похоже, мы знаем, *что* такое Реальное, но не то, *что* это такое. Ответ таков: пока Реальное находится вне сознания, мы можем не знать, что это такое; пока оно внутри, мы знаем. Под

"осознаванием вещи" мы подразумеваем знание того, что это за вещь, — не обязательно полное знание, но некоторое.

Если скажут, что, исходя из наших собственных доказательств, вещь и знание о ней различны, и что, следовательно, каким бы большим ни было наше знание, всегда остается и должно оставаться нечто, чего мы не можем знать, потому что это *hypothesi*, а не знание, мы должны ответить, что это возражение является всего лишь повторением закоренелой ошибки идеализма — ошибки, согласно которой состояния сознания - это единственное, что мы можем осознавать; что если мы знаем вещь, то она перестает быть чем-либо иным, кроме нашего знания о ней; что осознавать что-либо невозможно. выполнение действия является доказательством того, что на самом деле никакого действия не выполняется и что единственное действие - это знание.

Мы действуем, и мы знаем, что действуем. Реальность должна признаваться обоими или отрицаться обоими; ее нельзя признавать одному и отрицать другому. Действительно, знание само по себе является действием, серией действий. Но это также нечто большее, точно так же, как действие, которое мы осознаем, является чем-то большим, чем наше осознание этого.

Но мы осознаем не только наши собственные действия, но и реакцию вещей на нас и взаимодействие вещей друг с другом. Мы воспринимаем все три — действие, реакцию и взаимодействие — как реальные; мы знаем не только, *что* они есть, как реальности, но также и *что* они собой представляют как состояния сознания. Как состояния сознания они представляют собой последовательные ощущения или восприятия; как нечто большее, чем состояния сознания, они представляют собой силу.

Исследование, проводимое наукой при взаимодействии вещей друг с другом, показывает, что эти взаимодействия подчиняются закону и происходят таким образом, что их возникновение может быть логически выведено и даже предсказано из их законов. Одним словом, они происходят таким образом, что их можно объяснить, и вместе они составляют логический процесс. Реальность, сила, активность, которые проявляются в этом процессе, проявляются, следовательно, как рациональная деятельность, как действующий разум; и как разум, так и действие воспринимаются нами как реальные, а не просто как состояния нашего сознания.

Если научное описание вселенной и теория эволюции, насколько они верны, не являются простым упражнением воображения, а представляют события и изменения, которые действительно имели место и происходят за пределами реального наблюдения, это должно быть потому, что они являются логическими выводами из реальных событий и реальных изменений, которые являются предметом прямого наблюдения. Если наблюдаемые события не имеют реальности, у нас нет оснований полагать, что ненаблюдаемые или предполагаемые факты имеют таковую. Если реальные события не следуют логической последовательности, наши выводы должны быть ошибочными настолько, насколько они логичны. Мы верим, что выведенные факты реальны, потому что мы верим, что наблюдаемые факты реальны; а наблюдаемые факты представляются нам и воспринимаются нами не только как наши ощущения, но и как реальность. Ни на каком другом основании мы не можем доверять науке в том, что она будет направлять нас в жизни.

И мы не доверяем морали ни на каком другом основании. В той мере, в какой мы доверяем импульсу поступать правильно, или основываем на нем какие-либо расчеты, или делаем из него

какие-либо выводы, мы делаем это потому, что воспринимаем его в акте восприятия одновременно как состояние нашего сознания и нечто большее. Как при ударе движущегося тела мы воспринимаем не только наши ощущения, но и присутствие реальной силы, так и в побуждении к добру мы воспринимаем не только наше сознание этого, но и присутствие реальной силы, относительно которой мы знаем не только, что она есть, но и в некоторой степени, что это такое — силы, которая хотела бы, чтобы мы делали добро и были хорошими.

Если материальные вещи - это всего лишь наши идеи, то такими же могут быть и Правильные и Благие. Если последние - это просто стремления и ничего более, то первые - это просто ощущения и ничего более. Но если в вещах мы осознаем силу, а не самих себя, то же самое происходит и с нашим сознанием Правоты и Добра: наши стремления - это вдохновение. Мы постигаем их реальность точно так же, как мы постигаем реальность материальных вещей, — путем прямого наблюдения. И у нас есть точно такое же свидетельство — свидетельство непосредственного сознания.

"Пусть никто не балует тебя философией". Утверждения о том, что "знание - это единственная реальность", "единственное реальное - это Непознаваемое", противоречат не только друг другу, но и тем фактам из общего опыта человечества, которые представляют собой единственно надежную основу как для философии, так и для науки. Оба утверждения логически подразумевают, что наше единственное знание - о нереальном; а от знания нереального к нереальности знания - необходимый шаг. Но существование - это не просто знание: существование - это также действие. Вещь - это то, что она делает, а не только то, что, как известно, она делает. Или, скорее, вещь никогда ничего не делает: действовать может только человек. "Действие" или "поведение" вещи - это всего лишь метафора.

СНОСКИ:

[5] Смотрите [Приложение](#) об идеализме епископа Беркли.

[6] *Первые принципы*, глава iii. § 20.

[7] *Там же.*, § 26.

VI.

ЭВОЛЮЦИЯ КАК ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ МАТЕРИИ И ДВИЖЕНИЯ

Предполагая, что процесс эволюции является фактом, мы спросили, какова ценность этого факта, какое значение он имеет для человека как нравственного существа, стремящегося направлять свою жизнь в соответствии с наилучшим освещением, которое он может получить. В наших попытках сделать какой-либо вывод из фактов эволюции относительно морального управления вселенной мы всегда в конечном счете сталкивались с замечанием— Реальное непознаваемо. Очевидно, что если "предельное из предельных", Реальная Мощь, проявлениями которой являются все вещи и существа, непознаваема, мы не можем знать,

заботится ли оно о том, что истинно или хорошо, или нет. Но если Реальное непознаваемо, тогда знание, которым мы обладаем, не является знанием реального, и, следовательно, вся наша наука является нереальным знанием; теория эволюции - это система обманчивых выводов из нереальных фактов. В это, однако, мы не могли поверить. Несомненно, наши знания невелики по сравнению с нашим невежеством. Несомненно, есть многое, чего человеческий разум не смог бы понять, не став больше, чем человеком. Несомненно также, что каждое дополнение к нашим знаниям влечет за собой корректировку наших предыдущих выводов; а значительное дополнение, каким была теория эволюции, вызывает значительные изменения в нашей концепции вселенной и ее законов. Но все эти признания не могут заставить нас признать, что наука - это совершенно нереальное знание или что эволюция - это совершенно нереальный процесс. Соответственно, мы стремились показать, что у нас есть некоторое, хотя и частичное, знание о реальном, что это знание не является полностью логически выведенным, но что в той мере, в какой оно выводится, оно выводится из реальных фактов, реальность которых непосредственно постигается в общем опыте человечества.

На самом деле, те писатели, которые провозглашают непознаваемость Реального, когда они пишут как философы, отказываются от этого, когда занимаются наукой. Когда они разрабатывают теорию эволюции, они принимают как должное, что процесс эволюции - это реальность, что общий опыт человечества в какой-то степени заслуживает доверия, и что в этой степени Реальное познаваемо. Они уверяют нас, что, хотя знание, которым мы обладаем, не является знанием Реального, для нас это точно то же самое, как если бы оно было — если бы Реальное могло проникнуть в наше сознание, мы действительно не должны были бы замечать разницы. "Таким образом, мы можем с полной уверенностью вернуться к тем реалистическим концепциям, которые философия на первый взгляд, кажется, рассеивает". [8]

Однако при рассмотрении оказывается, что вся уверенность, которая таким образом восстанавливается в реальности материальных вещей, не распространяется на реальность тех идеалов добра, красоты и святости, которые играют свою роль в жизни людей и в эволюции человечества, — или не на все эти идеалы.

Теперь едва ли стоит надеяться, что теория, которая начинается с игнорирования определенных фактов из общего опыта человечества или с отрицания их реальности, может закончиться их удовлетворительным объяснением. Либо он будет последовательным и объявит их иллюзиями, либо он будет непоследовательным и время от времени потихоньку включать их по ходу дела — и в этом случае объяснение, которое он им дает, не будет никаким объяснением. Так, например, как мы уже утверждали, оптимистическая интерпретация эволюции, предполагающая представление Идеала морали как одного из конечных следствий перераспределения материи и движения, заканчивается отрицанием какой-либо разницы между тем, что есть, и тем, что должно быть, и, таким образом, сводит моральный идеал к простой иллюзии. С другой стороны, пессимист, настаивающий на реальности и, в некоторой степени, превосходстве морального идеала, признает свою неспособность объяснить его обоснованность эволюцией: тот факт, что он был развит, не объясняет его обоснованности, потому что склонность ко злу также развилась, но, следовательно, уступить ей нельзя.

Цель этой главы - рассмотреть гипотезу о том, что процесс эволюции есть не что иное, как постоянное перераспределение материи и движения, и показать, что гипотеза не может объяснить и фактически не объясняет все факты, для объяснения которых она создана.

Теория эволюции — это попытка - одна из многих попыток, предпринятых людьми, — объяснить процесс, посредством которого совокупность вещей стала такой, какая она есть. Она отличается от большинства других попыток тем, что пытается дать научное объяснение процессу и, следовательно, не претендует на возвращение к началу или обнаружение происхождения процесса.

Природа научного "объяснения" хорошо понятна людям науки (по крайней мере, в Англии), и Джон Стюарт Милль познакомил ее с ненаучным миром. Событие научно "объясняется", когда показано, что оно является случаем общего закона; закон "объясняется", когда показано, что он подчиняется какому-то более общему закону. Другими словами, задача науки состоит в том, чтобы показать, что исследуемая вещь всегда происходит (или имеет тенденцию происходить) при определенных обстоятельствах, которые наука может сформулировать с большей или меньшей точностью. Но как или почему это должно происходить таким образом, наука не берется объяснять: "то, что называется объяснением одного закона природы другим, есть не что иное, как замена одной тайны другой; и не делает общий ход природы иным, чем таинственным: мы не можем объяснить *почему* для более обширных законов, чем для частных".^[9] Только "умы, не привыкшие к точному мышлению", воображают, что законы являются *причинами* событий, которые происходят в соответствии с ними, "что закон общего тяготения, например, вызывает падение тел на землю".^[10] Это может быть законом науки, совершенно верным утверждением, что явление В всегда следует за явлением А; но это утверждение, каким бы истинным оно ни было, не является причиной В. То, что за А всегда следует В, доказано наукой. Почему за ней должна следовать буква "В", так же загадочно, как и волшебство, — так же загадочно, как то, что за взмахом волшебной палочки из земли немедленно вырастает дворец. То, как одно может следовать за другим, не входит в обязанности науки объяснять.

Таким образом, наука, по сути, носит описательный характер: со все возрастающей точностью она описывает явления и порядок, в котором они происходят. Таким образом, эволюция как научная теория также носит чисто описательный характер: она описывает способ, которым вещи стали такими, какими мы их видим, процесс, посредством которого совокупность вещей стала тем, что она есть. Но когда чисто научная и описательная часть работы выполнена, когда наука сформулировала порядок событий, приведших к существующему состоянию Вселенной, когда описан процесс эволюции, все еще остаются вопросы, на которые наука отказывалась даже пытаться ответить, а также остаются другие вопросы, более жизненно важные для науки. Возникает вопрос, в каком смысле эволюция является реальным процессом? существуют ли законы науки только в умах людей науки? является ли процесс эволюции просто описанием, которое дается о нем (поскольку, согласно некоторым мыслителям, вещь - это всего лишь ощущения, которые мы испытываем по этому поводу), или это нечто большее?

Очевидно, что на вопрос, является ли эволюция реальным процессом, существует ли какая-либо реальность в науке, нельзя ответить ни утвердительно, ни отрицательно, без некоторого представления о том, что означает "реальность", о том, что такое "реальное". "Каково значение слов *настоящий*? Это вопрос, который лежит в основе любого метафизического исследования; и пренебрежение им является оставшейся причиной хронического антагонизма метафизиков".^[11] Прежде чем мы получим логическое право утверждать, что эволюция - это реальный процесс, мы должны ответить на вопрос: "В чем суть, предельная реальность вещей? кто или что есть Существо, проявляющееся во "всех мыслящих вещах, во всех объектах всякой мысли"?"^[12]

Итак, на эти вопросы, касающиеся Бытия и становления Вселенной, науке нечего сказать. Наука даже не располагает материалами для ответа на них, как и на те другие вопросы, относительно того, *как* или *почему* все должно происходить так, как описано наукой. Наука описывает вещи, но не берется доказывать, что они существуют. Наука - это организованный здравый смысл, а здравый смысл считает само собой разумеющимся, что вещи существуют. Сделав это предположение, наука переходит к исследованию с научной точностью порядка, в котором события следуют одно за другим и сосуществуют друг с другом в пределах досягаемости прямого наблюдения; и делает вывод, что, даже когда они находятся за пределами досягаемости прямого наблюдения, они продолжают происходить в том же порядке последовательности и сосуществования. Но и здесь наука отказывается иметь какое-либо отношение к каким-либо метафизическим вопросам относительно того, *как* или *почему* все должно происходить таким образом. Могут быть выдвинуты всевозможные предположения, и они были выдвинуты, чтобы объяснить, почему В должен следовать за А или сосуществовать с ним. Но наука не обязана ни одному из них. Единственное, что она берется показать, - это факт последовательности или сосуществования; и это она может сделать, не предполагая истинности ни одной из этих гипотез. Действительно, прогресс, которого добилась наука, во многом обусловлен тем фактом, что она неуклонно отказывалась иметь что-либо общее с подобными предположениями, на собственном опыте убедившись, что они просто отвлекают ее от ее надлежащего занятия - наблюдения с предельной точностью за тем, что на самом деле происходит. Возможно, что А каким-то таинственным и совершенно необъяснимым образом "производит" В, то есть, выражаясь технической фразеологией, является "действенной причиной" или "механической причиной" В. Возможно, последовательность В на А - это воля Существа, которая проявляется во всех мыслящих вещах, во всех объектах любой мысли. Наука не может доказать и даже не будет обсуждать ни то, ни другое предположение: она ограничивается утверждением, что В результате тщательного и точного наблюдения В действительно следует за А. Называем ли мы А эффективной причиной или нет, для науки не имеет значения: называйте это так или отказывайтесь называть это так, факт, однажды установленный наукой, что В следует за А, остается. Теория действенных или механических причин, несомненно, важна, но не для науки. Если будет доказано, что она ложна, ни один научный факт не будет поколеблен.

Механическая теория может быть истинной или ложной, но в любом случае это метафизическая теория. Если наука носит описательный характер — описывает единообразную последовательность и сосуществование фактов, — то наука доказывает истинность механической теории не больше, чем она доказывает истинность волевой теории. Обе являются теориями относительно того, *почему* факты должны следовать друг за другом в порядке, описанном наукой; и наука не берется доказывать истинность таких теорий и не ждет, пока они будут доказаны или опровергнуты.

Однако многие люди науки также являются философами и придерживаются мнения, на которое у них есть полное право, что механическая теория является истинной интерпретацией природы. Итак, "механика - это наука о движении; мы можем назначить ее целью полное и простейшее описание движений, происходящих в природе".^[13] Следовательно, в отношении механической теории "целью всей науки является сведение явлений природы к формам движения и их полное и простейшее описание ... единственное полное описание - это то, которое дает математическая формула, в которой константы задаются наблюдением. Это позволяет нам вычислять те особенности или фазы явлений, которые скрыты от нашего наблюдения в

пространстве или во времени".^[14] Вряд ли нужно добавлять, что это согласуется с взглядом мистера Герберта Спенсера на теорию эволюции как на описание процесса перераспределения материи и движения.

Таким образом, кажется, что согласно этой конкретной метафизической теории, которая утверждает, что механическое объяснение природы является истинным, целью всей науки является описание (с математической точностью, где это возможно) движений предметов в пространстве. Но наука универсальна; эволюция распространяется на весь космический процесс. Следовательно, единственные вещи, с которыми наука имеет дело или которые являются факторами космического процесса, - это предметы, движущиеся в пространстве.

В качестве метафизического аргумента эта теория кажется нам неудовлетворительной. Она просто и незаконно преобразует утверждаемое здравым смыслом утверждение о том, что материальные вещи реальны, в противоречащее здравому смыслу утверждение о том, что все реальные вещи материальны. Он предполагает, по-видимому, бессознательно и уж точно без доказательств, что единственные вещи, поддающиеся научному описанию, - это движения в пространстве, единственные законы механики во Вселенной.

Исторически сложилось так, что материальные вещи были первыми, кто был изучен и описан с научной точностью. Поэтому вполне естественно, что методы и допущения, которые с заметным успехом использовались физическими науками, должны быть распространены, по крайней мере в предварительном порядке, на другие области. Столь же естественно, что должны быть подняты протесты и расширение, объявленное философами незаконным — "обедняющее веру без обогащения знания".^[15] "Рассматривая ход развития мира как развитие некой слепой силы, действующей в соответствии с универсальными законами, лишенной проницательности и свободы, лишенной интереса к добру и злу, должны ли мы рассматривать это неоправданное обобщение концепции, действительной в своей собственной сфере, как высшую истину?"^[16]

Однако маловероятно, что наука откажется от обобщения, каким бы "неоправданным" оно ни было в метафизике, если оно работает на практике. Вопрос в том, работает ли это на самом деле; и это явно вопрос факта, а не вопрос метафизики. Поэтому мы хотим знать, во-первых, являются ли объекты, движущиеся в пространстве, единственными объектами, с которыми мы знакомы в обычном опыте; и, во-вторых, все ли изменения, происходящие в пределах научных наблюдений, объясняются или могут быть объяснены законами механики.

Ясно, что для успешного сохранения механической теории науки и эволюции на оба эти вопроса необходимо дать утвердительный ответ. Столь же ясно, что, если мы ограничимся реальными фактами, на оба вопроса следует ответить отрицательно.

Мысли, идеи, концепции, ощущения, чувства, эмоции - это то, с чем мы сталкиваемся в каждый момент нашей бодрствующей жизни; и ни одна из них не является вещью, занимающей пространство или перемещающейся в пространстве. Мысль - это не то, что можно измерить линейкой, как вещи в космосе; величие идеи - это не то, что измеряется таким-то количеством ярдов на такое-то количество; концепция не имеет кубического содержания; зубную боль нельзя положить на весы, и никакой процесс химического анализа нельзя применить к надежде или страху. Таким образом, мы оказываемся перед такой дилеммой: если механическая теория верна и наука может иметь дело только с предметами, движущимися в пространстве, то психология и социология не являются науками, и их предмет никогда не может быть подвергнут

научному рассмотрению. С другой стороны, если психология - это наука, то наука имеет дело с вещами, которые не движутся в пространстве.

Мы утверждаем, что психология *является* наукой, что наши ощущения, эмоции, идеи и т.д. Можно наблюдать и научно описывать, то есть что их единообразную последовательность и сосуществование можно точно установить и сформулировать как законы. Далее мы утверждаем, что наше определение науки должно основываться на фактах, а не оформляться в соответствии с метафизической теорией. Удовлетворительное определение науки должно включать все науки. Определение, выдвинутое в интересах механической теории, произвольно исключает ментальные и моральные науки и подразумевает, что их предмет находится за пределами компетенции науки. Исключение и импликация вытекают из предполагаемого ограничения науки объектами, движущимися в пространстве, и составляют суть механической теории. Как исключение, так и импликация излишни, если мы придерживаемся более старой концепции науки, как это происходит у Милля, который объявляет наукой все явления, последовательность и сосуществование которых можно наблюдать, описывать и формулировать как законы.

То, что мы сказали относительно науки, с необходимостью применимо и к Эволюции. Если Эволюция - это просто постоянное перераспределение материи и движения, если материя и движение - единственные вещи, подлежащие эволюции, тогда сознание и совесть не подвержены эволюции. С другой стороны, если у них тоже была и есть своя эволюция, то перераспределение материи и движения не подводит итог процессу эволюции и не является правильным описанием процесса. Если бы это была индукция, сделанная на основе рассмотрения всех фактов эволюции, она охватывала бы их все. Но это не так: это исключает большой класс важных фактов, потому что их исключения требуют интересы конкретной метафизической теории — механической теории. Это подразумевает, что действие эволюции ограничено ограниченным набором фактов. Если вывод ложен, то эволюция - это нечто большее, чем простое перераспределение материи и движения.

Способ, которым обычно пытаются привести механическую теорию в соответствие с фактами или, скорее, подогнать факты под теорию, заключается в указании на связь между разумом и мозгом и провозглашении вытекающей из этого зависимости разума от материи. Итак, то, что между разумом и мозгом существует связь, несомненно. В чем именно заключается эта связь, пока неясно. Но тот факт, что две вещи сосуществуют, связаны друг с другом и изменяются вместе, не доказывает, что одна вещь есть другая. Напротив, он постулирует, что эти две вещи, хотя и связаны, различны. Механическая теория либо допускает ошибку, ошибочно принимая связанные вещи за идентичные, либо ей не удастся доказать то, что необходимо для ее обоснования, а именно. что мысли, эмоции и т.д. - это вещи, занимающие пространство и движущиеся в пространстве. Химические и физиологические изменения, происходящие в мозге, представляют собой движения в пространстве. Но из этого не следует, что соответствующие боли или идеи витают в воздухе или перемещаются из одной точки пространства в другую.

Далее, как метафизическая теория, это отождествление материи с разумом является обоюдоострым оружием: оно режет в обе стороны: если разум - это материя, материя - это разум; если разум - это мыслящая материя, тогда материя - это скрытая мысль; и мысль, следовательно, проявляется не как последний продукт эволюции, а как фактор в ней с самого

начала. Но это отождествление разума и материи является чисто метафизической спекуляцией: это гипотеза, призванная объяснить, как получается, что два явления могут сосуществовать таким образом, каким их наблюдают. Наука не требует таких предположений: она не берется объяснять, почему вещи существуют, но пытается описать — по возможности с математической точностью — порядок их следования или сосуществования. Эту функцию наука может выполнять одинаково хорошо независимо от того, считаются изменения сознания перемещениями в пространстве или нет. Метафизики могут спорить по этому поводу; тем временем наука описывает и формулирует законы разума и пытается соотнести изменения сознания с физическими изменениями мозга и нервной системы. Механическая теория не помогает и не препятствует науке в ее работе.

Но наука действительно создает некоторые трудности на пути механической теории; или, скорее, научные факты отказываются вписываться в эту теорию. Если поток сознания есть не что иное, как серия физиологических и химических изменений, законы одного должны быть идентичны законам другого, и оба они должны быть идентичны законам механики, согласно механической теории. Но это не так. Те краткие описания психических явлений, которые составляют законы психологии, должны совпадать с теми другими краткими описаниями фактов, которые составляют законы химии, если факты, описываемые двумя науками, совпадают. Но у этих двух сводов законов, мягко говоря, больше различий, чем сходства.

Это подводит нас ко второму пункту. Наш первый тезис состоял в том, что для того, чтобы доказать истинность краткого описания эволюции, которое резюмирует ее как процесс, посредством которого материя непрерывно перераспределяется в пространстве, необходимо показать, что движения в пространстве - это единственные известные нам события. Наш второй момент заключается в том, что, если не будет показано, что механические законы являются единственными законами, действующими во вселенной, в этом описании эволюции не найдется места для описания всего процесса эволюции.

Являются ли единственные законы во вселенной механическими законами - это прежде всего вопрос факта; и исходя из фактов, известных нам в настоящее время, ответ на этот вопрос однозначно отрицательный. Законы психологии и этики не тождественны каким-либо физическим законам и не были выведены из них. Как гипотеза, призванная объяснить, как устроен мир, перераспределение материи и движения не включает в себя и не объясняет те законы, которые наиболее важны для человека.

Однако эта апелляция к фактам, которые на самом деле известны, часто воспринимается как апелляция к нашему невежеству: пока еще не было показано, что законы разума выводимы из законов физики, но они могут быть. Точно так же тот факт, что ни одна попытка распространить формулу тяготения из астрономии на какую-либо другую область науки пока не увенчалась успехом, не является доказательством того, что она никогда не будет настолько расширена. Мы также можем отметить, что это не является какой-либо презумпцией того, что так и будет. Существуют ли, таким образом, какие-либо другие основания для предположения, что ментальный закон все же может быть показан как просто случай некоторого физического закона? Некоторым умам кажется, что есть основания предполагать, что это не только возможно, но и должно быть. Каким бы большим ни было наше невежество в деталях процесса эволюции, существуют определенные общие факты, которые не подлежат сомнению. Бесспорно, что в истории земли был период, когда на ней не было жизни; что элементы,

составляющие живую материю, сами по себе безжизненны; что сознание каким-то образом соотносится с теми органическими соединениями, элементы которых являются неорганическими. Все эти факты вместе взятые составляют непреодолимую презумпцию того, что в конечном счете разум и материя должны подчиняться одним и тем же законам.

Но это не желаемый вывод. Желаемый вывод заключается в том, что разум должен подчиняться законам материи. Тот факт, что разум и материя подчиняются одним и тем же конечным законам, - это совсем другое дело, и скорее указывает на то, что даже перераспределение материи и движения требует в конечном счете какого-то иного объяснения, чем просто механические законы. Религиозному уму вполне понятно, что разум и материя должны подчиняться одним и тем же законам — законам Бога.

Однако можно сказать, что мы не отдали полной справедливости предположению, основанному на общих фактах эволюции. Когда на земле не было жизни, единственными действующими законами должны были быть физические законы, и, следовательно, законы жизни и сознания должны были быть порождены законами материи.

Итак, этот аргумент, по сути, сводится к отрицанию какой-либо разницы между механическим составом и химической комбинацией тел. Тела, составленные механически, продолжают следовать тем же законам, которым они подчиняются, когда они не составлены, и их совместное действие может быть выведено и предсказано из законов, которым они подчиняются в их отдельном состоянии: "Все, что произошло бы вследствие каждой причины, взятой самой по себе, происходит, когда они вместе, и нам остается только подсчитать результаты".^[17] В случае химического соединения ситуация совершенно иная: химическое соединение проявляет свойства и ведет себя способами, которые сильно отличаются от свойств и поведения входящих в него элементов, и их нельзя предсказать ни из каких наблюдений за ними. Вода, представляющая собой комбинацию кислорода и водорода, не обладает ни малейшими свойствами ни того, ни другого. "Если это верно в отношении химических соединений, то еще более верно в отношении тех гораздо более сложных сочетаний элементов, которые составляют организованные тела и в которых возникают те необычайные новые единообразия, которые называются законами жизни. Все организованные тела состоят из частей, подобных тем, которые составляют неорганическую природу, и которые даже сами существовали в неорганическом состоянии; но явления жизни, возникающие в результате сочетания этих частей определенным образом, не имеют аналогии ни с одним из эффектов, которые были бы вызваны действием составляющих субстанции, рассматриваемых просто как физические агенты.... Язык, например, как и все другие части тела животного, состоит из желатина, фибрина и других химических продуктов пищеварения, но, не зная свойств этих веществ, мы никогда не могли бы предсказать, что он может иметь вкус, если только желатин или фибрин сами не могут ощущать вкус; ибо в заключении не может быть элементарного факта, которого не было бы в предпосылках".^[18]

То, что, таким образом, верно для физиологии и тех химических комбинаций, на которых она основана, верно также для социологии и психологических фактов, на которых она основана. "Когда физиологические элементы объединяются, комбинация обнаруживает свойства, которые не были заметны в отдельных элементах. Все более сложная комбинация или объединение органических элементов может привести к совершенно особому набору явлений.... Их комбинация демонстрирует нечто большее, чем просто сумму их отдельных

свойств. Таким образом, никакое знание человека как личности не позволило бы нам предсказать все институты, которые возникают в результате объединения людей и которые могут проявляться только в социальной жизни".[19]

Таким образом, ясно, что механическая теория эволюции может поддерживать себя, только стирая различие между механическим сопоставлением и химической комбинацией. Препятствий, которые стоят на пути этого уничтожения, с самого начала два. Во-первых, поведение химического соединения не имеет никакого сходства с поведением его составляющих при разделении. Далее, законы соединения не могут быть выведены или представлены как следствия законов отдельных элементов. На эти два возражения можно ответить, во-первых, что, хотя соединение не имеет сходства со своими отдельными составляющими, характер каждого агрегата должен определяться характером его составных частей; и, во-вторых, что с большим знанием мы придем к пониманию того, каким образом законы отдельных компонентов порождают законы целого. Возможно, в качестве иллюстрации мы можем использовать аналогию. Несколько кирпичей можно положить друг на друга, образуя куб; несколько пушечных ядер сформируют пирамидальную груды. Совокупность кирпичей напоминает по форме отдельные кирпичи; совокупность шариков не напоминает шар по форме. И все же пирамидальная форма груды пушечных ядер так же определенно определяется формой отдельных шаров, как кубическая форма груды кирпичей определяется формой отдельных кирпичей. Итак, мы не знаем геометрической структуры химических атомов; но, исходя из этой аналогии, разумно предположить, что если бы мы знали, то сразу увидели бы, что структура химического соединения зависит от структуры его элементов, хотя и отличается от нее. Точно так же и в социологии совокупность, общество, - это не человек, но характер любого данного общества определяется характером его отдельных членов.

Эта последняя иллюстрация, однако, подводит нас к новой трудности на пути механической теории. Как видно из цитированных ранее замечаний месье Бернара, специфической характеристикой тех более тесных комбинаций, которые составляют предмет химии, физиологии и социологии, является то, что в них сочетающиеся элементы обнаруживают свойства, которые не были заметны в них до их сочетания. Возможно, верно, что характер этих более тесных сочетаний определяется свойствами их составляющих, но именно свойствами, которые они проявляют в сочетании, а не теми, которые проявляются в них в несвязанном виде. В этом заключается различие между механическими соединениями и химическими комбинациями; и это то различие, которое механическая теория не учитывает. Более интимные, химические, физиологические и социологические комбинации имеют место в силу свойств, которые требуют, чтобы эта комбинация их раскрыла. В социологии общество создается не противопоставлением отдельных людей, а их сотрудничеством. В химии образование химических соединений подразумевает сродство элементов.

Таким образом, кажется, что механическая теория содержит половину истины, но не всю. Полуправда, на которой он настаивает, заключается в том, что как в механических, так и в химических сочетаниях происходит сопоставление составляющих элементов. Половина истины, которую он упускает из виду, заключается в том, что при сопоставлении элементов одним способом они развиваются или проявляют новые качества, а при сопоставлении другим способом - нет. Механическая теория утверждает, что единственными факторами эволюции являются материя и сила, которая перемещает материю: она принимает во внимание внешние факторы, но не учитывает внутреннюю силу или спонтанность, в силу которых вещи в

подходящей среде развивают новые качества. Несомненно, сопоставление элементов является условием, без которого они не проявили бы своих новых свойств: перераспределение материи и движения является условием эволюции, но оно не является эволюцией. Скорее, именно постоянное раскрытие этих новых качеств составляет эволюцию, химическое сродство и все его последствия в химии, спонтанную изменчивость и все ее последствия в эволюции органической жизни.

С этой точки зрения становится ясно, почему законы химического соединения не являются и не могут быть представлены как следствия или дедукции из законов его отдельных составляющих. Свойства, которые описывает закон соединения, не являются свойствами, которые проявляют отдельные элементы. Живая материя биологии, активные атомы химии не являются продуктами безжизненной, инертной материи механики; но являются различными и высшими проявлениями одной и той же силы, которая проявляется в разной степени во всех. Именно это прогрессивное проявление, а не простое перемещение частиц материи, составляет эволюцию. Перераспределение материи и движение могут быть сопутствующими эволюции, но это не эволюция. "Непрерывное приспособление внутренних отношений к внешним", которое мистер Герберт Спенсер[20] предлагает в качестве определения жизни, может быть условием поддержания организма; но жизнь есть и значит для каждого из нас и для самого скромного существа, которое дышит, гораздо больше этого. Определение жизни, данное мистером Спенсером, не учитывает, например, сознание, как не имеющее значения в жизни, и было бы в равной степени применимо ко многим автоматическим, самонастраивающимся машинам. Это определение представляет собой признание того, что жизнь и сознание не могут быть представлены как следствие перераспределения материи и движения. Они появляются в определенный (или неопределенный) момент процесса перераспределения и сопровождаются определенными дальнейшими перераспределениями; но они не являются ни следствием, ни идентичны этому перераспределению; и их законы нельзя свести к простым случаям законов материи и движения.

Учение о том, что эволюция состоит не в чем ином, как в перемещениях в пространстве, равносильно утверждению, что мы ничего не знаем о вещах и людях, кроме того, что они движутся. На самом деле, мы знаем гораздо больше. Мы знаем, что люди думают, и что движение мысли - это не движение в пространстве. Мы знаем, что вибрации эфира - это движения в пространстве и что они также представляют собой нечто большее: они известны нам также как образы, звуки и т.д. Никакое объяснение или краткое изложение процесса эволюции не может быть удовлетворительным или даже научным, что начинается с отрицания значимости и даже реальности наиболее важной части наших знаний. Если "первые принципы" эволюции должны быть научными, они должны быть выводами, полученными из наблюдений и основанными на некотором сходстве в наблюдаемых явлениях, и в этом случае, и только в этом случае, они будут применимы к обоим классам явлений, ментальных и материальных. Если какой-либо "принцип" верен только для одного класса, тем самым доказывается, что он не является "первым принципом": он не применим повсеместно.

В связи с этим возникает вопрос, могут ли существовать какие-либо исходные принципы в этом смысле, подчиняются ли разум и материя в какой-то степени одним и тем же законам; или сходства, которые иногда проводятся, не являются просто более или менее расширенными

метафорами. Таким образом, мы говорим о "весомых" возражениях; но будет ли кто-нибудь утверждать, что идеи подчиняются закону тяготения или иллюстрируют его? Мы говорим об идеях как о "связных" или "бессвязных"; предполагает ли кто-нибудь, что они сцепляются таким же образом и по тем же причинам, что и материальные объекты?

Мистер Герберт Спенсер написал главу[21] под названием "Общество - это организм", в которой он указывает на множество сходств между обществом и организмом. Но сам мистер Спенсер "отчетливо утверждает"[22], что сходство подразумевает не что иное, как то, что и в обществе, и в организмах существует "взаимная зависимость частей". Иными словами, социология здесь не "иллюстрирует" некоторые законы биологии, но и социология, и биология иллюстрируют определенные законы, которые действуют везде, где существует взаимная зависимость частей.

Опять же, г-н Спенсер говорит[23], что "эволюцию можно определить как переход от некогерентной однородности к когерентной неоднородности, сопровождающий ослабление движения и интеграцию материи"; и, показав, как и почему однородное и некогерентное в области физики имеет тенденцию становиться когерентным и гетерогенным, он продолжает показывать, что аналогичный процесс наблюдается в эволюции знания и сказать: "эти ментальные изменения иллюстрируют закон физических преобразований, которые вызываются физическими силами".[24] Теперь, несомненно, фактом является то, что с интеллектуальным развитием происходит более точное распознавание различий, поначалу незаметных, более быстрое восприятие сходств, поначалу необнаруживаемых, последующее разделение и классификация идей, а также распознавание гетерогенности там, где на первый взгляд должна была преобладать однородность. Несомненно также, что в результате этого процесса наши идеи становятся более согласованными. Но является ли все это чем-то большим, чем расширенная метафора? Если это нечто большее, то как эти ментальные изменения могут "иллюстрировать" закон физики, когда идеи не прилипают физически друг к другу и не притягиваются друг к другу подобно частицам исходной, однородной массы туманности? Если ментальные и материальные явления могут в какой-то степени подчиняться одним и тем же законам, и эти законы являются научными выводами, между явлениями должно быть некоторое сходство.

Это сходство не может быть физическим или пространственным, потому что психические явления не занимают места, не обладают весом и не существуют в трех измерениях. Насколько можно видеть, она состоит из двух моментов: оба класса явлений (1) являются объектами мысли и (2) являются проявлениями силы или могущества. Это подразумевает, что движения в пространстве являются проявлениями той же силы, которая проявляется в внепространственных движениях мысли. Сила, которая проявляется в сознании как Воля, проявляется в пространстве как движение. Однако оба класса явлений являются не только проявлениями силы, но и объектами размышлений. Реальность явления любого класса состоит в том, что оно является проявлением Воли к сознанию или в нем. Реальность двух классов столь же обширна, как и их сходство, и является единственной основой для любых истинных выводов или оправданных обобщений о них.

Если закон "неустойчивости однородного" является первым принципом и представляет собой научную индукцию, основанную на реальном сходстве между ментальными и материальными явлениями, для объяснения которых он предлагается, становится интересным выяснить, насколько далеко простирается это сходство. В случае ментальной эволюции существенной

особенностью процесса является то, что ум постепенно приходит к восприятию сходства и различению различий, которые, хотя и присутствовали все время, поначалу не были заметны. Другими словами, внешне однородное с самого начала было на самом деле неоднородным. Теперь этот факт, который верен в сфере ментальной эволюции, находит свою точную параллель в эволюции материальной вселенной, если приведенное выше описание механических соединений и химических комбинаций верно. То, что появляется первым в процессе эволюции и иллюстрируется механикой, является материей, по-видимому, инертной. Но когда частицы этого, по-видимому, инертного вещества вступают в химические соединения друг с другом, они обнаруживают новый набор свойств, совершенно отличных от тех, которые проявлялись ими до их соединения; и когда они вступают в физиологические отношения, они проявляют еще больше дополнительных свойств. Именно это прогрессивное проявление, а не сопутствующее ему "ослабление движения и интеграция материи", составляет эволюцию в материальном мире и находит свою точную параллель в эволюции разума. В обоих случаях мы имеем Волю, проявленную как объект мышления; и в обоих случаях мы наиболее верно судим о том, что проявлено, когда судим о нем по его наиболее полному проявлению. В обоих случаях кажущаяся однородность не является окончательным фактом, лежащим в основе всего, а является лишь первыми плодами того, что еще впереди.

СНОСКИ:

[8] *Первые принципы*, § 46.

[9] Милль, *Индуктивная логика*, bk. iii. глава xii. стр. 549.

[10] *Там же*.

[11] *Первые принципы*, глава iii. § 46.

[12] Сет, *Энциклопедия Чамберса*, С. В. "Философия".

[13] Кирхгоф, *Основы высшей математической физики*, i. p. 1.

[14] Мерц, *История европейской мысли в девятнадцатом веке*, i. стр. 382, 3, примечание.

[15] Лотце, *Микрокосм*, Е. Т., ii. стр. 718.

[16] Лотце, *Микрокосм*, Е. Т., ii. стр. 718.

[17] Милль, *Индуктивная логика*, bk. iii. ch. vi.

[18] Милль, *Индуктивная логика*, bk. iii. глава vi.

[19] Клод Бернар, цитируется в журнале "*Социологическая энна*", премьера année.

[20] *Принципы биологии*, v. § 30.

[21] *Принципы социологии*, том i. часть ii.

[22] *Там же.*, § 260.

[23] *Первые принципы*, § 127.

[24] *Там же.*, § 153.

VII. НЕОБХОДИМОСТЬ

Мы видели, что если наука может рассматривать только материальные вещи, если вещи, которые можно увидеть и с которыми можно обращаться, сами по себе поддаются научным методам, тогда не может быть никакой науки о разуме и никаких научных законов, регулирующих ментальные явления. Точно так же, если поле эволюции полностью заполнено перераспределением материи и движения, тогда в теории эволюции не остается места, в котором можно было бы вместить историю идей или морали, нет эволюции мысли или морали, нет преемственности между высшим и низшим в интеллектуальном развитии человека и животного.

Мы можем признать, что методы ментальных и моральных наук, социологии и политической экономии не идентичны методам, используемым физикой, химией или астрономией. Но мы не можем признать, что факты, которые, если и не являются предметом надлежащего изучения человечества, то, во всяком случае, представляют наибольший интерес для человека, не являются предметом или частью процесса эволюции и не могут быть сведены к научному закону и порядку. Методы философских наук могут отличаться от методов точных наук; но и методы химии не совпадают с методами астрономии — точно так же, как инструменты астронома не совпадают с инструментами химика. Точность, которой достигают те науки, которые могут применять методы математики к своему предмету, не может соперничать с филологией или психологией. Но математические методы могут быть применены не ко всем материальным наукам: метеорология имеет дело с движущейся материей, но пока еще не с точностью. Неосознаваемые и невидимые, но от этого не менее реальные факты нашего ментального и морального опыта могут быть в некоторой степени измерены статистикой, средними значениями и кривыми, используемыми социологами, демографами и политэкономистами: интенсивность желания можно приблизительно оценить по "эффективному спросу" на его объект, волю к жизни - по количеству самоубийств.

Опять же, мы можем признать, что законы точных или материальных наук не распространяются на науку о психике, не утрачивая тем самым права подвергать психические явления научному исследованию и анализу. Химия не перестает быть наукой из-за того, что химическое сродство не может быть представлено в виде формулы тяготения. Должна ли психология отказаться от притязаний на звание науки из-за того, что законы ассоциации идей не могут быть выведены, скажем, из законов движения?

Конечно, если у науки нет другой цели, кроме как описать с математической точностью точный способ движения материальных объектов, если ни один метод не является научным, который не приводит к такой формуле, и если ни одно обобщение, каким бы верным оно ни было, не является научным, которое не формулирует движение в пространстве, тогда, действительно, ненаучно говорить об эволюции разума и мысли, человека и общества.

С другой стороны, движения материальных вещей в пространстве - это факты, о которых мы осведомлены, явления, о которых мы осведомлены с помощью наших органов чувств; одним

словом, это чувственные феномены. Мы осознаем, что они существуют одновременно и в комбинации или сменяют друг друга; и никакая истина, даже самая математическая и точная из наук, не делает и не может сделать большего, чем выразить с математической точностью точные условия, при которых эти чувственные явления сосуществуют или следуют друг за другом, или точные условия, без которых такое сосуществование или последовательность не могут иметь места. Математическая наука, имеющая дело с материальными вещами, утверждает только и всегда, что определенные чувственные явления происходят неизменно и единообразно при определенных условиях. Точные науки действуют в пределах единообразия Природы и закона Всеобщей причинности; и их предмет состоит из чувственных явлений, *то есть* из вещей, которые, как известно науке, являются объектами восприятия для некоторого разума.

Но чувственные феномены - не единственные ментальные явления, которые мы осознаем: существуют идеи, которые мы не видим и не осязаем, не обоняем и не пробуем на вкус, но которые, тем не менее, отчетливо осознаем. Мысль имеет свое движение, идеи имеют свое сосуществование и последовательность, ассоциация идей имеет свои законы. Существует единообразие как в природе человека, так и во внешней природе; существуют условия, при которых всегда совершаются определенные действия и без которых они никогда бы не были совершены. Будет ли совокупность положений, в которых сформулированы эти условия, называться наукой или нет, не имеет большого значения. Но трудно понять, каковы столь значительные различия между этими феноменами и явлениями чувств, которые делают последние поддающимися научному лечению, а первые невосприимчивыми. Получается, идеи невидимы? Так же как и вес, хотя формула тяготения является научной. Получается, что мысль неосязаема? Так же как цвет, так и звук — и все же существуют оптика и акустика.

Как бы то ни было, то, что делает материальные вещи восприимчивыми к научному лечению, - это качество, которое им не свойственно, но которое присуще им как нечто общее с вещами нематериальными: это то, что они являются объектами, которые разум осознает непосредственно, явлениями, присутствующими в некотором сознании, и что они являются явлениями, которые проявляются в сознании как сосуществующие и сменяющие друг друга определенными единообразными способами, которые могут быть обнаружены с помощью мысли и сформулированы в общих положениях, или законах.

Если теория эволюции охватывает все вещи, разум и мораль, а также материю и движение; если закон непрерывности соединяет все вещи вместе, как нематериальные, так и материальные, в процессе, который движется без перерыва; это потому, что все вещи согласуются в том факте, что они представлены (будь то в смысле или в идее) разуму, и потому, что они представлены в непрерывности сознания.

Но цель научного разума состоит не в том, чтобы наблюдать и фиксировать все явления, представленные ему в непрерывности сознания. Напротив, она пренебрегает и отвергает многих; но всегда с определенной целью, а именно. цель состоит в том, чтобы как можно точнее установить и описать условия, при которых данное сосуществование или последовательность имеет место (и, следовательно, можно ожидать повторения) и без которых оно не может произойти. Другими словами, наука предполагает, что у всего есть причина и что в соответствии с единообразием природы то, что произошло однажды, произойдет снова при тех же обстоятельствах; что причина, при отсутствии противодействующих причин, произведет свое

действие. Без этих допущений наука не может рассматривать ни один предмет: ни одна область знания не может рассматриваться с научной точки зрения, если эти допущения не принимаются в отношении этой области. С другой стороны, если с помощью этих допущений мы способны свести любой набор явлений к закону и порядку, наш успех сам по себе является достаточным основанием для того, чтобы считать допущения обоснованными. Во всяком случае, для науки единственный вопрос заключается в том, позволяют ли они нам на самом деле определить, при каких условиях возникнут данные сосуществования или последовательности, или какие условия обязательно подразумевает такое сосуществование или последовательность.

Что касается человеческой деятельности, умственной и физической, то очевидно, что такое единообразие последовательности и сосуществования не только может быть, но и, как было продемонстрировано, преобладает; и распространение научного принципа причины и следствия на область человеческой воли и действий научно оправдано. Сравнительные науки, которые имеют дело с человеком, его произведениями и словами — археология, антропология, филология — постоянно заняты демонстрацией, каждый день с новыми доказательствами, единообразия человеческой природы: в сходных обстоятельствах люди всегда вели себя сходным образом. Чтобы удовлетворить те же потребности, они изготавливали аналогичные инструменты на сходных стадиях развития: кремневые наконечники стрел из Мексики или Японии напоминают те, что взяты из британских курганов; керамику ранней Греции трудно отличить от керамики Перу; назначение многих каменных орудий неизвестной древности было обнаружено путем сравнения использования, которому подобные инструменты подвергаются у дикарей, существующих до сих пор. То, что слова человека, так же как и его произведения, демонстрируют закон, порядок и единообразие как в их росте, так и в их фонетическом распаде, доказывает наука сравнительная филология. То, что перед лицом одних и тех же проблем для получения сходных решений использовались сходные аналогии, раскрывается сравнительной мифологией: воображение, которое могло бы показаться наиболее свободным для того, чтобы сбросить оковы закона и монотонного единообразия, попадает в сходных обстоятельствах в очень похожие колеи.

Если воля человека не раскрывается в вещах, которые он делает, в словах, которые он произносит, и в мыслях, которые он обдумывает, трудно понять, где искать ее проявление. Если, с другой стороны, оно проявляется этими способами, то, независимо от того, свободно оно или нет, оно явно единообразно в своем действии; и распространение на него закона причинности кажется полностью оправданным результатами.

Однако не следует предполагать, что признание универсальности закона причинности влечет за собой какой-либо вывод о том, что нет различий, скажем, между органическим и неорганическим или что законы одного идентичны законам другого или выводимы из них; ассоциация идей может быть научным и установленным фактом и все же не подчиняться тем же законам, что и сцепление материальных субстанций. То, что объединяет все вещи в непрерывный, когерентный и систематический космос, в научное целое, — это, во-первых, тот факт, что все они, будь то явления в смысле или явления в идее, являются объектами мышления; и, во-вторых, тот факт, что все они демонстрируют универсальность причинности и единообразие природы.

Является ли это единообразие, связывающее человека и природу в одно непротиворечивое целое, единообразием воли или единообразием необходимости, - это совсем другой вопрос. Это метафизический, а не научный вопрос; и метафизический ответ, каким бы он ни был, - это тот, перед которым наука не останавливается и не нуждается в нем. До тех пор, пока природа считается однородной, для науки не имеет значения, является ли это единообразие необходимым или является результатом свободной воли. В любом случае последовательности, или сосуществования, описанные наукой, будут продолжать происходить так, как описано, при описанных обстоятельствах.

Однако обычно предполагается, что действия, которые являются единообразными, доказаны самим своим единообразием как необходимые; и что если то, что происходит, не должно было произойти, не может быть ни единообразия, ни науки. Следовательно, с одной стороны, признание свободы воли было объявлено фатальным для всех научных концепций природы человека; в то время как, с другой стороны, единообразие человеческой природы и действий отрицалось как несовместимое со свободой воли. Одна сторона указала на один набор фактов, которые неопровержимо доказывают, что люди делают одно и то же при одних и тех же обстоятельствах. Другая сторона указала на столь же неоспоримый факт нашего сознания свободы.

Существенной чертой нашего сознания свободы является наша убежденность в том, что в настоящем мы можем совершить задуманное действие или воздержаться от него, а в прошлом, хотя мы и совершали это действие, мы могли бы воздержаться от него или сделать что-то еще. Теперь, является ли эта возможность того, что то, что произошло, могло и не произойти, реальной или всего лишь иллюзией, не имеет значения для науки. Если это реально и истинно, то это действительно фатально для одной конкретной метафизической теории, а именно. что каждое событие, которое когда-либо происходило, было обязано произойти и не могло произойти иначе; но это оставляет каждую научную истину, каждое из этих кратких описаний того, что происходит при данных обстоятельствах, абсолютно нетронутыми. Свобода воли предается анафеме во имя науки, но не в интересах.

Это становится ясно, когда мы размышляем о том, что законы науки являются чем-то большим, чем гипотетические утверждения, и не претендуют на них. Формула тяготения не утверждает, что тела на самом деле падают со скоростью шестнадцать футов в первую секунду и так далее. Это утверждение, если бы оно было сделано, было бы неверным: перо опускается на землю гораздо медленнее. Еще меньше формула утверждает, что все тела движутся навстречу друг другу - и на то есть очень веская причина: многие тела находятся в состоянии покоя. Формула не содержит определенного утверждения относительно того, что на самом деле происходит: она просто утверждает, что могло бы произойти при определенных обстоятельствах; и она вдвойне или втройне гипотетична. Во-первых, он условно утверждает, что если и только если тела могут свободно двигаться, они будут стремиться двигаться навстречу друг другу со скоростью шестнадцать футов в первую секунду и так далее. Далее, даже если это условие выполняется в частном случае и данное тело свободно двигаться, скажем, по направлению к земле, закон всемирного тяготения не утверждает, что тело абсолютно, или безусловно, или с необходимостью упадет на шестнадцать футов в первую секунду: он только утверждает, что тело стремится двигаться с такой скоростью, и слово "стремится" передает в своем значении вторую гипотезу. Говоря, что тело имеет тенденцию падать или стремится двигаться по прямой линии, подразумевается просто, что тело будет падать или двигаться в указанном направлении или с

указанной скоростью, при условии, что ничего не произойдет, чтобы предотвратить это. Таким образом, закон всемирного тяготения, как и любой другой закон науки, исходя из самих терминов, в которых он изложен, содержит две гипотезы: *если* тела могут свободно двигаться, то они *стремятся* двигаться с определенной скоростью. Далее, как и любой другой закон науки, он основан на третьей гипотезе, на которую, как предполагается всеми научными законами, прямо ни один из них не ссылается. Третья гипотеза заключается в том, что природа однородна: если тело свободно двигаться, оно будет в будущем, как и в прошлом, стремиться двигаться с определенной скоростью, при условии, что природа однородна.

Итак, при всем этом очевидно, что наука ничего не знает о "необходимости". Действительно, очевидно, что наука, благодаря втрое гипотетической форме всех своих законов, приложила особые усилия, чтобы избежать предвзятого ответа на вопрос, должно ли было произойти то, что происходит. Как мы уже говорили, наука заботится о том, чтобы сформулировать свои утверждения таким образом, чтобы они были совершенно независимы от метафизической теории и оставались столь же верными в своих пределах, если теория необходимости окажется ошибочной, как и если она окажется правильной.

До сих пор нельзя также сказать, что законы науки приводят нас к теории необходимости как к своему логическому завершению. Возможно, это правда, что если я пройду над пропастью, то упаду на дно в соответствии с законом всемирного тяготения. Но из этого логически не следует, что я должен идти над пропастью. Возможно, верно, что подвесной мост упадет таким же образом, если убрать опоры; но из этого не следует, что они обязательно обрушатся. Возможно, верно, что если природа однородна, то будут происходить определенные последовательности; но из этого не следует, что природа должна быть однородной. Другими словами, теория необходимости, если она верна, не может быть основана на науке, но должна опираться на некоторые метафизические соображения. Наука не берется доказывать даже то, что природа однородна, не говоря уже о том, что она однородна по необходимости. Противоположную теорию, согласно которой единообразие природы или человеческой природы обусловлено действием воли, свободно проявляющей себя как единообразную, можно считать излишней с научной точки зрения. Но теория необходимости с той же точки зрения в равной степени излишня. Пока события происходят единообразно, наука имеет все, что ей нужно — является ли их единообразие результатом воли или необходимости, для нее совершенно излишний вопрос. И если бы наука была всем, чего хотел человек, эти соперничающие метафизические теории также не представляли бы для него интереса. Но настойчивость попыток извлечь какую-то поддержку для метафизической теории необходимости из фактов науки показывает, что люди науки, будучи людьми, должны иметь свою метафизику.

Существуют ли, таким образом, другие научные факты или допущения, существенные для науки, которые требуют метафизической теории необходимости в качестве своей предпосылки или влекут за собой ее как естественное следствие? Вероятно, ответом будет то, что существует один такой принцип: принцип Универсальности Закона причинности. Предположение о том, что *вседолжно* иметь причину, может быть со стороны науки чистым предположением, которое, подобно Единообразию природы, не может быть доказано наукой; но можно сказать, что оно предполагает существование необходимости в вещах.

Это так, на это можно ответить, но можно усомниться в том, является ли необходимость, которую предполагает наука, такой же, как та, которую утверждает рассматриваемая

метафизическая теория. Метафизическая теория заключается в том, что все, что происходит, происходит по необходимости и не могло произойти иначе, чем это произошло.

Предположения, которые наука делает в отношении причинно-следственной связи, заключаются в том, что ничто не может произойти, если не выполнены условия, необходимые для ее возникновения, и что при наличии этих условий обязательно следует результат. Вопрос в том, совпадает ли эта научная необходимость с необходимостью метафизической; или, если они не совпадают, является ли одно логическим следствием другого.

Это не одно и то же: научное допущение гипотетично, метафизический абсолютен. Первый говорит, что вещи произойдут одним образом, если будут выполнены определенные условия, и другим, если они не будут выполнены; второй, что они абсолютно должны произойти таким образом, а не тем; и что это иллюзия - воображать, что они могут произойти *либо* так *либо* так. Наука допускает альтернативу; метафизическая теория заявляет, что альтернатива невозможна или иллюзорна. Метафизическая теория может быть правильной, но это не то же самое, что научное предположение. Это также не может быть представлено как логическая предпосылка или следствие из научного предположения. Из гипотетического "если" вы не можете логически получить абсолютное "должно". Возможно, научной истиной является то, что если электрическую искру пропустить через два атома водорода и один кислорода, то образуется капля воды. Но из этого не следует, что через них должна проходить электрическая искра.

Очевидно, что разница между наукой и метафизикой в вопросе необходимости заключается в том, что, в то время как наука осторожно говорит: "Если будут выполнены определенные условия, последуют определенные результаты", метафизика смело заявляет: "Условия, от которых зависит все будущее, уже абсолютно определены". Опять же, эта метафизическая теория может быть истинной; но если это так, то она черпает свою истинность не из науки. Переход от "если" науки к "должно" метафизики нелогичен, хотя и не противостоит, и ему способствует определенная степень неясности, которую можно набросить на него, привлекая иллюстрации из прошлого. Таким образом, если событие уже произошло, мы можем с уверенностью заключить из факта его наступления, что условия, необходимые для его возникновения, были реализованы. И поскольку каждое из этих условий должно было иметь причину, мы снова можем сделать вывод, что условия, необходимые для их возникновения, были выполнены. И таким образом, мы можем возвращаться *назад до бесконечности* по нескончаемой причинно-следственной цепи, всегда переходя от одного фиксированного и обязательного события к другому событию, столь же необходимому и фиксированному. Таким образом, вся прошлая история вселенной может быть представлена как необходимая последовательность событий; и может быть сделан вывод, и для целей теории метафизической необходимости он должен быть сделан, что поскольку наступление события доказывает, что условия, необходимые для его возникновения, были реализованы, следовательно, они и только они должны были быть реализованы. Однако это просто наш старый знакомый *non sequitur*, перенесенный в прошлое время. Это правда, что если я переступлю через пропасть, то упаду, согласно закону всемирного тяготения. Но поэтому я не обязан переступать через нее. Это правда, что человек, упавший со скалы, подчинился закону всемирного тяготения. Но мы не можем сделать вывод ни из закона всемирного тяготения, ни из факта его падения, что он должен был упасть. Мы можем сделать вывод, что условия, необходимые для того, чтобы вызвать грехопадение, присутствовали, но мы не можем из самого грехопадения сделать вывод, что они должны были присутствовать. Возможно, совершенно верно, что они должны были присутствовать, но последующий за ними эффект не может быть заявлен ни как причина, ни как

доказательство такой необходимости. Мы должны искать причину необходимости — если в данном случае вообще есть какая—либо необходимость - в другом месте. Должны ли мы тогда сказать, что условия грехопадения сами по себе были следствием предшествующих причин, без которых они бы не произошли? Это опять-таки верно, но тот факт, что Z не произошло бы, если бы не предшествовало Y, сам по себе не является каким-либо доказательством того, что Y должно было произойти. И таким образом, мы можем возвращаться назад *до бесконечности* по нескончаемой цепи причин и следствий, так и не оказавшись в состоянии сделать вывод из закона, что у всего должна быть причина, что эта причина должна была действовать, а не та. Появление Z не является доказательством того, что Y должно было произойти, равно как и тот факт, что Y действительно произошло, не является доказательством того, что его причина X должна была произойти — и поэтому мы можем вернуться к началу алфавита. Тот факт, что В имело место, показывает, что А действительно имело место, но не то, что А, а не А₁ или А₂, должно было произойти. И если А - это начало, то какова была природа необходимости (до начала вещей), которая определила в пользу А, а не А₁ или А₂?

Мы действительно можем сказать, если захотим, — поскольку никто не может помешать нам говорить о вещах без доказательств или вероятности, — что сам факт того, что Что-то произошло, показывает, что это должно было произойти. Но тогда мы могли бы с таким же успехом сказать это о Z и избавить себя от необходимости перебирать так много алфавита, чтобы получить столь незначительный результат. С таким же успехом мы могли бы сказать, что, поскольку взрыв или авария *действительно* произошли на самом деле, их невозможно было предотвратить: Z было неизбежно произойти при данных обстоятельствах, следовательно, обстоятельства нельзя было изменить; при данных условиях был возможен только один результат, следовательно, никакие другие условия были невозможны.

Или — возвращаясь еще раз к началу алфавита — мы можем сказать вместе с наукой, что мы довольны фактом, что А действительно произошло, или, поскольку наука не претендует на то, чтобы вернуть нас к абсолютному началу (сила и материя вечны и безначальны), давайте скажем, что мы можем, подобно науке, довольствоваться тем фактом, что К может быть доказано, что К произошло; но должно ли было произойти К, а не К₁ или К₂, науке показать нечего. Если мы примем эту, научную, позицию, то из этого вытекают два следствия. Во-первых, в науке нет ничего, что требовало бы или одобряло метафизическую теорию необходимости. Далее, то, что верно для К, в равной степени верно и для L, и для M, и для Z. Тот факт, что произошло L, M или Z, доказывает, что условия действительно сочетались способом, необходимым для образования L, M или Z, а не то, что они были обязаны сочетаться таким образом и не могли сочетаться таким образом, чтобы произвести L₁ или L₂, или Z₁, или Z₂, или Z₃.

Возможно, можно сказать, что правильным способом изложения дела является следующее: у нас есть основания полагать, что в силу научной необходимости, если действует L, то оно может производить только M, а не M₁ или M₂ (поднесение огня к бочонку с порохом может привести только к одному результату). Но работал L, следовательно, результат мог дать только M. Совершенно верно, но это не показывает, что свет обязательно должен был быть нанесен, или что пудра могла быть не влажной. Короче говоря, в тот момент, когда условия, необходимые для взрыва, объединяются, взрыв необходим, M - единственный возможный результат; но до тех пор взрыв не является необходимым, и результатом может быть M₁, или M₂, или M₃. Причина (*m.e.* Объединенные условия) может иметь только одно следствие; но пока она не имеет этого эффекта, она не является причиной и никогда не может ею быть. Предсуществующие причины,

которые неизбежно должны приводить к predetermined последствиям, являются плодом метафизического воображения. Условия, которые могут определенным образом сочетаться и подчиняются тройственным гипотетическим законам науки, являются научными фактами.

Короче говоря, однородность Природы в том смысле, в каком природа считается единообразной как наукой, так и здравым смыслом, просто сводится к предположению, что при одних и тех же условиях будут иметь место одни и те же последствия. Но это единообразие не требует и не влечет за собой необходимости. Сама форма, выбранная наукой для выражения научных законов, провозглашает факт: "*Если* тела могут свободно двигаться", "*если* отсутствуют противодействующие причины", "*тело стремится* двигаться по одной и той же прямой линии". Какая бы необходимость ни была привнесена в истины науки, выраженные таким образом, очевидно, что они привнесены извне и не являются частью науки. Мы можем, если захотим, приписать науке необходимость, но в науке нет никаких оснований для этого. Наука абсолютно беспристрастна в этом вопросе. Если все, что происходит, происходит по необходимости, формула тяготения не получит никакого подтверждения своей истинности. Если в этом нет необходимости, то все без исключения научные истины остаются в силе до тех пор, пока при одних и тех же обстоятельствах следуют одни и те же последствия.

Поскольку, таким образом, наука соблюдает вооруженный нейтралитет в этом споре и озабочена только тем, чтобы защитить то допущение об однородности природы, которое жизненно важно для ее существования, мы должны обратиться за решением вопроса в другое место.

Мы начали эту главу с выражения нашей полной приверженности точке зрения, которая настаивает на единообразии не только природы, но и природы человека. Мы отвергли идею о том, что не существует науки о человеке и не было эволюции разума, как явный абсурд и жестокое противоречие общепринятым фактам. Таким образом, любая теория эволюции и любое научное определение, которые не в состоянии понять природу человека, осуждаются как неадекватные и неточные. Таким образом, для тех, кто вместе с нами принимает непрерывность и единообразие между природой и человеком, не составит труда перейти от одного к другому: с какого из двух мы начнем, будет зависеть главным образом от обстоятельств, от того, что более доступно в любом конкретном исследовании и которое, вероятно, обеспечит наилучший "взлет". В данном случае воздействие неодушевленных предметов друг на друга может быть объяснено любой гипотезой, т.е. что такое действие совершается по воле какой-то высшей силы или что оно вызвано каким-то предыдущим действием, которое вызвано каким-то другим предыдущим действием, и так далее до бесконечности, никогда не достигая какой-либо первоначальной или порождающей необходимости. Обе гипотезы соответствуют всем фактам всех физических наук; обе являются гипотезами; и наука может обходиться и обходиться ни без того, ни без другого. Точно так же наше наблюдение за наблюдаемыми фактами природы не позволяет нам сказать в отношении любого фактического факта такого рода, что он мог произойти или что он не мог произойти иначе, чем произошел. В конце концов, до тех пор, пока мы ограничиваемся предметом физических наук, до тех пор, пока мы исходим в данном случае из природы, мы не можем найти ничего, что могло бы нарушить равный баланс двух гипотез, которые являются двумя гипотезами и не более того. Но когда мы обращаемся от природы к природе человека, когда мы консультируемся с нашим собственным опытом наших собственных действий, ситуация, как известно, совершенно иная. Наш опыт в этом случае таков, что из двух или более предложенных и возможных действий мы вольны выбрать любое по

своему желанию; и наша память о прошлых актах выбора свидетельствует о том, что, хотя мы действительно выбрали один конкретный курс, мы могли бы воздержаться от него в пользу какой-то другой альтернативы. Здесь также, как и в случае чисто физической причинности, факт того, что что-то произошло, является убедительным доказательством того, что в соответствии с законом всеобщей причинности были выполнены условия, необходимые для его возникновения; но это не является доказательством или вероятностью того, что условия должны были быть выполнены. Тот факт, что мы решили действовать определенным образом, ни в малейшей степени не убеждает нас в том, что мы были обязаны выбрать это действие и только это действие. Напротив, наша память ясна и наше убеждение твердо, что наш выбор был свободен. Верно, что как в физической, так и в духовной сферах, когда объединяются все условия, необходимые для данного эффекта, должен наступить результат. И в обеих сферах одинаково верно, что до тех пор, пока условия эффективно не сочетаются, такой необходимости не существует. В случае с нашими собственными действиями мы прямо и непосредственно осознаем тот факт, что именно наша собственная воля приводит к такому сочетанию. Поэтому для нас, которые считают, вместе с профессором Хаксли, что единообразие и преемственность природы с природой человека необходимы для любого рационального и научного взгляда на вселенную и для любой всеобъемлющей теории эволюции, естественно интерпретировать физическое через духовную причинность. Из непосредственного и личного опыта некоторых случаев причинно-следственной связи мы знаем, что, хотя определенный эффект обязательно вытекал из определенной комбинации условий, условия могли быть объединены по-другому и с другим результатом. Следовательно, нет ничего необоснованного в выводе о том, что в отношении событий в природе условия, которые их вызвали, могли сочетаться по-разному и с разными результатами; и что определяющим фактором была воля (не наша собственная), сознающая свою свободу.

Таким образом, пока дело обстоит таким образом, что в наблюдаемых фактах природы нет ничего, что могло бы склонить чашу весов в пользу Необходимости или Свободной воли; и что, если бы эти факты составляли весь наш опыт, у нас не было бы оснований верить в одно, а не в другое. Но когда мы переходим к рассмотрению событий, причиной которых мы являемся, мы знаем, что наш вклад в совокупность условий, от которых зависит событие, является добровольным предложением, которое мы делаем или отказываемся делать по своему усмотрению. Это соображение само по себе не было бы достаточным для того, чтобы дать нам право делать вывод о подобном отсутствии необходимости в сочетании условий, вызывающих естественные явления. Если бы, например, у нас были основания верить или свидетельства, показывающие абсолютную пропасть между природой и природой человека, невозможность подчинения их каким—либо общим законам или концепциям; или если бы, подобно первобытному человеку или дикарю, у нас не было накопленных научных наблюдений, демонстрирующих истинность эволюции и закон непрерывности, - тогда у нас не было бы причин или мало причин, в зависимости от обстоятельств, для интерпретации действий природы и человека друг через друга.

Дикарь, как хорошо известно, без какого бы то ни было научного авторитета сразу предполагает полное сходство природы с природой человека. Он делает поспешные выводы: он считает само собой разумеющимся, что все, что движется, обладает собственной волей, как и он сам. Но хотя дикарь разделяет с ученым импульс верить в существенную преемственность, связывающую

человека и природу, этот импульс - это почти все, что у них общего. У дикаря это выражается в абсолютном отождествлении, полностью игнорирующем все различия, между ними двумя: дерево или река должны быть сознательными, рациональными существами, хотя их поведение больше отличается от поведения человека, чем похоже на него. У ученого тот же импульс вырабатывается к плодovitости благодаря постоянному руководству наблюдаемыми фактами: человек как животный организм подчиняется тем же физиологическим законам, что и другие подобные организмы; как органическое соединение - тем же химическим изменениям; как тело, обладающее инертностью, - тем же физическим законам. Однако вера ученого в непрерывность природы и человеческой натуры согласуется или, скорее, подразумевает различия между ними; *например*, человек обладает сознанием, которого нет у реки, человек является, а река - нет, сознательной причиной. Какими бы большими ни были эти различия, все же в глазах науки и с точки зрения эволюции они недостаточно велики, чтобы представлять собой нарушение непрерывности, поскольку с ростом науки действия человека все чаще рассматриваются как часть единообразия природы: человеческая причина производит свое действие только при условии, что для этого созданы все необходимые условия. Действительно, в некоторых тенденциях современной мысли существует опасность игнорирования различий и смешения преемственности с идентичностью. Различие между живым и неодушевленным, которое едва ли было достигнуто дикарем, подвергается опасности быть упущенным современными материалистами — ошибка, параллелью которой в религии стал бы возврат от монотеизма к поклонению природе. И как в патологии религии существует постоянная тенденция заменять религиозную веру доверием к автоматической эффективности обрядов и церемоний, что является падением до простой магии, так и в метафизике существует тенденция, во имя ложно называемой науки, заменять действия сознательно свободных агентов действием автоматической и магической необходимости. Свобода воли постоянно понимается или, скорее, ошибочно, как ее сторонниками, так и противниками, как способность действовать без мотива и подразумевать, что из идентично одинаковой комбинации условий может следовать один результат в одно время и совершенно иной в другое; и свобода воли в этом смысле и с этим подтекстом справедливо отвергается как несовместимая с единообразием природы. Свобода, однако, означает не отсутствие мотива, а наличие большего количества мотивов, чем один, ибо там, где нет альтернативы, нет и свободы, а там, где есть альтернатива, есть выбор между двумя вещами. Тот факт, что сознательное действие - это всегда действие с мотивом, не имеет в себе ничего противоречащего единообразию природы, если только единообразие природы произвольно не предполагается тождественным необходимости. Единообразие природы, *т.е.* Тот факт, что одно и то же действие проистекает из одной и той же комбинации условий, также не имеет ничего несовместимого со свободой воли, если только наступление события не доказывает, что оно должно было произойти. Законы науки — будь то наука о физике или наука о менталитете и морали — являются гипотетическими утверждениями: если в людях преобладает любовь к наживе, то за этим последуют все последствия, предсказанные наукой Политической экономии. Но это не доказывает ни того, что любовь к наживе должна быть, ни даже того, что она действительно преобладает. Единообразие, отмечающее действия людей всякий раз, когда преобладает этот мотив, достаточно для целей науки и согласуется со свободой воли; оно не означает, что люди действуют без мотива или что одни и те же условия производят то одно, то другое следствие. До тех пор, пока условия, необходимые для возникновения физического события, не будут эффективно объединены, физическая наука не знает необходимости заставлять их сочетаться именно таким образом; если они объединятся каким-то другим способом и с каким-то другим результатом, эта

комбинация в равной степени проиллюстрирует научную истину (которая гласит: если А, то В, если А₁, то В₁), и результат будет в равной степени соответствовать единообразию природы. Те же соображения применимы и к природе человека, и если их применить, то будет установлено, что они согласуются со свободой воли. До тех пор, пока решение не принято, *т.е.* Пока для него открыты альтернативные пути, человек свободен, точно так же, как в физической науке, до тех пор, пока не будет произведена комбинация условий, результат может последовать, а может и не последовать. Если будет принята одна альтернатива, последует один набор последствий, если другая, то другой; но что бы ни было принято, результаты будут соответствовать единообразию природы, закон причины и следствия не будет нарушен, разум не будет действовать без мотива или под влиянием необходимости. Короче говоря, универсальность закона причинности заключается в том факте, что, как бы ни сочетались условия, каждая комбинация может привести только к своему особому эффекту; и какой бы эффект ни имел место, он может быть результатом только соответствующих условий. Утверждать с необходимостью, что, если в начале вещей ход событий не был неизменен раз и навсегда, не может быть никакой науки, значит отрицать универсальность законов науки, утверждать, что они верны только для одной конкретной последовательности событий и не были бы верны ни для какой другой. На самом деле, однако, законы науки в своей гипотетической форме приспособлены для того, чтобы справляться с тем, что по меньшей мере столь же поразительно, как единообразие природы, то есть разнообразие природы: они применимы не только к одному, но и ко всем возможным сочетаниям обстоятельств. Каким образом будет двигаться тело, зависит от действующих условий; но наука не настолько искалечена, чтобы отказываться рассматривать его движение, пока она не будет уверена, что из различных мыслимых условий, которые могут возникнуть в организме, на самом деле может возникнуть только одно. Наоборот, универсализации ее законов заключается в том, что они применяются ко всем возможным комбинациям, не только в комбинации с производства, но до₁ производства В₁, В₂ производства В₂, и так далее. Происхождение всей земной жизни может быть прослежено, скажем, до случайного сочетания химических веществ, которые образовали первое пятнышко протоплазмы; и наука может показать, что из этого случайного совпадения вытекли различные важные следствия. Происхождение любого конкретного вида можно проследить до случайного появления вида спорта или разновидности, которая оказалась более приспособленной к окружающей среде, чем родительские формы.

Но, если бы этих случайных событий не произошло, последующий ход событий на земле, хотя там, возможно, и не было бы жизни, все равно был бы в равной степени в соответствии с единообразием (и разнообразием) природы и в равной степени поддавался научному объяснению. Теория о том, что первая частица протоплазмы или прародительская разновидность вида была связана метафизической необходимостью возникнуть именно тогда, когда и где она возникла, бесполезна для науки: если бы А не произошло, то произошло бы₁ или₂ или₃, и получившееся В результате Б или В₁ или В₂ или В₃ было бы в равной степени в соответствии с единообразием природы и в равной степени объяснимо наукой.

Таким образом, если в физическом мире ни наука, ни единообразие природы не требуют от нас веры в необходимость, то нет предварительной презумпции того, что необходимость должна быть законом духовного мира: мы можем исследовать факты нашего собственного внутреннего опыта без предубеждения. Свобода воли подразумевает, что разум представляет ему больше альтернатив или мотивов, чем один, и что это реальные альтернативы и реальные мотивы, *т.е.* мотивы, которые действительно могут в данном конкретном случае влиять на действие,

альтернативы, любая из которых может быть принята в данном случае. Обстоятельства или условия, в которых человек принимает решение, до тех пор, пока он, так сказать, не принял решение, удерживаются в решении и могут быть ускорены тем или иным образом по его выбору или не ускоряться вообще, если он сам не выберет. Тот факт, что при одних и тех же обстоятельствах достигается один и тот же результат, не является аргументом против свободы воли, если помнить, что воля сама по себе является одним из обстоятельств, влияющих на результат, точно так же, как масса тела, а также приложенная к нему сила помогают определить его скорость. Таким образом, изложение дела становится таким: если все обстоятельства дела совпадают и воля одинакова, последствия (*т.е.* Определение воли) также будут одинаковыми. Но необходимостная позиция требует утверждения, что если все обстоятельства одинаковы, то без каких-либо дополнительных оговорок воля определяется обстоятельствами; или, другими словами, что воля никоим образом не влияет на результат, что подобно тому, как если бы мы сказали, что масса тела не имеет ничего общего с его скоростью. Но если воля действительно вносит свой вклад в результат, *то есть* в определение самой себя, то она отчасти самоопределяется.

Мы уже признали, что должны присутствовать некоторые обстоятельства, если речь идет о каком-либо самоопределении со стороны воли; свобода воли подразумевает наличие большего количества альтернатив или мотивов, чем один, — и у нас всегда есть альтернатива действовать или воздерживаться от действия. Но это признание только ограничивает силы воли; оно не уменьшает ее свободы. Разум может выбирать только между предлагаемыми ему альтернативами; но пока у него есть реальные альтернативы, он свободен. То, что должны быть определенные обстоятельства, если должно быть какое-либо определенное определение воли, согласуется с тем фактом, что причина — это не какая-то отдельная вещь, а сумма условий, каждое из которых необходимо для следствия, и отсутствия любого из которых достаточно, чтобы предотвратить наступление результата. Вульгарной ошибкой является выделение какого-либо одного из условий (*например*, сила, действующая на тело) и называть ее причиной, пренебрегая всеми другими условиями (*например*, масса тела), которые в равной степени необходимы для эффекта. Это ошибка, совершаемая сторонником необходимости, который называет обстоятельства причиной в случае определения воли и пренебрегает ролью, которую играет сама воля.

Эта точка зрения иллюстрирует несостоятельность другого возражения против свободы воли, а именно. что это подразумевает, что при одних и тех же условиях могут наступить разные результаты, или, другими словами, что без какого-либо изменения условий может возникнуть то или иное последствие. Таким образом, утверждается, что свобода воли несовместима с единообразием природы, с законом, согласно которому причина должна производить свое следствие. Логическая ошибка здесь, очевидно, заключается в предположении, что при изменении воли обстоятельства сами по себе составляют причину, тогда как на самом деле причина состоит из суммы условий, *т.е.*, в данном случае, из обстоятельств и воли, взятых в сочетании. Измените любое из условий, и результат будет изменен — не имеет значения, является ли изменяемое условие одним из обстоятельств или волей. И наоборот, если при одних и тех же обстоятельствах человек один раз поступает так, а другой иначе, вывод заключается не в том, что единообразие природы было нарушено и что одни и те же условия производят разные эффекты, а в том, что одно из условий было иным; и поскольку *хypothesi* обстоятельства (*т.е.* Все условия, кроме воли) были в этом случае одинаковыми, остается, что условием, которое в этом случае отличалось, была воля.

На самом деле, именно теория необходимости нарушает единообразие природы, поскольку она требует от нас верить, что при условии, что определенные условия (а именно, все обстоятельства, кроме воли) одинаковы, результат должен быть таким же, независимо от того, насколько сильно изменится оставшееся условие (воля). Мы можем, действительно, уклониться от этого вывода, просто отрицая, что завещание является одним из условий его собственных модификаций, и мы можем сказать, что сургуч ничего не вносит в форму, которую оно принимает при запечатывании печатью. Истина заключается в том, что если воля или воск появляются в результате, они должны были присутствовать и действовать как одно из условий: они способствуют своему собственному определению и частично являются самоопределяющимися.

Если это соответствует единообразию природы и нашему опыту того, что на самом деле происходит, что обстоятельства должны быть одинаковыми, а воля разной в двух разных случаях, тогда теория необходимости рушится: если мы можем хотеть и действовать по-разному при одних и тех же обстоятельствах, у нас есть вся свобода, которую мы хотим. Но если — поскольку все обстоятельства, за исключением завещания, одинаковы — результирующая модификация или определение завещания различны, то разница в результате должна быть обусловлена некоторой разницей в условиях; все условия, кроме одного, были *ex hypothesi* одинаковыми; следовательно, оставшееся условие, а именно: завещание, должно быть, изменилось. Что вызвало изменение? Не обстоятельства: одна попытка взорвать бочонок с порохом может походить на другую во всех обстоятельствах, кроме одного (влажность пороха), но обстоятельства, которые остаются теми же (применение искры и т.д.), не являются причиной разницы в остальных условиях.

Если, таким образом, мы действительно иногда при одних и тех же обстоятельствах желаем разных вещей, и если обстоятельства не являются причиной изменения воли, то воля меняется сама, т.е. является самоопределяющейся, самоизменяющейся. И, как мы все знаем по опыту, она определяет себя в момент выбора, а не раньше. Пока все условия, необходимые для эффекта, не объединены, ни физическая, ни ментальная наука не требует от нас предполагать, что они должны сочетаться именно таким образом — что к пороху нужно приложить свет, потому что при его применении произойдет взрыв, что мотив выгоды должен быть принят, потому что он будет удовлетворен, если ему подчиниться.

Независимо от того, сочетаются ли условия так, чтобы произвести А, или так, чтобы произвести В, единообразие природы одинаково соблюдается в любом случае, закон, согласно которому причина должна производить свое следствие, одинаково выполняется, и любая последовательность так же поддается научному объяснению, как и другая. Но хотя наука и единообразие природы требуют от нас верить, что при сочетании условий последует результат, ни то, ни другое не требует от нас предполагать, что комбинация фиксирована до того, как она будет осуществлена. И это в равной степени относится как к чисто физическим событиям, так и к человеческим действиям. Эта истина в случае последнего класса действий выражается утверждением, что для агента открыты альтернативные направления действий и что они являются реальными альтернативами, альтернативами такими, что в данном конкретном случае можно следовать любому из них. С точки зрения науки и единообразия природы мы не предполагаем, что в этом отношении существует какая-либо разница между действиями человека и физическими событиями: если наука хочет включить оба вида последовательности и дать им рациональный отчет, мы должны предположить, что принципы, на которых условия

сочетаются или не сочетаются, одинаковы в обоих случаях. Если физические события и действия человека являются составляющими процесса эволюции, то между ними должна быть преемственность. Следовательно, из этого следует, что в случае физических событий, а также действий человека, до тех пор, пока условия не будут объединены таким образом, чтобы привести к одному определенному результату, исключая все остальные, они могут сочетаться другими способами с другими результатами — в конечном счете, до того, как комбинация будет осуществлена, всегда есть другие альтернативы.

На этом этапе становится необходимым принимать во внимание разнообразие, а также единообразие природы — в данном случае разнообразие, которое приведет нас к более высокому единообразию. Для человека-агента открыты альтернативные варианты действий в том смысле, что он осознает их возможность и что после обдумывания он принимает тот или иной из них. С чисто физическими явлениями и материальными вещами дело обстоит иначе: они могут быть объединены таким-то образом *или* таким-то образом; альтернатива действительно открыта, пока комбинация не осуществлена, но она не открыта для них и не принята ими, когда принята. Это принимается за них. В некоторых случаях человеком. Во всех случаях тем, благодаря чему только и можно обдумать и принять альтернативные варианты действий — сознательной волей. Направление и форма, которые человек придает материальным вещам — своим орудиям труда или произведениям искусства, — делают их в определенной степени выражением его воли; в остальном они в равной степени являются выражением воли, хотя и не его воли.

Для тех, кто в наши дни искренне принимает общие принципы эволюции и философствует на их основе, дуалистическая философия невозможна. Они не могут утверждать, что материя подвержена эволюции, а разум - нет; а непрерывность процесса эволюции запрещает нам предполагать, что существует какой-либо реальный разрыв между тем, что на одной стадии проявляется как материя, а на другой - как разум. Нет прерывности, если материальные вещи (*т.е.* то, что мы воспринимаем чувствами, но которые отличаются от наших ощущений тем, что они постоянны) являются, с одной стороны, постоянными выражениями Воли, а с другой - преходящими впечатлениями, производимыми на нас в форме чувственных явлений.

То, что, таким образом, верно в отношении содержания эволюции, в отношении того, что находится в процессе эволюции, верно также и в отношении закона этого процесса. Мы не можем предполагать, что это распространяется только на материю — что поведение материи поддается рациональному объяснению, а поведение разума - нет. Непрерывность процесса исключает возможность двойного контроля: либо сила, проявляющаяся во всех вещах, разумна во всем, либо она таковой не является. Если в поведении вещей нет причины, а есть только необходимость, то те человеческие действия и концепции, которые человек считает результатом своего разума, на самом деле являются результатом неразумной необходимости.

Именно последняя гипотеза выражается в теории необходимости. Обычная вера человечества — вера, которой невозможно сопротивляться в тот момент, когда вы принимаете решение, будете ли вы делать это или нет, — заключается в том, что *вы можете* сделать это или нет, что альтернативы реальны, а мотивы таковы, что можно действовать в соответствии с любой из них. Гипотеза необходимости состоит в том, что альтернативы нереальны, что даже до того, как вы приняли решение, есть только одна альтернатива, которой вы можете следовать — другие пути являются лишь кажущимися альтернативами, потому что вы не можете выбрать или действовать

в соответствии с любым из них; другие мотивы не являются реальными мотивами, потому что в силу необходимости, заложенной в самом начале вещей, они не могут повлиять на вас в данном случае. Ваши действия столь же автоматичны, как у пианино, которое реагирует на прикосновение. Разница в том, что вы думаете о полученном стимуле, а пианино - нет. Следовательно, пианино не допускает ошибок; вы совершаете две. Вы думаете о различных возможных последствиях стимула — которые все невозможны — и воображаете, что тот, который вы выбираете, является следствием вашего разумного выбора, тогда как это автоматический результат того железного закона необходимости, который связывает воедино весь процесс эволюции.

Нетрудно понять, что гипотеза такого рода, которая, по-видимому, находится в сильном противоречии с самыми простыми фактами нашего повседневного личного опыта и опровергает то сознание свободы, которым все мы обладаем, не была бы поддержана в теории — на практике с ней нельзя действовать, — если бы не казалось, что она является следствием некоторых хорошо установленных фактов. Конечно, его сторонники считают его логическим следствием единообразия природы и закона универсальной причинности и необходимым предварительным допущением, если мы хотим дать какое-либо научное объяснение природе человека и его эволюции. Если, как мы подробно доказывали в этой главе, это не так, если закон универсальной причинности требует только того, что событие не может произойти, если необходимые условия не сочетаются — а не того, что условия, которые сочетались или могут сочетаться, были или обязаны сочетаться, — все еще остается вопрос, какую ценность гипотеза имеет сама по себе.

Во-первых, это гипотеза, которая никогда не может быть ни доказана, ни опровергнута. Гипотеза состоит в том, что наше предполагаемое сознание свободы - иллюзия, что если мы воображаем, что свободны выбирать, что мы будем делать, или что в прошлом мы могли бы выбрать иначе, чем сделали, мы обмануты. Гипотеза не основана на каких-либо фактах сознания: это предположение о том, что сознание может быть обманчивым. Возможно: нет никаких средств доказать или опровергнуть это предположение, поскольку любой ответ должен исходить от одного сознания к другому, причем оба эти сознания, как подозревает автор предположения, не вполне заслуживают доверия. Мы не можем просить его уступить нам, чтобы мы могли аргументированно убедить его в том самом пункте, который является спорным.

Далее, гипотеза необходимости формально объясняет все факты, которые она призвана объяснить: она объясняет весь процесс эволюции. Если все, что происходит, происходит потому, что так должно быть, то само выполнение любого шага в процессе несет в себе свое собственное объяснение: сам факт того, что это произошло, показывает, что это должно было произойти. Если мы спросим: "Почему это должно было произойти?" ответ таков: "Потому что так было". Могут быть вставлены различные промежуточные причины — потому что у всего должна быть причина, и каждая причина должна иметь свое следствие, — но если мы спросим: "Почему у всего должна быть причина?" почему каждая причина должна производить свое следствие?" окончательный ответ всегда таков: "Так должно быть, потому что так должно быть". Если мы спросим: "Какие есть доказательства того, что это необходимо?" здесь его нет. Как мы уже говорили, гипотеза - это такая гипотеза, которая не допускает ни доказательства, ни опровержения.

То же самое происходит и с противоположной теорией свободы. Формально гипотеза о том, что весь процесс эволюции заключается в выражении самоопределяющейся воли, адекватна для объяснения всех фактов. Но это гипотеза, которая не может быть ни доказана, ни опровергнута, если свидетельство сознания о нашей свободе не может быть принято. Мы не можем доказать, что свидетельство сознания истинно или что ему можно доверять в этом или любом другом вопросе. Мы принимаем это на веру. Поэтому возникают вопросы: разумно ли принимать что-либо на веру? и если да, то что? и почему?

VIII.

НЕДОСТАТОЧНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Теория Замысла необычайно устойчива к существованию, как и многие ошибки, как и все истины. Наука все еще говорит об "органах", то есть об "инструментах" (ὄργανα), и об органах как выполняющих "функции"; ибо факт остается фактом, что органы являются инструментами, с помощью которых действует организм, и что каждый из них выполняет свою соответствующую работу, свою функцию, хотя наука может отказаться сделать вывод, что инструменты были сконструированы для выполнения той работы, которую они выполняют.

Аргумент с точки зрения дизайна был сравнительно простым делом, пока предполагалось, что организм и окружающая среда были созданы отдельно: вам нужно было только показать, как чудесно и совершенно они подходят друг другу, когда собраны вместе, и из этого следовало, что они должны были быть спроектированы так, чтобы соответствовать друг другу — говорить, что они просто случайно подошли, было очевидным абсурдом. Но когда наука обнаружила, что организм и окружающая среда не были настолько независимы друг от друга, чудо исчезло: если окружающая среда сформировала организм или организм модифицировал окружающую среду в соответствии с собой, неудивительно, что они подходили друг другу. Тот факт, что реки всегда текли мимо больших городов, перестает быть замечательным, когда мы задумываемся о том, что люди выбирали места рядом с реками. И случайность, по-видимому, была создана Эволюцией там, где когда-то царил Замысел; ибо, если единственные формы жизни, которые могут процветать в данном месте, — это те, которые подходят для этого места, все, что мы можем сказать, это то, что, если одна форма пригодна для выживания, она выживет; а если нет, выживет какая-то другая. Какая бы форма ни выжила, она будет делать это не потому, что так было задумано, а потому, что она оказалась подходящей для своего окружения. Короче говоря, организмы и их органы являются такими, какие они есть, потому что обстоятельства и их прошлая история сделали их такими: они были развиты, а не спроектированы.

Однако небольшого размышления достаточно, чтобы показать, что аргумент о Замысле не полностью исключается эволюцией: вещи в целом таковы, какими их сделали обстоятельства и их прошлая история; но разве сами эти обстоятельства не были созданы для того, чтобы развить то, что они сделали? Нет, разве мы не вынуждены предположить, что они были так задуманы, если мы верим в Дизайнера?

Если, однако, мы попросим Естествоиспытателя обсудить с нами эти вопросы, он отклонит приглашение на том основании, что это не его дело: его дело — выяснить, каким образом, а не с

какой целью животная жизнь приобрела те различные формы, в которых мы ее знаем; и она может сделать это, свое дело, довольно хорошо — даже лучше — без обсуждения подобных вопросов. Если бы было доказано, что история животной жизни на этой земле с самого начала была предназначена для того, чтобы следовать тем линиям, по которым она в действительности развивалась, ни одна из проблем, которые естествознанию еще предстоит решить, ни на йоту не приблизилась бы к решению; и ей не стало бы лучше, если бы было доказано, что никакого замысла не было. Поэтому она вполне корректно отказывается обсуждать этот вопрос: может быть Замысел и Проектировщик, а может и нет; она не знает; если отвечать на этот вопрос - дело науки, то это должно относиться к какой-то другой науке, а не к естествознанию.

Точно так же и физическая наука, когда ее спрашивают, не были ли законы движения и материи предназначены для того, чтобы производить эффекты, которые они на самом деле вызывают, отвечает, что могут, а могут и нет, но что закон всемирного тяготения, например, одинаково верен для ее целей, независимо от того, были или не были созданы тела для падения на землю со скоростью шестнадцать футов в первую секунду и так далее. Ответы на такие вопросы могут входить в компетенцию какой-либо другой науки: это не входит в компетенцию физической науки.

И таким образом исследователь может обойти всю семью Наук. Это необычайно трудолюбивая семья. Ему предстоит проделать огромный объем работы: он должен накормить, одеть и вообще обеспечить все человечество. И это вообще может продолжаться только при очень тщательном разделении труда: у каждой науки есть своя задача, и она может выполнять дневную работу за день, только строго ограничиваясь этой задачей. У каждой науки есть свои вопросы, на которые нужно ответить, и добиться успеха в этом можно, только отказываясь слушать других.

Вопрошающему может показаться странным, что во всей этой обширной и активной организации ответов на вопросы не предусмотрено ответов на то, что ему кажется одними из самых важных вопросов из всех; и если он был воспитан в истинной вере в науку, он сочтет это слишком странным, чтобы быть правдой; он будет упорствовать в своих вопросах и в конце концов будет вознагражден за свою веру открытием, что существует наука, которая берется ответить на них, — Теология. Но он также обнаружит, что богословие не слишком высоко ценится ее сестрами—науками - не потому, что они завидуют ей из-за того, что она имеет наглость заявлять, что отвечает на вопросы, которые, по их признанию, слишком высоки для них, но потому, что есть серьезные подозрения относительно ее легитимности: сомневаются, является ли она Наукой вообще. Они боятся, что это следует признать, она лжива, аморальна и уж точно совершенно ненаучна: она говорит то, чего не может доказать, и говорит, что верит в это. Но они знают, что она только притворяется, что верит в это: они, конечно, ни во что не верят на основании недостаточных доказательств; тогда какое лицемерие притворяться, что кто-то действительно может верить во что угодно, кроме того, что доказано научными методами! Они с благодарностью говорят, что у них нет "веры". Однако она может исправиться; она, конечно, очень отсталая; тем не менее, она может вырасти в науку, основанную на здравом смысле, как и ее сестры; и тогда она откажется от глупой идеи, что может ответить на вопросы, которые не могут они.

И какая же правда заключена в нарисованной таким образом картине?

Если Бог существует, то в мире нет другого факта, имеющего такое ужасное или такое благословенное значение для человека. Религия основана на вере в то, что Бог есть. Сказать

религиозному уму, что нет научных доказательств существования Бога, значит не сообщить ему ничего нового. Это были не те условия, на которых мы основывали нашу веру — что мы должны иметь научные доказательства всего, прежде чем что-либо предпринимать. Напротив, религия начинается тогда, и только тогда, когда человек начинает "смирненно ходить со своим Богом", осознавая, что он не знает ничего, кроме того, что его душа прилеплена к Богу и смирненно доверяет Ему. Мы не выторговываем столько веры и не более того за такое количество доказательств: мы отдаем "самих себя, свои души и тела". Дар бесплатный. Душа боится даже сказать, что у нее есть доказательства существования Бога; она только знает, что надеется и тоскует по Нему. "Вера - это уверенность в том, на что надеются", и сила нашей уверенности равна силе нашей надежды. Но научное доказательство - это не то, на что надеются: это не то, чего желают, когда душа осознает только одно, что она жаждет, подобно оленю, бегущему к ручьям, живого Бога. Смирненное признание нашего безграничного невежества является основой нашей веры и всегда будет ее надежным убежищем, ее непреодолимой твердыней. Только тогда, когда, будучи невежественными, мы испытываем искушение отрицать свое невежество, начинаются проблемы. Мы отбрасываем субстанцию ради тени, когда верим не в Бога, а в какое-то доказательство существования Бога.

Человеку науки все эти разговоры о вере кажутся простой глупостью, явным неразумием, болезненным погрязанием в невежестве из чистой любви к невежеству; и есть другие, которые, хотя и признают, что доказательства - это не то, чего хотят некоторые умы, все же осознают по собственному печальному опыту, что другие умы жаждут их и не могут без них познать покой. И если мы спросим, какого рода доказательства им требуются, ответ будет прост: это те же доказательства, на которых настаивает наука. Тогда давайте пойдем к человеку науки и подождем у его двери: он, во всяком случае, не невежда, а мы, если и невежды, то, по крайней мере, хотим учиться. То, что он скорее будет смотреть на нас свысока, - это только то, чего можно было ожидать от человека, который одной лишь силой разума открыл единственный источник истины и создал всю структуру науки. Конечно, когда он провел нас по своему дворцу и показал нам его чудеса — весы, на которых он взвешивает солнце, пластины, с помощью которых он фотографирует невидимые звезды, кинематографические картины прошлой истории Земли, его прогнозы о будущем солнечной системы, — мы не просто хотим, но и жаждем узнать, как все это делается. И когда мы ближе узнаем его, мы обнаруживаем, что, несмотря на чудеса, созданные им самим, которыми он окружен, он не надменен, каким мог бы быть: на самом деле, он уверяет нас, всего лишь обычный человек. "Научное исследование - это не какой-то вид современного черного искусства, как, кажется, полагают многие люди".^[25] Это просто простой, заурядный здравый смысл, последовательно применяемый; и, прежде всего, упорно отказывающийся принимать что-либо без достаточных доказательств. В обычной жизни, говорит человек науки, мы не принимаем на веру ни одно утверждение, которое кто-либо хочет сделать, - мы требуем каких-либо доказательств; и если наука растет с каждым днем, а религия идет на убыль, то это просто потому, что наука взяла за правило никогда ни во что не верить без достаточных доказательств, а религия - нет.

Естественно, тогда мы хотим знать, что является "достаточным доказательством" в глазах науки, поскольку, как нам говорят, от этого зависит все. Ответ краток: все, что основано на Единообразии Природы, имеет достаточные доказательства. Если мы склонны быть озадаченными "Единообразием природы", то вскоре успокаиваемся; это буквально самая обычная вещь в мире, в этом нет никаких трудностей. Человек рождается в мире, в котором непрерывно происходят изменения. Некоторые вещи меняются даже тогда, когда облака

рассеиваются — каждую секунду, и таким образом, который понятен всем наблюдателям. Другие изменяются незаметно и очень медленно, как, *например*, уровень суши или форма береговой линии. Но все меняется, πάντα ῥεῖ . Ничто не задерживается надолго в одном пребывании. Именно эти изменения приносят человеку все хорошее, а также все плохое. Таким образом, если человек хочет выжить, он должен научиться уклоняться от последних изменений, которые угрожают сокрушить его, и он должен быть там вовремя, чтобы воспользоваться первыми. Такова была проблема, стоявшая перед первобытным человеком, и таковой она остается для каждого из нас сегодня: успешный человек - это тот, кто впереди планеты всей, и если он впереди, то это потому, что он научился читать приметы времени года. Одним словом, он научился осознавать, что изменения не всегда являются простой случайностью, что некоторым изменениям неизменно предшествуют определенные другие, и, следовательно, их можно предвидеть. Вначале изменений, которые человек может предсказать, действительно немного: его предвидение не больше, чем у животного. Ребенок не предвидит, что огонь разгорится; он учится на опыте. И что бы человек ни мог предсказать, он познал все это на собственном опыте. Это медленный способ обучения, человеку потребовались тысячи и тысячи лет, чтобы научиться тому, что он знает сейчас; и все же он научился узнавать причины бесчисленных вещей, контролировать причины и предвидеть последствия многих. Но более важной, более ценной, чем весь его опыт и все его знания о том, что что производит, о том, что равномерно чему предшествует или за чем следует, является окончательная и всеобъемлющая истина, к которой он наконец приходит, а именно, что ничто не происходит произвольно, что все в природе единообразно. Это, Единообразие Природы, является великой истиной, в которой суммируются все остальные: на ее установление были потрачены труды всех прошлых поколений человечества, в ее поддержку вносит свой вклад весь опыт расы. Это истина из истин, испытание истины: все, что установлено на ней, не должно быть поколеблено, все, что противоречит ей, не устоит.

Единообразие Природы является основой не только всей науки, но и каждого действия разума в самых обыденных делах обычной жизни; и, хотя вы можете этого не знать, вы принимаете это каждое мгновение. Почему вы уверены, что солнце взойдет завтра? Потому что Природа однородна. Почему вы знаете, что огонь будет гореть? Потому что Природа однородна. Почему все люди смертны? Потому что причина всегда производит свое следствие? Из-за единообразия Природы. Для каждого из этих убеждений достаточно доказательств; это единообразие Природы. Как отличается, говорит человек науки, процедура науки, основанная на здравом смысле, от ненаучных методов теологии! Почему мы верим, что земля принесет свои добрые плоды в должное время? Потому что такова Божья воля? Это гипотеза; она может быть верной, а может и нет; она не может быть доказана или опровергнута; против нее нет доказательств, но и в ее пользу нет никаких. Наука и здравый смысл дают совершенно иной ответ: земля будет производить урожай в соответствии с определенными естественными причинами, механическими и химическими. Это тоже гипотеза, которая может быть верной, а может и не быть. Да, но это тот случай, для которого есть некоторые доказательства — Единообразие Природы. Точно так же, если бы кто-нибудь сказал, что результат следующих всеобщих выборов зависел не от выборщиков, а от планет, мы бы отказались ему верить, потому что нет никаких доказательств того, что планеты имеют к этому какое-либо отношение, и есть веские основания полагать, что голоса выборщиков имеют. Короче говоря, научное учение таково: требуйте достаточных доказательств для всего и всегда помните, что под достаточными доказательствами подразумевается Единообразие Природы.

Это звучит так просто и убедительно, что у нас возникает искушение попробовать. Но сначала давайте убедимся, что мы правильно усвоили наш урок. В течение долгих веков человечество постепенно накопило достаточно опыта, чтобы обосновать твердую веру в то, что Природа однородна. Итак, первобытный человек, конечно, был дикарем и ничего не знал о Единообразии Природы; следовательно, у него не могло быть достаточных доказательств для того, чтобы верить чему-либо из своего опыта. Но именно на накоплении таких переживаний — каждого из которых мы должны отвергнуть, потому что они не были основаны на Единообразии Природы, — предполагается, что наша вера в Единообразие Природы зиждется. Другими словами, она основана на них, а они ни на чем не были основаны. Этот результат строгого соблюдения принципа не допускать, чтобы что-либо происходило без достаточных доказательств, кажется несколько обескураживающим, пока человек науки не придет нам на помощь и не напомним нам, что точно так же, как мы, сами того не зная, действовали всю свою жизнь, исходя из молчаливого предположения, что Природа однородна, так поступал и первобытный человек; и что, следовательно, действительно было достаточно доказательств и научных подтверждений переживаний дикаря, хотя, конечно, он не смог бы сформулировать это словами; и таким образом, основы единообразия Природы действительно вполне надежны. Но даже сейчас мы не полностью преодолели наши трудности, если допустить, что дикари, как и мы, молчаливо считали Природу однородной, были ли достаточные доказательства для этого предположения? и если да, то каковы были доказательства? Это не могло быть Единообразие Природы, потому что это как раз вопрос; и, если бы это было что-то другое, это не было достаточным доказательством.

Действительно, кажется довольно трудным получить достаточные доказательства в пользу аксиомы, а именно. единообразие природы, на котором построена вся наука. И все же у нас должно быть достаточно доказательств этого, иначе нам придется заключить, что Наука имеет не более логического основания, чем религия.

Но еще раз человек науки приходит нам на помощь и объясняет, что вначале, до того, как будет доказано единообразие Природы, вполне вероятно, что то, что однажды произошло, произойдет снова при аналогичных обстоятельствах, и поначалу, возможно, не очень вероятно; но когда все более и более обширный опыт показывает, что то, что однажды произошло, действительно происходит снова при тех же обстоятельствах, единообразие природы становится все более и более вероятным, пока, наконец, если оно и не доказано на самом деле, оно все еще остается наиболее вероятной гипотезой, которой мы обладаем или можем обладать: "наши самые высокие и верные обобщения остаются на уровне оправданных ожиданий; то есть вероятность очень высока".[26]

Теперь, при всем уважении к таким логикам, как Джон Стюарт Милль, и таким ученым, как Хаксли, мы должны указать, что отсюда вытекает весь вопрос. Если мы предположим, что Природа однородна, то вполне вероятно, что то, что часто случалось, повторится снова. Но если мы не предполагаем, что Природа однородна, то повторяющееся появление чего-либо не делает ни в малейшей степени вероятным, что это произойдет снова. Предполагать без доказательств, что Природа однородна, - значит просить нас принять утверждение без доказательств, что, если мы усвоили урок науки, мы вряд ли сможем сделать. С другой стороны, если мы начнем с признания того, что Природа может быть или не быть однородной, но что, для начала, мы не больше знаем, окажется ли она на самом деле однородной, чем мы знаем, упадет ли монетка, когда мы собираемся ее подбросить; тогда, согласно математической теории

вероятности, не имеет значения, сколько раз вы подбрасываете монетку, шансы на следующий бросок точно такие же, как и при первом броске — не имеет значения, сколько раз Природа доказывала однородность в прошлом, она не более вероятно окажется однородной для всех. - завтрашний день был хуже, чем в первый из дней. Если вначале действительно был открыт вопрос о том, однородна Природа или нет, то он остается открытым до конца. Человеку науки не обязательно признавать, что это открытый вопрос, если он не хочет этого делать; но если он все-таки признает это, то пусть он придерживается его во всем; и пусть он подумает, что если он начинает с признания этого, а заканчивает отрицанием, то он лишь постепенно отказывается от своего собственного свободного признания и бессознательно был обманут, отрицая то, что он начал с признания истинным.

Дело в том, что аксиомы науки — Единообразие природы и Закон универсальной причинности — не только не подтверждаются тем опытом, который у нас был относительно них, но и "не могут быть доказаны никаким количеством опыта".[27] Они не только не могут быть доказаны каким-либо опытом, их вообще невозможно продемонстрировать: "они не являются ни самоочевидными, ни, строго говоря, доказуемыми".[28] Если, в таком случае, они не являются и не могут быть доказаны ни опытным путем, ни каким-либо другим способом, на чем человек науки основывает свою веру в них? На Вере. "Основа каждого нашего поступка и обоснованность всех наших рассуждений покоятся на великом акте веры, который побуждает нас принимать опыт прошлого как надежное руководство в наших отношениях с настоящим и будущим".[29]

СНОСКИ:

[25] Хаксли, *Дарвиниана*, стр. 361.

[26] Хаксли, *Наука и христианская традиция*, стр. 205.

[27] Хаксли, *Эволюция и этика*, стр. 121.

[28] Хаксли, *Метод и результаты*, стр. 61.

[29] Хаксли, *Наука и христианская традиция*, стр. 243.

IX.

ПОСЛЕДСТВИЯ

В последней главе, впечатленные доктриной о том, что нет "источника истины, кроме того, который достигается терпеливым применением научных методов", [30] мы терпеливо применяли эти методы к фундаменту самой науки; и мы были вознаграждены открытием, что научная, как и религиозная, истина имеет свой источник в вере. Но наши трудности еще не закончились.

Человек может верить в науку, если хочет, "но пусть он не обманывает себя представлением, что его вера является свидетельством объективной реальности того, во что он верит". [31] По этому поводу мы не испытываем затруднений: вера начинается не просто с невежества, но с откровенного признания того, что мы знаем, что мы невежественны, но мы хотим верить,

несмотря на отсутствие доказательств. Нет никаких доказательств того, что Природа единообразна или наука истинна, но мы не возражаем против этого: мы вполне полны решимости верить, независимо от наличия доказательств. Это достаточно легко для нас, не являющихся учеными; но "у людей науки есть нелогичная привычка — нет, я не буду называть это так, потому что это ценная привычка — ни во что не верить, если этому нет доказательств; и у них есть способ рассматривать веру, которая не основана на доказательствах, не только как нелогичную, но и как аморальную".[32] Это если не неудобно, то, по крайней мере, озадачивает, поскольку наука основана на вере в однородность Природы, доказательств которой нет.

"Нам говорят, что особая особенность дьявола в том, что он был лжецом с самого начала. Если мы вступаем в жизнь, притворяясь, что знаем то, чего на самом деле не знаем; заявляя, что принимаем за доказательство доказательства, которые, как мы прекрасно понимаем, неадекватны; умышленно закрывая глаза и уши на факты, которые опровергают ту или иную удобную гипотезу, мы, несомненно, делаем все возможное, чтобы заслужить такую же репутацию".[33] Это тоже вызывает недоумение. Наука вступает в жизнь, предполагая "великим актом веры", что Природа однородна. Она прекрасно понимает, что доказательств для этого предположения недостаточно, что никакой опыт не может это доказать; но, если она вообще собирается начать, она должна сделать предположение, поэтому она продолжает действовать так, как будто это доказано, как будто она знает то, чего не знает. Таковы факты, и мы считаем само собой разумеющимся, что никто не станет умышленно закрывать на них глаза и уши, даже если у него есть какая-то удобная гипотеза, против которой они, по-видимому, противоречат.

Опять же, вера в науку основана не на каком-либо разумном основании, а на "великом акте веры", который приводит человека науки к согласию с ней. Поэтому снова вызывает недоумение тот факт, что "согласие без рационального обоснования веры является для человека науки всего лишь аморальным притворством" и что "скептицизм - высшая из обязанностей; слепая вера - единственный непростительный грех".[34]

Но читатель, вероятно, уже правильно угадал решение этих головоломок: процитированные выше отрывки не предназначены для применения к науке. Слепая вера, которая нелогична, аморальна, является притворством и ложью, - это, конечно, не вера в науку, а какой-то другой вид, который поэтому может быть отвергнут; и мы можем начать все сначала с радостного чувства, что есть по крайней мере один вид веры, который логичен, нравствен и реален.

Таким образом, вполне честно и логично иногда верить; и, не имея доказательств, верить некоторым вещам, *например*, в Единообразие Природы. Здесь, однако, некоторые читатели могут возразить, что человек науки не доказал, что *его* вера логична и нравственна, реальна и истинна — он просто предположил это. Совершенно верно; но такова *его* вера, и мы должны уважать ее, как уважаем любого человека, который твердо придерживается того, что он искренне считает настоящей правдой. Мы не думаем, что он мог бы поверить в это, если бы считал это притворством или ложью. И мы не призываем его доказывать это до того, как мы ему поверим, и тем более доказывать это до того, как он сам в это поверит.

Поэтому, повторяем, вполне разумно верить в Единообразие Природы без доказательств. Нежелание, которое искренне испытывают многие умы, занимать эту позицию, вероятно, связано с ощущением, что если мы можем верить во что-то без доказательств, то каждый может верить во что угодно, что ему нравится. И было бы не совсем справедливо возражать: какое это имеет для вас значение, пока вы вольны верить в то, что считаете правильным? Склонность к

догматизму и нетерпимости к чужим мнениям действительно достаточно сильна в каждом из нас, чтобы вызывать у нас некоторое смятение при виде аргументации, которая, по-видимому, указывает не только на то, что другие люди имеют право отличаться от наших мнений, но и на то, что они вполне могут быть правы, так расходясь с ними. Тем не менее, эта тенденция не полностью объясняет наше нежелание. Это нежелание имеет, по крайней мере частично, более благородное происхождение, чем ограниченность мышления и невежество, которое не знает, что это невежество. Для нас действительно важно, во что верят наши собратья. Еще более важно, как и почему они выбирают свои убеждения.

Нежелание признать, что допустимо верить без доказательств даже в такую неоспоримую истину, как Единообразие Природы, отчасти объясняется еще одной причиной. Считается, что признавать веру без учета доказательств - значит призывать к интеллектуальной анархии и оставлять человечество беспомощной добычей невежества, ошибок и суеверий. Отсюда во многих искренних душах прискорбное чувство рассеянности и безнадежности: отказаться от своей старой веры, даже если у нее нет доказательств, - это едва ли не больше, чем они могут вынести; сохранять ее, зная, что у нее нет доказательств, - значит открыть шлюзы сатурналий неразумия, которые сметут основы цивилизации. Отсюда также рвение, с которым другие умы призывают к разрушению любой веры, но особенно религиозной веры, не основанной на доказательствах, и с которым они осуждают веру как единственный непростительный грех.

Но ошибка, в которую впадают оба типа мышления, очень проста. Она состоит в представлении, что если мы принимаем что-то на веру, то, поскольку нет доказательств, следовательно, мы можем верить во что угодно, даже если доказательства неопровержимы против этого, — что если мы однажды примем веру, мы должны навсегда отречься от разума. Ошибка была ясно разоблачена профессором Хаксли, который, указав, что разум — рассуждение — основан на вере, говорит: "Но совершенно очевидно, что вера не обязательно имеет право обходиться без рассуждения, потому что рассуждение не может обходиться без веры как отправной точки; и что из-за того, что мы часто вынуждены под давлением событий действовать на основании очень плохих доказательств, не следует, что правильно действовать на основе таких доказательств, когда давление отсутствует".[\[35\]](#)

Таким образом, утверждение, что если мы признаем одну вещь, *например*, Однородность Природы, без доказательств, кажется алармистским преувеличением, мы лишаемся права когда-либо снова требовать доказательств для любого другого утверждения: напротив, всякий раз, когда доказательства могут быть получены, мы должны получить их и придерживаться их. Но это только показывает, что никаких катастрофических последствий не будет обязательно, если мы откровенно признаем то, что в любом случае является фактом, а именно. что нет никаких доказательств постулата, на котором построена вся наука. Вы не совершите государственную измену высшим интересам человечества, действуя в данном случае по принципу, что человек иногда может поверить чему-то на основании доказательств, которые, как он хорошо знает, недостаточны, или вообще без доказательств. С другой стороны, в другом случае действовать по принципу могло бы быть если не государственной изменой, то, по крайней мере, вредительством.

Таким образом, кажется, что, во-первых, есть некоторые вещи, в которые человек может верить без доказательств, а в некоторые - нет; и, во-вторых, что он может не верить в вещи, последствия которых были бы катастрофическими или пагубными. Но теперь, что из того, что не

является вредным или катастрофическим? По какому принципу мы должны выбирать среди них? Давайте еще раз последуем за нашим проводником, человеком науки, и спросим его, на основании какого принципа он предпочел верить в то, что Природа однородна, а не в то, что она таковой не является. Я полагаю, что это было опять же из-за последствий: допустим, что Природа однородна, и тогда все чудесные открытия, откровения прошлого и пророчества будущего, сделанные наукой, станут вещами, во которые мы можем разумно верить. Откажитесь верить, откажитесь от своей веры, и тогда у вас не будет причин верить чему бы то ни было, мысль и действие одинаково парализованы. Нам приходится выбирать между этими последствиями. Наш выбор - это акт воли; и именно от нашей воли зависят наши убеждения и наши действия.

Таким образом, в науке нам предлагаются альтернативы: либо верить без доказательств в то, что Природа однородна, либо отказаться от всего, что может дать наука. Мы хотим быть научными, поэтому выбираем первое. Мы верим (в науку), потому что хотим верить, а не потому, что у нас есть какие-либо доказательства. Сказать, что мы можем поддаться импульсу иметь веру, не будучи ненаучными, значит преуменьшить значение дела: мы не можем быть научными без веры.

В логике, будь то индуктивная или дедуктивная, дело обстоит одинаково. Мы должны либо безоговорочно верить в аксиомы, на которых основан разум, либо вообще отказаться от разума. Мы хотим быть разумными, поэтому выбираем принять аксиомы. Но наш выбор не является ни малейшим доказательством того, что они истинны. Мы верим, что они истинны, потому что хотим верить, что они истинны. Нет никакой причины, кроме как сначала быть верой.

С моралью дело обстоит не иначе. Мы верим в принципы морали не потому, что можем доказать их или привести доказательства того, что человек должен поступать правильно, а потому, что мы хотим верить и потому, что у нас есть вера в справедливость. Нет никакой морали, если сначала не будет веры.

Мы ничто, ничего не знаем, ничего не можем сделать без веры. И не в мертвом прошлом, которое мы подразумеваем под "доказательствами", а в живом будущем есть истоки веры. Именно потому, что мы хотим впредь поступать правильно, мы вкладываем нашу веру в правильные поступки. Не призраки наших злодеяний, восстающие из склепа прошлого и свидетельствующие против нас, вселяют в нас надежду на будущее — это вера, основанная не на доказательствах, не на прошлом, которое нельзя изменить, а на надежде, на будущем, на том, что будет так, как мы захотим.

Будущее неопределенно. Но это не причина, по которой вы должны им быть. Нет никаких доказательств того, что мы добьемся успеха, что логике можно доверять или что наука верна. Но, к счастью, в этом можно быть уверенным и без доказательств. Комментируя текст "Вера - это уверенность в том, на что надеются, доказательство невидимого", профессор Хаксли говорит: "Я полагаю, мы будем недалеко от истины, если предположим, что автор имел в виду глубокую психологическую истину, что люди постоянно чувствуют уверенность в вещах, на которые они сильно надеются, но не имеют доказательств в юридическом или логическом смысле этого слова; и он называет это чувство "верой".^[36] Это глубокая психологическая истина, и с помощью теории эволюции мы можем понять, почему она так глубоко укоренилась в ментальной и моральной структуре человека. Первобытный человек, возможно, не располагал обширными "доказательствами" какого бы то ни было рода, на которые можно было бы

опираться при регулировании поведения в своей повседневной жизни; и, по всей вероятности, проявлял лишь незначительную способность к критике при оценке ценности тех доказательств, которыми он располагал. В то же время, если он хотел вообще выжить в борьбе за существование, он должен был действовать, и действовать быстро. К счастью для него, можно было быть уверенным в вещах, для которых не было доказательств, *то есть* иметь веру. И вследствие этого он выжил — в силу закона о выживании верующих, закона, действие которого, возможно, не ограничивается этим миром.

Опять же, согласно теории эволюции, потребности человека должны были помогать ему в борьбе за существование; и ни один эволюционист не усомнится в том, что желание быть рациональным и делать то, что правильно, помогло человеку в его борьбе за возвышение. Победа осталась за теми, кто был доволен тем, что чувствовал уверенность в вещах, для которых у них не было доказательств, и действовал на основании веры. Именно те, кто колеблется поступать правильно до тех пор, пока не будет доказано, что самопожертвование является разумным, теряют свой шанс и, следовательно, были и остаются, хотя и медленно, отсеянными. Те, кто поддался своему внутреннему импульсу верить без доказательств, очевидно, были лучше приспособлены к своему окружению и находились в большей гармонии с правящим принципом космоса и его эволюцией.

До сих пор в этой главе не было прямого упоминания религиозной веры. Мы начали с того факта, что вера необходима науке как отправная точка. Мы не хотим заканчивать предположением, что научная вера может или должна быть расширена таким образом, чтобы сделать религиозную веру своим логическим или необходимым следствием. Напротив, человек, который великим актом веры принимает Единообразие Природы без доказательств, а затем решает никогда не принимать другое утверждение без доказательств, находится в полной безопасности: никто не может заставить его поверить в религию, пока он остается верен своему решению, — или в мораль. Нет никаких доказательств — и поэтому он не может поверить, — что человек должен поступать правильно. Если он когда-нибудь отступит от своего решения в отношении морали, это будет потому, что в его сердце — с его причинами, о которых его разум не знает, — он хочет поступать правильно, а не потому, что есть какие-либо доказательства.

У большинства людей импульс верить расходуется, но не исчерпывается разумом и моралью. Существует также религиозная вера в то, что все, что с нами происходит, происходит по чужой Воле, которой мы можем доверять и которой можем отдать свои жизни. Для этой веры существует не больше доказательств, чем для науки: если человек хочет принять ее, он должен верить в нее так, как он верит в науку, то есть без доказательств. Если человек хочет это получить, он может, при том же условии, что он верит в мораль или науку, а именно. что он этого хочет. Любое другое условие создано им самим и является актом его собственной воли: если он говорит, что хотел бы поверить, но не может без доказательств, это условие его собственного создания, навязанное ему по его собственной воле — то, чего требуют наука и мораль, не может быть аморальным или ненаучным, и каждое из них требует веры без доказательств, чтобы они вообще могли существовать. То, что постулирует логика, вряд ли может быть нелогичным. Не может быть необходимого закона разума для проверки импульса, который дает разуму его первоначальный импульс. Мы верим, что наука истинна, только потому, что хотим, чтобы она была истинной; и для каждого человека в отношении религии вопрос заключается в том, хочет ли он, чтобы она была истинной? если бы от него зависело решать, допустил бы он, чтобы это было правдой? если бы он захотел, тогда решать действительно ему: пусть он будет уверен, что

это правда. Если он не хочет, пусть спросит свое собственное сердце, почему? Почему он хочет, чтобы Бога не было?

СНОСКИ:

[30] Хаксли, *Наука и еврейская традиция*, стр. 233.

[31] Хаксли, *Наука и христианская традиция*, стр. 245.

[32] Хаксли, *Наука и еврейская традиция*, стр. 65.

[33] Хаксли, *Наука и христианская традиция*, стр. 54.

[34] Хаксли, *Метод и результаты*, стр. 40.

[35] *Наука и христианская традиция*, стр. 243.

[36] *Наука и христианская традиция*, стр. 244.

Х.

ШАХМАТНАЯ ДОСКА

В начале этой книги мы начали с того, что приняли эволюцию как факт и задались вопросом: допустим, это факт, но что из этого следует? Что это значит для меня? Какой свет это проливает на смысл жизни?

Ответы, которые мы можем дать на эти вопросы, вместе составляют философию эволюции, которую следует тщательно отличать от эволюции как научной теории. Как научная теория эволюция - это настолько точный отчет, насколько это может сделать наука, о том, что на самом деле происходило в прошлом, о точном процессе, посредством которого вещи стали такими, какие они есть. Когда это знание приобретено, мы можем задать вопрос, какую ценность имеет это знание для практических целей жизни? И ответ будет вкладом в философию, но это не будет одной из вещей, описываемых наукой как произошедшие в прошлом, не будет частью знания, из которого оно само выводится, и, если это ложный вывод, оно не будет иметь никакого права маскироваться под науку и говорить, что мы должны принять это как истину или же отрицать истинность науки. Действительно, мы обнаружили, что были сформулированы два ответа на этот вопрос, две философии эволюции, оптимистическая и Пессимистическая, которые, будучи противоречивыми, не могут быть истинными одновременно, хотя обе могут быть ложными.

Оптимистическая теория о том, что эволюция - это прогресс, лишь утвердила свой вывод о том, что процесс эволюции обязательно идет от хорошего к лучшему, с помощью аргументов, которые отрицали различие между хорошим и плохим и подразумевали, что наши моральные убеждения были иллюзиями.

С другой стороны, пессимистическая теория предполагала реальность наших моральных идеалов, но из-за принятия теории Необходимости была вынуждена прийти к выводу, что иллюзорно воображать, что эти идеалы могут быть в конечном итоге реализованы.

Обе философии в теории заявляют, что не делают никаких предположений, ничего не принимают на веру и не основывают себя ни на чем, кроме того, что мы на самом деле знаем как факты. На практике каждый из них бессознательно опирается на веру и молчаливо делает определенные предположения. Но поскольку сделанные предположения не совсем совпадают в обоих случаях, они приходят к двум совершенно разным выводам — оптимизму и пессимизму. Опять же, если каждая философия рассматривает как иллюзии определенные факты — свободу воли и реальность моральных различий, — которые здравый смысл и общее сознание человечества считают реальными, то это потому, что каждая философия произвольно отвергает определенные допущения, которые делает здравый смысл, определенные статьи общей веры человечества. Следовательно, когда мы обнаруживаем, что каждая философия несовместима сама с собой и в конце концов подразумевает, что то, что она считала реальным, на самом деле является иллюзией, мы начинаем подозревать, что ее предположения, возможно, не были адекватными или хорошо обдуманнными, ее вера недостаточно велика, чтобы свернуть горы или объяснить мир.

Концепция "позитивной" философии, то есть философии, которая ограничивается положительными фактами и которая является "агностической" в том смысле, что она не утверждает, что знает то, чего, как она знает, она не знает, заимствована из науки. Это попытка перенести методы науки в область философии, заменить философию наукой. Попытка предпринята под впечатлением, что наука не утверждает, что знает то, чего она, как ей известно, не знает, *т.е.* Не делает никаких предположений и ничего не принимает на веру. Однако, как мы доказывали в предпоследней главе, это впечатление ложно: однородность Природы является чистым — и рациональным -допущением. Следовательно, если бы философия ограничивала себя строго рамками науки, она не была бы строго позитивной или агностической: она все равно делала бы некоторые предположения, даже если бы только те, которые были сделаны наукой, и все равно, даже если бы она ограничивалась положительными фактами науки, принимала бы что-то на веру. Здравая философия - это философия, которая не делает никаких предположений, а стремится выяснить, какие предположения делаются в любой области знаний или практики — науке, искусстве, эволюции, морали, религии — и как далеко эти предположения нас заведут. Проклятие философии не в том, чтобы делать предположения — это делает любая мысль, — а в том, чтобы думать, что вы их не делали.

Здравый смысл предполагает, что свидетельству сознания, насколько оно может быть проверено сознанием, можно доверять как доказательству реальности того, что ему представлено. Позитивные или агностические философии, будь то оптимистического или пессимистического типа, по принципу отсутствия предположений отвергают это либо на том основании, что Реальное непознаваемо (что само по себе является предположением, столь же не поддающимся доказательству, как предположение о том, что Реальное познаваемо), либо на том основании, что мы знаем только свои состояния сознания и не можем знать, существует ли какая-либо реальность за их пределами (что, опять же, является просто предположением о том, что сознанию как свидетельству реальности за его пределами доверять нельзя).

Теперь, если допустить, что здравый смысл делает здесь предположение, а оно, несомненно, делает, то его можно отвергнуть, только сделав контрпредложение: отказываться доверять сознанию как свидетельству реальности вне его самого - значит делать предположение, что оно не заслуживает доверия, что может быть правдой, а может и нет, но является таким же предположением, как и предположение о его достоверности. Следовательно, позитивной и агностической философиям не удастся избежать допущений в этом вопросе: они лишь молчаливо добавляют еще одно к тому, что они уже бессознательно сделали, предположив, что Природа однородна.

Если бы теперь они придерживались этих предположений, мы могли бы спросить, какие выводы они из них сделали. На самом деле, нам не следует ожидать, что их выводы будут такими же, как у людей, исходящих из противоположной гипотезы, а именно. что сознание заслуживает доверия. И мы не должны соглашаться с тем, что они превосходили те, которые были достигнуты здравым смыслом и почерпнуты из общей веры человечества. Мы должны только признать, что они были разными, потому что исходили из разных предпосылок. Аргумент о том, что преподавание философии, не делающей предположений, должно быть выше того, которое делает, - это аргумент, который, какой бы ценностью он ни обладал, в данном случае нам следует отбросить на том основании, что философии-агностики не настолько невежественны, какими они скромно притворяются: они действительно что-то знают - они знают, что природа однородна, и что сознанию как свидетельству реальности доверять нельзя — или они предполагают, что знают.

Но позитивные философии не придерживаются своих предположений. Немногие философы придерживаются. Оптимистичный эволюционист берет назад свое замечание о ненадежности сознания в том, что касается материальных вещей: материя и движение в любом случае реальны, и сознание является хорошим доказательством, насколько это возможно, их реальности. Пессимистический эволюционист также сожалеет о нем в том, что касается наших моральных убеждений: они фундаментально реальны; наше осознание морального идеала является нашим лучшим доказательством этого.

С другой стороны, и оптимистический, и пессимистический эволюционисты с совершенной последовательностью придерживаются своего неприятия свидетельств свободы воли, данных сознанием. Но и здесь предположение о здравом смысле не может быть отвергнуто без контрпредложения: если утверждение, что вещи могли произойти иначе, чем они произошли, является чистым предположением, то столь же простым предположением является утверждение, что они не могли.

Наконец, есть еще одно предположение, сделанное общей верой человечества и отвергнутое позитивными философиями. Она заключается в том, что мир, *то есть* все, о чем осведомлено сознание человека и о реальности чего свидетельствует его сознание, является выражением самоопределяющейся воли, человеческой и сверхчеловеческой, проявляющейся непосредственно в его сознании. У этого предположения также есть свое противоположное предположение — что не существует самоопределяющейся воли, человеческой или сверхчеловеческой, — и отвергнуть одно предположение - значит принять другое. Говорить, что вы не знаете, можно доверять слову человека или нет, буквально является агностицизмом и может быть единственной рациональной позицией, которую можно принять, *например*, если этот человек абсолютно незнакомый, поскольку большинство свидетелей в суде относятся к

судье, который рассматривает дело. Но на основании вашего невежества отказываться обращать какое-либо внимание на его показания, когда они даны, означает отказаться от вашего агностицизма — если судья приказывает присяжным проигнорировать показания свидетеля, предполагается, что он считает их ложными. Точно так же, если мы игнорируем свидетельства сознания по этому или любому другому вопросу, нам тем самым не удастся избежать предположений, мы только предполагаем, что сознанию нельзя доверять.^[37]

Идея о том, что в философии возможно постоянно сохранять агностическую позицию в отношении достоверности сознания, является результатом добросовестной попытки применить научные методы к решению философских проблем. Наука не считает необходимым предполагать ни то, что Бог есть, ни то, что его нет: при любом предположении несомненно, что тела стремятся друг к другу со скоростью, указанной в формуле тяготения. Философия должна стать научной. Следовательно, философия должна тщательно избегать любого из этих предположений. Ведь сама причина, по которой наука прогрессирует, а философия никогда не движется с места, заключается в том, что наука строится только на доказанных фактах, философия — только на недоказуемых предположениях. Доказательство, а следовательно, и истина, невозможны, если вы исходите из предположений, которые никогда не могут быть доказаны как истинные, так и неверные.

Правда в том, что можно придерживаться агностической позиции и избегать делать предположения до тех пор, пока нам не нужно формировать мнение или предпринимать действия по вопросу, на который влияет это предположение.

Если мои интересы, практические или умозрительные, не затронуты определенным судебным процессом, который сейчас проходит в судах общей юрисдикции, я могу не делать никаких предположений относительно достоверности или ненадежности показаний свидетеля. Я не знаю, заслуживает ли он доверия или нет, и я могу отказаться делать какие-либо предположения на этот счет — для этого нет причин. Но в тот момент, когда обстоятельства требуют от меня сформировать мнение, я обнаруживаю, что начинаю делать то одно, то другое предположение, или, возможно, сначала одно, а затем другое, хотя я так же не знаю, заслуживает ли он доверия на самом деле или нет, как и тогда, когда отказывался делать какие-либо предположения; Я знаю о его предыдущей карьере или о его предшествующем авторитете не больше, чем знал до того, как он попал в ложу.

Точно так же истина заключается не в том, что наука не делает никаких предположений, а в том, что она не делает никаких предположений, кроме тех, которые необходимы для ее целей. Человек науки предполагает — и это чистое предположение, — что он может доверять свидетельствам своего сознания относительно реальности химических веществ, с которыми он экспериментирует, растений, которые он классифицирует, или звезд, за которыми он наблюдает. Он предполагает, что они реальны. Он также бездоказательно предполагает, что то, что однажды произвело определенный эффект, произведет его снова при тех же обстоятельствах, что если что-то произошло, то должны были также иметь место условия, существенные для его возникновения, — короче говоря, что Природа однородна. Но до тех пор, пока он занят исключительно научной работой, выяснением того, что на самом деле происходит или происходило в Природе, ему не нужно делать никаких предположений относительно того, заслуживает доверия тот или иной свидетель или нет, или есть Бог или нет: он может придерживаться совершенно агностической позиции по обоим вопросам. Он может сказать,

если захочет: "Бог или не Бог, дважды два равно четырем"; или, выражаясь точнее, независимо от того, можно или нельзя доверять доказательствам реальности Бога, которые сознание дает в духовном опыте, я действительно доверяю доказательствам реальности материальных вещей, которые сознание дает в чувственном опыте; верно или нет предположение о том, что каждое событие является выражением самоопределяющейся воли, во всяком случае, я верю в предположение о том, что Природа однородна.

И если бы человеку нечем было заняться, кроме как исследовать действительный ход Природы, и не о чем было бы составить мнение, кроме того, следует ли за этим явлением то-то и то-то, можно было бы постоянно избегать каких-либо предположений, кроме тех, которые требуются наукой. Но человек должен (давайте предположим) знать не только то, что происходит на самом деле, но и то, что должно произойти, и решать, что должно произойти. Обычный человек, делая те прогнозы на будущее, которые он должен делать для обычных дел повседневной жизни, совершенно бессознательно предполагает, что Природа однородна и что материальные вещи реальны. Решая, что он должен делать и что он будет делать, он предполагает, не зная, что вообще делает какие-либо предположения, что его моральные идеалы реальны, что его воля свободна выбирать тот или иной курс и что Бог, с которым он общается в своем сердце, реален.

Давайте теперь рассмотрим вопрос, поднятый агностицизмом относительно этих предположений, которые составляют большую часть общей веры человечества. Вопрос не в том, верны ли эти предположения: агностик отказывается обсуждать этот вопрос; он не знает, верны они или нет, у него нет средств решить, они слишком высоки для него. Вопрос в том, преуспевает ли сам агностик в том, чтобы не делать никаких предположений по этим пунктам, равно как и пытаться их сделать. Мы уже утверждали, что он терпит неудачу: он преуспевает не в том, что не делает никаких предположений, а только в том, что делает предположения, противоположные тем, которые предполагает здравый смысл.

Поспешим добавить, это вовсе не означает, что его контрприемы неверны: это всего лишь означает, что он не может принять решение красть или не красть, лгать или не-лгать, не сделав (сознательно или неосознанно) какого-либо предположения относительно реальности морального идеала.

Но вряд ли нужны аргументы, чтобы показать, что агностическая философия не в состоянии избежать принятия предположений, *т.е.* На практике не может быть агностической. Профессор Хаксли признавал, что Единообразие Природы было предположением; он предполагал, что наши моральные идеалы реальны; он считал само собой разумеющимся, что воля несвободна. Нам нужно только указать, что попытка продолжать философствовать и объяснять вселенную на основе чисто научных принципов терпит крах: наука не делает никаких предположений о реальности наших моральных и эстетических идеалов; философия, даже агностическая философия, считает необходимым предполагать реальность того и другого. Даже если бы философию можно было сделать научной, она не избавилась бы от недоказуемых предположений: она все равно была бы основана на предположениях, сделанных наукой. И превосходство философии или любого другого объяснения вселенной состоит не в агностицизме, не в том, чтобы не делать никаких предположений, а в том, чтобы делать правильные.

Наука, как мы уже говорили, не делает никаких предположений, кроме тех, которые необходимы для ее цели, заключающейся в установлении и описании того, что на самом деле происходит в

Природе. И наоборот, напрасно воображать, что из этих допущений можно вывести что угодно, кроме выводов того типа, для покрытия которого они сформулированы, а именно. выводы относительно того, что на самом деле имеет место. Следовательно, сказать, что все знания — философия и религия — должны стать научными, прежде чем их можно будет считать заслуживающими доверия, - значит просто сказать, что ничто не может считаться истинным, кроме того, что выводится из посылок науки: выводы, сделанные из любых других посылок, не имеют научной истины. Предположения науки строятся только для того, чтобы привести к выводам относительно того, что есть: следовательно, у нас не может быть научного, *то есть* реального знания о том, что должно быть. Исходя из тех предположений, которые она делает, Наука может описать только то, как происходят события; поэтому невозможно понять, почему они должны происходить именно так. Идея о том, что все вещи являются выражением самоопределяющейся воли, не является одним из допущений науки; следовательно, никакие выводы из нее нельзя считать обоснованными.

Не останавливаясь на том, почему недоказанные и недоказуемые предположения науки настолько превосходят все остальные, что их можно рассматривать как единственный источник истины, единственный источник подлинного знания, давайте рассмотрим, какую картину вселенной они нам дают. Возможно, нам лучше всего поможет сравнение.

Давайте представим себе партию в шахматы, в которую играют невидимые игроки в присутствии философа—ученого, который ничего не знает об игре — или который предполагает, что он ничего не знает, - кроме того, что говорят ему его чувства.

То, что он увидит, будет просто материальными шахматными фигурами, движущимися в пространстве. Он может либо считать их просто чувственными феноменами, просто проявлениями или модификациями своего чувства зрения и осязания, либо он может считать их реальными, материальными вещами. В любом случае он делает предположение. Последнее предположение оставляет совершенно открытым вопрос о том, является ли реальность чем-то бесчувственным или является выражением сознательной воли. Первое исключает этот вопрос, *т.е.* Предполагает, что за ними не стоит ни сознательная воля, ни бесчувственная материя.

Но ни в том, ни в другом предположении нет ничего, что мешало бы философу, о котором идет речь, изучать движения шахматистов и то, как они перераспределяются при каждом ходе или моменте. Сначала их движения, вероятно, были бы довольно сбивающими с толку; но со временем он заметил бы, как мы можем предположить, что Черные никогда не двигались, если до этого не двигались Белые, и что за любым движением Белых следовало движение Черных. Поэтому у него может возникнуть соблазн принять за правило, что черные никогда не двигаются, если белые не двигаются первыми, что следствие никогда не происходит без причины; и что за движением Белых всегда следует движение Черных, что за причиной всегда следует ее следствие. Но если бы он поддался этому искушению, он бы сделал предположение, по—поскольку он утверждает, что ничего не знаю для начала—он не *знал*, что осколки всегда будут двигаться этим путем; он только знает, что (если допустить, что память—это не просто заблуждение, а может быть, за то, что он знает) что они перешли таким образом, что они всегда будут двигаться таким образом. Однако он может предположить, что они будут продолжать двигаться в том же направлении. Но с каждым новым предположением он становится все менее и менее агностиком. Он действительно может, если захочет, далее предположить не только то,

что фигуры будут двигаться таким образом, но и то, что они должны двигаться. Это предположение на самом деле не кажется необходимым; поскольку, если мы знаем (или предполагаем, что знаем), что они будут следовать этим курсом, кажется излишним говорить, что они должны.

Поэтому, по-видимому, было бы неплохо попытаться понять, на основе какого принципа мы должны делать наши предположения. Это древнее правило, которому следует наука, — делать как можно меньше, то есть как можно меньше того, чего будет достаточно для поставленной цели. Следовательно, если цель нашего изучения шахматной доски состоит просто в том, чтобы выяснить, как и в соответствии с какими правилами фигуры на самом деле двигаются, двигались и будут двигаться, то, по-видимому, достаточно предположить, что они будут двигаться так, как они это сделали, а не так, как они должны. Если, с другой стороны, мы хотим знать, почему они движутся так, как мы предполагаем, тогда предположение о том, что они делают это потому, что должны, безусловно, по форме законно, хотя на самом деле оно может быть правильным, а может и не быть.

Некоторые люди отказываются обсуждать такие вопросы, как "Зачем нужна эта вселенная?" "В чем причина существования этого непонятного мира?" на том основании, что на них нельзя ответить иначе, как сделав предположения, которые невозможно доказать.

Но действительно ли это веская причина для отказа? Если это так, то ни один из вопросов, для ответа на которые существует наука, не может обсуждаться, поскольку на них также можно ответить, только предположив, бездоказательств или возможности доказательства, что Природа однородна, что шахматисты будут продолжать двигаться так, как они это делали.

Как бы то ни было, наш философ, если он допускает, что течение Природы не только единообразно, но и необходимо, делает предположение, которое не требуется для целей науки, хотя может быть и для его философии. Как мы уже говорили, для него вполне законно делать предположение в философских целях и придерживаться его логических следствий. Но в интересах ясности мышления следует признать, что эти следствия вытекают из него, а не из каких-либо допущений, необходимых для целей науки. Исходя из этого предположения, он сможет показать, что ни в истории вселенной, ни в научных фактах нет ничего, подтверждающего идею о том, что вселенная является выражением самоопределяющейся воли. Мы только хотим указать, что этот вывод, даже если он верен, является выводом не из фактов науки, а из первоначального предположения, что ничто из происходящего в природе не является результатом свободной воли.

Сказать: "Наука не считает необходимым предполагать существование самоопределяющейся воли, и поэтому я не буду этого предполагать" - это верно, но это только половина правды. Наука не считает необходимым предполагать несуществование самоопределяющейся воли. Но философ, который объясняет факты Природы на основе гипотезы о том, что они происходят по необходимости, действительно предполагает, что самоопределяющейся воли не существует. Поэтому вполне естественно, что история вселенной и научные факты, интерпретируемые таким образом, не должны поддерживать противоположную теорию.

История вселенной также может быть истолкована как проявление Божественной воли, процесс эволюции - как прогрессивное откровение; и если у кого-то возникнет искушение

сказать со вздохом: "Ах! но для начала все это требует от нас веры в то, что Бог есть ". Пусть они подумают, что другая интерпретация не может даже начаться без предположения, что Бога нет.

Но вернемся к нашим шахматистам. Более тщательное изучение игры выявило бы — в дополнение к неизменной последовательности Черное, белое, Черное — тот факт, что различные фигуры обладали различными свойствами и перемещались различными способами: некоторые только по одной клетке за раз, некоторые по всей длине доски; некоторые по диагонали, некоторые параллельно сторонам доски. Далее, наш философ заметил бы, что каждая фигура, когда она перемещается, имеет тенденцию двигаться по своим собственным законам: в отсутствие противодействующих причин, *например*, если только какая-то другая фигура не преграждает путь, слон имеет тенденцию перемещаться по диагонали по всей длине доски. Как человек науки, он изложил бы эти наблюдаемые закономерности в гипотетической форме, справедливо принятой наукой: если замок движется, он имеет тенденцию двигаться таким-то образом. Таким образом, в конце концов, он смог бы предсказать, когда бы какая-либо фигура ни начала двигаться, в каком направлении она склонялась, при отсутствии противодействующих причин. Возможно, он и не смог бы заранее сказать, какая из фигур белых двинется в ответ на игру Черных, но его знания игры в конечном итоге стали бы настолько научными, что он был бы готов к большинству непредвиденных обстоятельств, *т.е.* мог бы приблизительно сказать, куда двинется любая фигура, если она действительно двинется. Это знание могло быть получено без каких-либо предположений относительно того, была ли свободная воля или необходимость движущей силой, выраженной в игре; и это было бы в равной степени справедливо, какое бы из двух предположений он ни выбрал. Его науке не на что было бы надеяться или опасаться ни того, ни другого предположения.

Что касается материи и движения, он заметил бы, что фигура могла быть снята и отложена сбоку от доски, но никогда не была уничтожена, и он бы сделал вывод, что материя неразрушима и никогда не могла быть создана. Что касается движения, то условием, единственным неизменным и необходимым условием движения является предыдущее движение, черные должны сделать ход раньше, чем это сделают белые: единственным условием изменения распределения фигур на доске было бы какое-то предыдущее изменение. Если бы ему было сделано предположение, что, возможно, действительным условием всякого движения и каждого изменения является цель невидимого агента, и что реальное знание невозможно без некоторого представления об этой цели, он, как человек науки, мог бы отказаться принять это предположение. Цель науки состоит не в том, чтобы строить догадки, почему что-то происходит или с какой целью, а в том, чтобы позитивно описать способ, которым это происходит на самом деле, или, возможно, просто описать движение материальных объектов в пространстве. Не имеет значения, с какой целью был произведен выстрел или мина, и даже с какой-либо целью или без нее: результаты будут точно такими же, если стрелять точно таким же образом. Наука не предполагает и не отрицает существования цели, потому что ни предположение, ни его отрицание ни в малейшей степени не помогли бы ей открыть то, что она хочет знать. Но стоит ли знать только то, что она хочет знать? Каждый мужчина имеет право ответить на этот вопрос сам. Это единственное, что можно знать? Это единственное, что можно знать - исходя из ее предположений. Точно так же, как мир может быть объяснен научно только на основе предположений науки, точно так же он может быть истолкован морально только на основе предположений, сделанных религией и нравственностью. Единственная цель, которой можно было бы достичь, предполагая Божественную цель, — это в лучшем случае позволить нам в какой-то незначительной степени рассуждать о том, какова может быть цель некоторых вещей, -

а это не представляет интереса или ценности для науки. Она отказывается искать окончательную причину: ее бизнес связан с эффективными и механическими причинами.

Таким образом, предположение о том, что шахматные фигуры могут передвигаться с определенной целью, не отвергается, но отбрасывается как бесполезное для научного понимания игры. Невидимые агенты — а мы все невидимы, хотя наши тела таковыми не являются, — двигающие шахматных фигурок с определенной целью или вопреки целям, являются гипотезами, не имеющими ценности для науки, которая стремится только к положительным фактам, законам, согласно которым фигуры действительно движутся. С помощью этих законов наш философ мог бы преуспеть в восстановлении прошлой истории игры, за которой он наблюдал. По позициям, занимаемым фигурами сейчас, он может сделать вывод о позициях, из которых они пришли (или думать, что может), и так далее, шаг за шагом, пока не достигнет порядка, в котором расставлены фигуры в начале игры. Когда он проанализировал полученные таким образом знания, он увидел бы в процессе игры определенную эволюцию от относительно простых движений пешек, с которых начиналась игра, к очень сложным движениям ферзя. Затем, в каком бы порядке ни были выставлены фигуры и какие бы качества ни развились в конкретной игре, за которой он наблюдал, он мог бы возразить на основе теории необходимости, что это был единственный порядок, в котором эти свойства могли развиваться. Исходя из принципа, что эффективных и механических причин было достаточно для научного объяснения игры, из этого следовало бы, что высшие силы, проявляющиеся в замках и ферзях, последних фигурах, вступивших в игру, были вызваны предыдущими действиями и перемещениями менее высокоразвитых пешек - что жизнь и сознание обусловлены материальными причинами. Идея о том, что движения ферзей и пешек в равной степени были вызваны волей невидимого агента, действующего целенаправленно, является, как мы уже говорили, предположением, совершенно бесполезным для науки, поскольку любые выводы, к которым это могло бы привести, не были бы научным знанием. Если бы мы предположили существование цели и даже могли смутно догадываться о ее природе, мы все равно не внесли бы никаких дополнений к тем положительным фактам, которые являются единственными вещами, которые наука стремится установить: было бы ни больше, ни меньше истины, чем раньше, что слоны передвигаются по диагонали, пешки по одной клетке за раз, тела, притягивающиеся со скоростью шестнадцать футов в первую секунду, и так далее. Было бы ни более, ни менее верно, чем раньше, что пешки на самом деле были первыми фигурами, которые ходили в игре, что безжизненная материя предшествовала эволюции организмов. Прежде всего, было бы не более и не менее верно, чем прежде, что выводы науки - это единственные выводы, которые примет рациональный человек.

СНОСКИ:

[37] Утверждать, что мое сознание не предоставляет таких доказательств, если это правда, неуместно. Нас интересует сознание человечества в целом. В астрономии допускается личное уравнение; и в науке обычно наблюдения одного *ученого* подлежат подтверждению или исправлению другими.

XI.

ОБЩАЯ ВЕРА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Это часть общей веры человечества в то, что сознание является хорошим и заслуживающим доверия доказательством реальности того, что мы осознаем. Для этой общей веры также характерна вера в достоверность Силы, которая проявляется в том, что мы осознаем. Человек науки до определенного момента разделяет общую веру человечества: он принимает свидетельство сознания о реальности материальных вещей и верит, что Силе, проявляющейся в них, можно доверять, что она ведет себя (во времени или пространстве) за пределами его поля зрения точно так же, как и внутри. Но идти в общепринятой вере дальше этого пункта ненаучно. Разумно доверять свидетельствам сознания, когда они свидетельствуют о реальности материальных вещей, но не тогда, когда они свидетельствуют о реальности наших моральных идеалов, или о свободе воли, или о реальности Бога. Научно полагаться на Силу, которая проявляется в сознании, чтобы оно вело себя в будущем с тем же единообразием, что и в прошлом, и рационально формулировать нашу науку и ставить наши материальные интересы на это единообразие. Но нерационально и не научно полагаться на эту Способность свободно желать блага всем вещам или доверять свою жизнь этой воле.

Причиной такого резкого разделения между наукой и верой является ошибочное представление о том, что наука не предполагает веры и представляет собой совокупность знаний, построенных без каких-либо предположений. Но даже если бы мы заставили человека науки признать, что наука была бы невозможна, если бы вещи не были реальными, а Природа неоднородной, у него все равно было бы право сказать, что он считал любые другие предположения ненужными; и есть способ, которым он мог бы доказать их ненужность. Он мог бы показать, что это были вовсе не предположения, а логические следствия из установленных научных фактов. По сути, именно на это была направлена оптимистическая философия эволюции, насколько это касается наших моральных идеалов.

Таким образом, для философа-оптимиста, который отказывается начинать с принятия различия между добром и злом на веру, проблема состоит в том, чтобы, учитывая реальность материальных вещей и единообразие Природы, показать, что моральный закон - это просто один из частных случаев единообразия Природы.

Средством, с помощью которого предполагается осуществить эту демонстрацию, является закон выживания наиболее приспособленных. Показано, что законом органической жизни является выживание наиболее приспособленных, и что выживание является следствием адаптации к окружающей среде. Эти два закона, конечно, являются единствами Природы. Из этого следует, что со стороны окружающей среды должна существовать постоянная тенденция обеспечивать все лучшие результаты в развитии органической жизни, поскольку это позволяет выживать только наиболее приспособленным и все более приспособленным. Человек - это организм, и поэтому благо человека состоит в том, чтобы он приспособливался к окружающей среде. Таким образом, показано, что законы морали являются лишь одним частным случаем определенного единообразия Природы, а именно. закон адаптации к окружающей среде, который применим ко всем организмам, а не только к человеческому.

Аргумент, однако, в первую очередь является круговым: "наиболее приспособленный к выживанию" просто означает "наиболее приспособленный к окружающей среде". Несомненно,

те, кто лучше всего приспособлен к окружающей среде, лучше всего приспособлены к окружающей среде, но из этого ни в коей мере не следует, что они, следовательно, лучше всех в моральном или эстетическом плане. Следовательно, со стороны окружающей среды нет такой постоянной тенденции обеспечивать моральный прогресс, какой требуется оптимистическому эволюционисту.

Далее, сам по себе этот аргумент заканчивается доказательством того, что мораль — то, что должно быть, — есть не что иное, как то, что есть. И хотя это именно то, что пытался показать оптимист — и именно то, что предпринимает каждый, кто стремится показать, что вера в мораль не нужна, потому что законы морали могут быть выведены из фактов науки, — все же можно усомниться в том, является ли вывод "что бы ни было, это правильно" в точности либо законом морали, либо единообразием Природы.

Спорный вопрос между наукой и верой, как мы уже говорили, заключается не в том, возможно ли получить достоверное знание о мире без веры, без допущений, поскольку сама наука построена на вере в реальность вещей и единообразие Природы, а в том, являются ли научные предположения единственными, которые нам нужно делать. Одним из способов доказать, что их не нужно предполагать, было бы показать, что они могут быть доказаны наукой. Но на этом пути кроется неудача, как показывает неудача оптимиста. Но есть еще один способ свести общую веру человечества к более узкому научному кредо, и это показать, что остальные символы веры, предположения, не необходимые для науки, несовместимы с наукой. Это метод, принятый эволюционистом-пессимистом. Он действительно идет дальше в общепринятой вере, чем оптимист. Впечатленный неспособностью оптимиста представить законы морали как простое следствие законов Природы и реальность наших моральных идеалов как производных от реальности материальных вещей, он принимает общую веру человечества в закон морали как столь же рациональную, как и его и их веру в единообразие Природы. Но, сделав этот единственный шаг, приняв этот дополнительный символ веры на веру, он отказывается идти дальше. Он принимает без доказательств предположение о том, что существуют определенные вещи, которые мы должны делать, точно так же, как он принимает без доказательств предположение о том, что Природа однородна. Но он отказывается принять предположение о том, что воля свободна, потому что это противоречит очевидности. Он признает, что мы должны выбирать определенные вещи, но отрицает, что мы можем выбирать их; и его прогноз будущего соответствует предпосылкам, из которых он сделан. Это пессимистическая картина того, как человека неуклонно заставляют делать то, чего он не должен, и заканчивающаяся победой того, что должно быть, над тем, что должно быть, физической необходимости над моральным правом.

Цель науки - обнаружить, во что мы должны верить, заменить невежественные догадки аргументированным знанием; и фундаментальная вера науки заключается в том, что мы не должны верить ни во что, что противоречит единообразию Природы. Ничто не должно поколебать нашу веру в этот пункт нашего символа веры: никакое количество доказательств не убедит действительно ученого человека, истинно верующего в веру, что любое предполагаемое нарушение единообразия Природы может быть реальным. Например, никаких доказательств было бы недостаточно, чтобы оправдать веру в чудеса. Либо предполагаемое нарушение является лишь кажущимся и при дальнейшем изучении окажется новым подтверждением истины о том, что Природа единообразна; либо при проверке доказательства окажутся ненадежными. Признать, что каких-либо доказательств может быть достаточно для такой цели,

означало бы признать, что единообразие природы не является фундаментальной реальностью в мире науки или конечной основой наших знаний о том, что на самом деле происходит в Природе.

Небольшого размышления достаточно, чтобы показать, что это совершенно непротиворечивая линия, которой следует придерживаться. Никакое количество доказательств не может поколебать то, что само по себе построено без доказательств. Если бы вера в единообразие Природы зависела от свидетельств в ее пользу, то доказательства против нее могли бы опровергнуть ее. Но, поскольку она основана на вере, она превосходит доказательства.

Итак, то, что истинно и самосогласованно в случае науки в ее собственной сфере, в равной степени верно и в случае морали. Человечество общепринято считать, что мы можем и способны выбирать то, что правильно; и точно так же, как никакое количество доказательств не убедит действительно научный ум в том, что нарушение единообразия Природы возможно, так и нет доказательств, которые убедили бы действительно нравственного человека в том, что он не мог поступить правильно, когда он сделал то, что было неправильно. "Мы должны, следовательно, мы можем" не совсем точно выражает факты. Скорее, это наоборот: мы можем любить, быть милосердными, нежными, сострадательными, следовательно, мы должны. Свобода сама по себе является законом для свободных, источником моральных обязательств, даром Того, "чье служение - совершенная свобода".

Таким образом, пессимист, который думает, приводя доказательства, показать, что того, что должно быть, не может быть, применяет в морали форму аргументации, которую в науке, когда речь идет о чудесах, он осуждает как порочную и нелогичную по своей сути. Более того, доказательства, которые он представляет, не совсем вне подозрений. Это принимает форму утверждения, что единообразие Природы - это единообразие необходимости, а не воли, свободно преследующей благую цель посредством добровольного единообразия.

Если бы можно было доказать, что это утверждение является логическим следствием из фактов науки, тогда действительно было бы доказано, что одна статья в общем кредо человечества несовместима с остальными. Но, как мы уже утверждали, это не подразумевается ни в общепринятом единообразии Природы, ни в каких-либо фактах, выводимых из нее. Возвращаясь к сравнению с шахматной доской, это все равно, что сказать, что, поскольку черные не могли бы сделать ход конем, если бы белые не сделали ход пешкой, следовательно, белые были обязаны сделать ход пешкой.

Следовательно, мы не можем считать, что пессимисту удалось показать, что положения общей веры, которые он принимает, требуют по своим логическим следствиям отказа от всего остального. Говоря, что человек должен выбирать правильное, но у него нет выбора между правильным и неправильным, он не формулирует следствия из фактов науки, он просто бездоказательно предполагает существование универсальной необходимости, изменяющимся, хотя и неизбежным выражением которой являются изменения в природе и действия человека — предположение, которое сводит на нет мораль, не добавляя ничего к истине науки.

Есть те, чья вера в демонологию дает им причину и оправдание злодеяний человека. Вера в необходимость демонстрирует демонологию как научную доктрину: человек хотел бы поступать правильно, но единообразие Природы, которое является необходимостью, не оставляет ему выбора. Это Природа, окружающая среда, которая является обителью и штаб-квартирой

необходимости, врага этического процесса, архидемона научной демонологии. И доказательством того, что он существует, является то, что он должен. То, что должно быть, должно быть, потому что так должно быть.

Попытка придать морали научный характер заканчивается фатальным для морали результатом; и причина кажется ясной. Она заключается в том, что наука - это не мораль, а принципы науки - не принципы морали. Наука - это знание, мораль - это действие. Знание, чтобы быть знанием, должно предполагать, что природа однородна и что вещи, с которыми она имеет дело, реальны. Точно так же, чтобы действие было нравственным, требуется вера в то, что наши моральные идеалы реальны и что мы свободны выбирать между добром и злом. Оптимист, который хочет заставить нас поверить, что наука включает в себя все остальные статьи общепринятой веры, и пессимист, утверждающий, что наука исключает их, одинаково впадают в ошибку, воображая, что наука, знание того, что есть, является всем знанием, и что допущения, которые требуются для описания того, что есть, позволят нам делать и знать, что должно быть. Наука, которая является истинным описанием части нашего опыта, становится вводящей в заблуждение полуправдой, когда ее предлагают как исчерпывающий отчет о целом. Если, зная правила шахмат и имея запись ходов в одиночной (и незаконченной) партии, мы откажемся интересоваться, почему фигуры двигаются, на том основании, что, если бы мы преуспели в расследовании, мы бы ничего не добавили к нашим знаниям о том, как двигаются фигуры, мы бы никогда не поняли игру. Но мы были бы ближе к истине, чем если бы предположили, что фигура вызвала свои собственные движения или движения других фигур; и эта воля или цель были совершенно несовместимы с равномерностью их движений.

Дело в том, что мы должны играть в игру — мы не просто зрители, — и на самом деле, мужчины также предполагают, что они могут свободно выбирать, какие ходы они будут делать, и что есть определенные ходы, которые они должны сделать. Предположения, которые они делают, не совсем ради игры, но в процессе игры в нее, не входят в научные предположения и не исключаются ими. Чтобы вообще играть в эту игру, необходимо иметь некоторые знания (или действовать так, как если бы мы имели какие-то знания) о том, как движутся фигуры, знать, что слоны движутся по диагонали, что тела имеют тенденцию притягиваться с определенной скоростью. Человек действительно не может действовать или совершить ни малейшего движения, не отклонив или не запустив некоторые процессы Природы и своего собственного психологического механизма: именно через них он действует, и с их помощью он играет в игру. Вначале он мало что знает о том, каковы будут последствия, если он прикоснется к той или иной пружине механизма. И все же знание необходимо ему, если он хочет играть в игру так, как должен, *т.е.* Достичь моральных идеалов, о которых он более или менее (поначалу менее) осведомлен. При приобретении этого знания он использует свою способность абстрагироваться, то есть свою способность концентрировать свое внимание на одном аспекте вещи или проблемы, исключая остальные, чтобы получить более четкое представление о ней, уделяя ей свое безраздельное и неотвратимое внимание. Таким образом, чтобы понять, как на самом деле действует механизм Природы или человеческой природы, он концентрирует свое внимание на работе этого механизма абстрактно, *т.е.* Совершенно независимо от того факта, что он иногда запускается, иногда прерывается или перенаправляется ради реализации (или разрушения) его идеалов. Полученное таким образом знание является наукой и, по мнению агностиков, оптимистов и пессимистов, является единственным знанием, которым может обладать человек.

Но ясно, что человек может размышлять и размышляет не только о том, как действует механизм, но и о том, как он его использует, и о связи этого использования со своими идеалами. Эти размышления, возможно, ничего не добавляют к его науке, к его знанию того, что лады при ходьбе должны передвигаться параллельно краям доски, но они дополняют его знания об игре. Короче говоря, человек приобретает более важную часть этих знаний, играя в игру, чем изучая правила. Правила знакомят его с ресурсами, находящимися в его распоряжении, возможностями различных частей и мощностью различных сил Природы или человеческой натуры. Но было бы абсурдно выдавать это за полное знание игры. Играя в игру, мы можем пополнить только наши знания о том, как в эту игру следует играть, о том, как следует использовать механизм Природы и природу человека, и не добавлять к нашим знаниям того факта, что если и когда механизм запущен, он действует способом, описанным наукой. Но один вид знания, хотя и не является наукой, столь же истинен, как и другой, на тех же условиях, а именно. если вы принимаете предположения, предполагаемые им.

Таким образом, наука с самого начала своего устройства абстрактна, *то есть* по существу неполна. Сами условия, на которых возможна наука, заключаются в том, что она должна изучать только один аспект Природы, механический, и выяснять, какие выводы последуют, если мы ограничим наше внимание механическими факторами и пренебрежем некоторыми другими факторами — свободой воли, конечными причинами, моральными и эстетическими идеалами, — которыми, хотя мы и добровольно пренебрегаем в данный момент, все же известно, что они являются важными факторами в игре жизни, в которую играем мы. Однако всякий раз, когда мы действуем, мы приводим в действие те факторы, которыми наука временно пренебрегает; и нет никаких причин, по которым, когда мы действуем, нам не следует поразмыслить над нашими действиями, отбросить предположения, которые предполагаются нашими действиями, а затем пересмотреть мир и жизнь в свете предположений, на которых основаны наши действия и действия всех людей, а именно. свобода воли и реальность наших идеалов. Рассматриваемый таким образом, мир становится сценой, а жизнь - возможностью использования сил Природы и нашего собственного психологического механизма с целью достижения идеала.

Но свобода воли и моральный идеал - не единственные факторы в мире, каким он представляется обычному сознанию, или в жизни, какой ее ведет человечество, которыми пренебрегает наука и которые должны быть восстановлены путем последующего размышления, если мы хотим видеть жизнь истинной и целостной. Наука отказывается рассматривать вопрос, почему что-то происходит или есть ли какая-то цель в событиях; а моральная вера гарантирует только то, что есть то, что человек должен делать, и что он свободен это делать. Но наука, пренебрегая действием конечных причин, упускает фактор, который не только должен быть заменен, прежде чем мы сможем получить сколько-нибудь адекватное понимание роли, которую человек играет в мире, но который, по свидетельству общего сознания человечества, проявляется в явлениях Природы.

Описание, которое наука дает последовательности и сосуществованию материальных и физических явлений, согласуется с самим собой и является всем, что требуется в соответствии с предположениями науки. Только когда мы размышляем о дальнейших предположениях, которые мы делаем, или, скорее, действуем в соответствии с моралью, мы находим науку неадекватной или — если она претендует на полное описание мира и человека — вводящей в заблуждение. И только восстановив те факторы, для которых наше моральное сознание является свидетельством, мы можем исправить дефект или ошибку. Попытка оптимиста

отказаться от свидетельства сознания о реальности морального закона и попытка пессимиста отказаться от свободы воли потерпели неудачу.

Точно так же религиозное сознание оценивает как научную, так и моральную интерпретацию мира как абстрактную и считает ее, если рассматривать ее в свете своих предпосылок, неадекватной, если не вводящей в заблуждение. Неадекватность моральных допущений, выдвигаемых общим сознанием человечества, становится очевидной, когда мы размышляем о том, что, хотя эти допущения служат для решения вопроса, оставленного наукой открытым, относительно "Почему?" человеческих действий, они не решают тот же вопрос, что и в отношении событий Природы, но оставляют его открытым в том виде, в каком он был оставлен наукой, является ли конечная или механическая причинность окончательным объяснением Природы.

Проблема, что мы должны делать и думать в жизни и о жизни, - это проблема, решение которой требует учета всего нашего опыта: если мы хотим учесть совокупность фактов, которые мы осознаем, она должна основываться на совокупности этих фактов и ни на чем менее обширном. Верно, что сама обширность области, подлежащей исследованию, — всего общего сознания человечества — делает необходимым разделение труда и вынуждает нас концентрироваться в разное время на разных его аспектах и относиться к каждой из фаз нашего опыта — религиозному, моральному и научному опыту — в данный момент так, как если бы он существовал один. Но в равной степени верно и то, что эта изоляция сначала одной фазы, а затем другой - всего лишь временное средство, разработанное и принятое с определенной целью; и что цель эта состоит в том, чтобы дать нам возможность в конечном счете применить весь наш опыт к проблеме того, что делать и думать.

Как бы ни было законно, когда мы работаем над деталями проблемы, отличать моральное сознание от научного, а религиозное сознание от морального, необходимо иметь в виду, что эти различия являются всего лишь абстракциями. В мыслях мы можем различать и делаем это, но на самом деле сознание и опыт представляют собой единство. Тот же самый человек, который осознает чувственные явления, осознает и моральный долг: "я", которое осознает моральный опыт, - это то же самое "Я", которое осознает духовный опыт.

Далее, доказательства, которыми мы располагаем для трех видов опыта — научного, морального и духовного, — одни и те же: это свидетельство сознания — единственное доказательство, которое мы можем иметь о чем-либо. Этот свидетель, если он вообще дискредитирован, дискредитирован навсегда. Если он дискредитирован, то это должно быть его собственным свидетельством, поскольку у нас нет другого свидетеля, который мог бы дать показания против него. Но мы надеемся, что это правда: человек науки настолько уверен в ее истинности в той области, в которой он лучше всего знаком с ней и имеет наибольшее право говорить о ней, что он устанавливает это как правило, что просто не может быть никаких доказательств исключения из единообразия Природы. Моралист в равной степени уверен, что никакие исключения из закона морального обязательства невозможны; религиозный разум уверен, что никаких исключений из универсальности Божественной любви быть не может. Единству сознания соответствует единство нашей веры в ее достоверности. Научная и моральная вера не отличаются от религиозной веры; они являются лишь фазами одного и того же. Общая вера человечества — это не синтез, сформированный искусственно путем сложения трех начал; напротив, эти три элемента искусственно различаются мыслью - они не

соответствуют факту, а являются абстракциями от фактов и формируются путем подавления фактов.

Религиозное сознание само по себе абстрактно; и как абстракция, *т.е.* Если рассматривать ее как совокупность того, что мы знаем, чувствуем и делаем, способна привести к ложным выводам: никакая религиозная вера не может оставаться постоянной, если она противоречит фактам науки или моральной вере человечества. Никакой духовный опыт не пополнит наши знания в области химии или физики и не станет веским доказательством против какой-либо научной истины. Это может послужить предотвращению преждевременного принятия чего-либо, слишком поспешно выдвинутого в качестве научного факта, точно так же, как наука может опровергнуть веру, ошибочно считающуюся религиозной.

Но хотя религиозное сознание является абстракцией, в том же смысле, в каком научное и моральное сознание являются абстракциями, каждое из них имеет силу в своей собственной сфере; и все свидетельства существования сознания во всех его трех фазах должны быть взяты вместе, если мы хотим выявить какие-либо универсальные принципы мышления и действия, какое-либо единство в нашем опыте, какую-либо цель в эволюции. С этой точки зрения мы ожидаем найти единство опыта, соответствующее единству сознания, и обнаружить, что существует фундаментальная идентичность, лежащая в основе кажущегося разнообразия в той реальности, о которой мы осознали в сознании. Что придает это единство опыту, так это постоянство, которое мы приписываем реальному, каким бы способом оно ни воспринималось: реальное, независимо от того, воспринимается ли оно в чувственном опыте, в моральном убеждении или в духовном опыте, характеризуется постоянством в отличие от преходящих чувств, с которыми мы на него смотрим, и от преходящего опыта, который мы имеем по отношению к нему. Реальность вещей, которые мы осознали с помощью наших органов чувств, воспринимается как нечто постоянное, и подразумевается, что именно так понимаются все теории эволюции, которые хотят, чтобы их воспринимали всерьез. Те, кто искренне убежден в неизменности моральных обязательств, не считают, что они меняются или приходят и уходят вместе с мерцающими проблесками наших моральных решений. И когда духовный свет покидает наши сердца, те, кто верит, что это свет Божьего лика, не предполагают, что он погаснет на время.

Фундаментальная идентичность реального во всем его многообразии - это то, что постулируется наукой, когда она объясняет процесс эволюции с помощью закона непрерывности. Это в равной степени постулируется философом-моралистом, который утверждает объективную значимость морального закона на том основании, что он одинаков для всех рациональных умов. Это вера религиозного разума, который не только чувствует Божественную любовь в своем собственном сердце и находит ее каждый раз, когда повинует совесть, но и угадывает ее в единообразии Природы и на протяжении всего процесса эволюции.

Идентичность реального заключается не только в том факте, что мы осознали его. Реальные вещи, которые мы осознали, действительно, имеют одну общую для всех них черту - тот факт, что мы осознали их. Но идентичность реального не создается и не является простым выражением единства нашего сознания. Не понимание делает Природу понятной чисто психологическим способом, которым это делает апперцепция; напротив, вещи, которые мы осознали в чувственном восприятии, даны как независимые от нас, хотя чувственные феномены, очевидно, таковыми не являются. Точно так же реальность морального закона

понимается в самом акте, посредством которого мы признаем его обязательным для нас, как нечто независимое от нас; точно так же Божья любовь к нам не зависит от наших заслуг и не существует только тогда, когда мы ее признаем.

Итак, если мы хотим свести постоянство, идентичность и независимость реального в единство единого принципа, если мы хотим интерпретировать закон непрерывности в свете всего нашего опыта, мы должны обратиться к Божественной воле. В нем мы найдем реальность, которая постепенно раскрывается в законе непрерывности; в нем мы найдем постоянство и независимость, без которых реальность не имеет смысла; в нем неизменная и вечная личность Того, чьим свойством является всегда проявлять милосердие и всегда быть одним и тем же. Тогда, возможно, мы сможем расширить принцип научного метода, чтобы включить в него весь наш опыт и сделать все наши знания по-настоящему научными; ибо к единообразию Природы и человеческой природы мы добавим единообразие Божественной природы, или, скорее, мы увидим в первом выражение последней. Но не агностик расширит таким образом границы науки или откроет страницу знания, богатую трофеями веры.

XII. ПРОГРЕСС

Искусственная природа абстракции, которая отличает научное сознание от морального и религиозного, а также невозможность одновременно проявлять веру и подавлять ее, ясно проявляются в оптимистической интерпретации эволюции. Предпосылки, с которых все начинается, - это вера в единообразие Природы и вера в реальность материальных вещей. Выводы, к которым он приходит, представляют собой *непоследовательность*, если предполагается, что они следуют из общепризнанных посылок, и вызывают согласие только тогда, когда мы молчаливо предполагаем определенные моральные и религиозные предпосылки, которые, если и не признаются в аргументации оптимиста, инстинктивно выдвигаются моральным и религиозным сознанием учеников оптимиста. То, что процесс эволюции в целом был и будет процессом прогресса, достаточно логично следует из общепризнанных предпосылок оптимиста, если под прогрессом мы подразумеваем выживание тех, кто лучше всего приспособлен к выживанию, то есть если мы лишаем понятие прогресса всякого морального значения. Но поскольку вывод о том, что эволюция есть прогресс, является выводом, необходимым для обоснования общей веры человечества, нелогичность процесса вывода оптимиста склонна упускаться из виду при рассмотрении удовлетворительного завершения его аргументации.

Однако в интересах ясности мышления, а также морального и религиозного сознания необходимо восстановить контекст концепции прогресса, столь бездумно лишенной смысла оптимистами. Эту услугу — услугу, необходимую как предварительное условие для любой теории эволюции, — оказал тот, в ком с силой говорило моральное сознание, — профессор Хаксли. Ему принадлежит заслуга демонстрации того, что адаптация к окружающей среде не только не является причиной прогресса, но и противодействует ему; не являясь идеалом человека, она является тем, что сопротивляется реализации его идеалов. Прогресс достигается, согласно профессору Хаксли, не приспособлением к окружающей среде, а адаптацией к ней и

состоит в приближении к идеалам искусства и морали, которые как идеалы не считаются результатом эволюции, поскольку зло развивалось так же, как и добро. Непонятно, почему приближение к идеалу религии — любви к Богу, а также к ближнему — не должно способствовать прогрессу. Однако, если мы добавим это, а также добавим идеал науки, а именно. истина, тогда прогресс будет постоянным приближением к идеалам истины, красоты, добра и святости; и эволюция человека, поскольку эволюция есть прогресс, будет постепенным раскрытием идеала в человеке и для него.

В этой концепции эволюции подразумеваются две вещи: первая заключается в том, что эволюция в любом данном случае может быть прогрессом, а может и не быть; вторая - у нас есть средство суждения, канон, с помощью которого можно определить, является ли эволюция прогрессом. Оба пункта иллюстрируются аргументацией профессора Хаксли, который использует моральные идеалы как критерий, с помощью которого можно судить о процессе эволюции, и решает, что эволюция была прогрессивной в прошлом и будет регрессивной в будущем. Странно, но причина, по которой профессор Хаксли утверждает, что эволюция будет регрессивной, в точности совпадает с причиной, которая заставляет мистера Герберта Спенсера утверждать, что она будет прогрессивной. Дело в том, что закон эволюции - это Необходимость, что эволюция - это результат механических причин. Но в действительности оба аргумента логически ведут к одному и тому же выводу, ибо прогресс, являющийся результатом аргументации мистера Спенсера, не является прогрессом в моральном или каком-либо другом смысле этого слова. Короче говоря, прогресс в конечном счете невозможен, если эволюция обусловлена механическими причинами; прогресс мыслим только в том случае, если мы интерпретируем процесс эволюции телеологически и как выражающий действие конечной причины. Наука, как таковая, отказывается исследовать, есть ли какая-либо цель в эволюции, и оставляет этот вопрос открытым. Моральное сознание утверждает только то, что процесс эволюции должен приводить к добру. Только религиозное сознание может сказать, что его духовный опыт требует от нас подтверждения того, что эволюция в соответствии с единообразием Божественной природы будет, в грядущие годы, как и в прошлые века, непрерывным движением к реализации всего того, что в лучшие моменты было наиболее дорого человеческому сердцу.

Аргумент о том, что эволюция *должна* быть прогрессом, совершает логическое самоубийство, поскольку самым актом доказательства своего вывода доказывает, что прогресс - это не прогресс. Таким образом, мы остаемся лицом к лицу с фактом, что прогресс - это всего лишь возможность; и это равносильно утверждению, что регресс также возможен. Что здесь подразумевается, станет ясно, если мы вернемся к вопросу о природе прогресса.

Прогресс - это выживание не наиболее приспособленных к выживанию, а наиболее приспособленных эстетически или этически; не адаптация к окружающей среде, а приближение к идеалам истины, красоты и добра. Эти идеалы проявляются в человеке, но не во всех людях в равной степени; и слова и дела тех людей, на которых они произвели наиболее явное впечатление и кем они были наиболее верно выражены, становятся каноном, по которому мы судим, является ли какая-либо тенденция в искусстве или морали прогрессивной или регрессивной. Мы не можем все создавать красивые вещи или совершать героические поступки, но мы все можем ценить их, когда они сделаны. Однако оценить их - значит заключить, что они действительно ближе к идеалу, чем что-либо другое из того, что мы до сих пор знали. Таким образом, высшим апелляционным судом для каждого из нас является не

идеал, проявленный человеком, а идеал, открывшийся каждому из нас. Правда заключается в том, что до тех пор, пока мы не увидели это конкретное произведение искусства или этот конкретный пример любви, мы понятия не имели, что такое красота или любовь. Но это не имеет никакого значения для того факта, что мы сами чувствуем, насколько это ближе к идеалу, чем все, о чем мы имели представление раньше. Отныне это может быть стандартом, по которому мы будем измерять другие вещи, но, принимая его, мы измеряем его сами, и измеряем не само по себе, а по отношению к идеалу. А что мы скажем о самом художнике? По чему он оценивает работу своих предшественников и судит, что это не лучшее, что еще можно сделать, если он не измеряет это идеалом, который раскрывается ему более совершенно, чем им?

Но совершенное произведение искусства или любви, когда оно сделано, становится не просто каноном для проверки прогресса; оно само становится причиной прогресса, как из-за более совершенного раскрытия идеала, так и из-за подражания, которое оно вызывает в других, чтобы идти и поступать так же. Они также стремятся к идеалу и трудятся ради него: это конечная причина их стремлений, цель их попыток; и если бы не было такой конечной причины, не было бы и прогресса. Идеал - это принцип как мышления, так и действия, проверка знаний и источник прогресса. Истина - это идеал науки: приближение к истине - это то, ради чего трудится человек науки и в чем, по его мнению, заключается научный прогресс. Формула тяготения не только выражает широко распространенную истину, но и послужила стимулом для многих попыток распространить ее на область химии и служит идеалом, которому еще предстоит соперничать в других областях науки. Но наука и прогресс в науке одинаково невозможны, если сознание и опыт дискредитированы, или если идеал науки нереален, *т.е.* Если законы науки не обладают постоянством, независимостью и самотождественностью, которые являются атрибутами реальности, но столь же преходящи, как и умы, которые их открыли, существуют только тогда, когда о них думает человек, и на самом деле не одинаковы в разное время. Но если эти идеалы, будь то истина, красота или добродетель, таким образом, реальны, то они являются "нашими" идеалами только в том смысле, что мы осознаем их и принимаем, а не в том смысле, что мы их создаем; они наши, потому что присутствуют в общем сознании человечества, но не в том смысле, что они созданы этим сознанием. Они открываются человеку до того, как они проявляются человеком.

Определение прогресса, данное профессором Хаксли, затрагивает корни двух неправильных представлений о его природе, которые, хотя и противоречат друг другу, широко распространены. Во-первых, новейшие продукты времени просто потому, что они являются новейшими, превосходят все, что было раньше. Во-вторых, знание происхождения вещи наилучшим образом позволит нам определить ее ценность. Тенденция первого состоит в том, чтобы привести к идее, что, поскольку вещь была развита, она должна быть выше; другого - привести к выводу, что, поскольку вещь была развита из определенных элементов, она не может быть выше их. Истина заключается в том, что простой факт эволюции чего—либо — будь то институт, образ жизни или болезнь - сам по себе не доказывает ни того, что эта вещь является прогрессом по сравнению с тем, из чего она была развита. Регрессивные метаморфозы, дегенерация, патологические изменения — физиологические, ментальные, моральные и религиозные - все это процессы эволюции, но не прогресса. Общество в период его упадка или искусство в период его упадка развиваются из предыдущего более здорового состояния или более процветающего периода, но не потому, что позже, следовательно, лучше. С другой стороны, из этого также не следует, поскольку самые ранние проявления тенденции являются самыми низкими, и теория эволюции может показать, что это так, что в процессе эволюции не

было достигнуто никакого прогресса. Художественный импульс в его самых ранних проявлениях, у детей и дикарей, достаточно груб; но поэтому было бы абсурдно утверждать, что искусство в его совершенстве имеет не больше ценности, чем в его происхождении, что Гермес Праксителя стоит на одном уровне с уродливым идолом с островов Южного моря.

Если непрерывность эволюции не дает нам права приписывать одинаковую ценность, эстетическую или моральную, всем звеньям, высшим и низшим, в цепи, то еще меньше это разрешает или требует от нас отрицать всякую ценность низшим. Напротив, мы скорее должны видеть в низшем то, что в нем есть от высшего, чем искать в высшем то низшее, что мы можем найти. Нам следует остерегаться, чтобы, сводя все к самым низким понятиям, мы не оказались стремящимися просто довести это до нашего собственного уровня, когда ценой чуть большей щедрости мы могли бы подняться несколько ближе к идеалу, прообразу даже на низшей стадии эволюции любви, красоты, благочестия или добродетели. Действительно, с точки зрения простой логики невозможно точно определить природу причины, совершенно независимо от любого вопроса оценки ее ценности, до тех пор, пока мы не узнаем эффект, который она производит. Дело не только в том, что мы можем недооценивать или полностью упускать из виду важность вещи, пока мы не знаем, что это фактор, в значительной степени влияющий на какой-то результат, в котором мы заинтересованы; но и до тех пор, пока мы не узнаем, какие эффекты он способен произвести, мы не знаем, что это за вещь. Нельзя было бы сказать, что мы обладаем знаниями о наркотике, если бы мы не знали, каковы его эффекты. Эти знания также нельзя приобрести путем анализа причин, вызывающих появление наркотика. Мы можем узнать, что представляет собой вещь, не исходя из механических причин, порождающих ее: никакое знание свойств водорода и кислорода не позволило бы нам *априори* предсказать природу соединения, которое образуется при пропускании электричества через две молекулы первой и одну из последних; наше знание составляющих ее элементов не проливает ни малейшего света на свойства воды: с другой стороны, наши знания о них существенно и с пользой увеличиваются, когда мы узнаем, что они способны производить в сочетании. Наиболее достоверно мы узнаем, что представляет собой вещь, наблюдая, чем она становится, какому использованию она служит, какой цели она отвечает, какую цель она выполняет — одним словом, когда мы знаем не механическую, а конечную причину. В биологии знание органа означает знание его функции, то есть его назначения; и эволюционная биология также учит, что функция является причиной существования органа.

Именно наблюдая за тем, во что превращается вещь, мы узнаем, какую роль она впоследствии может играть в общей схеме вещей, узнаем ее истинную природу и оцениваем ее реальную ценность. Таким образом, наша оценка ценности такого института, как "табу", повышается, и наши знания о нем расширяются, когда мы распознаем в нем одно из ранних проявлений чувства морального долга с его негативной стороны. Опять же, проследившая эволюцию религии, невозможно узнать, какие из различных обрядов и церемоний, практикуемых диким племенем в его отношениях со сверхъестественным, являются религиозными, а какие нерелигиозными, не принимая во внимание вопрос, во что эти обычаи имеют тенденцию перерасти? Пока мы не узнаем этого и пока мы не сможем сказать, является ли то, что из них развилось, религиозным или нерелигиозным — вопрос, на который мы не можем ответить, пока не узнаем, что такое религия, — нельзя сказать, что мы понимаем природу изучаемых нами обрядов дикарей. Но не в истоках искусства, религии или морали мы получим ответ на вопрос, что такое искусство, мораль или религия; ибо на этот вопрос необходимо ответить, прежде чем мы сможем распознать истоки, когда увидим их, и ответить на него можно только обратившись к

идеалу, который является критерием и конечной причиной не только прогресса, но и реальности.

Идеал - это принцип как мышления, так и действия. Как принцип мышления, это тест, с помощью которого мы определяем, является ли какое-либо данное движение прогрессивным или регрессивным, и является ли какая-либо данная вещь тем, чем она кажется или за что себя выдает. Как принцип действия, это то, к чему мы стремимся, цель, с которой мы действуем, причина любого прогресса, которого мы добиваемся. Если мы не готовы утверждать, что все происходящее является прогрессом по сравнению с тем, что предшествовало, нам требуется некоторый тест, с помощью которого можно отличить то, что является прогрессом, от того, что таковым не является, и мы допускаем, что прогресс - это возможность, которая может быть реализована, а может и не быть, и становится интересным выяснить, от каких условий зависит его реализация.

Если, как утверждает профессор Хаксли, критерием прогресса является приближение к идеалу, то одним из условий прогресса является то, что человек должен осознавать идеал в той степени, в какой это необходимо для достижения цели, должен чувствовать, что идеал любви, нежности, сострадания, справедливости, истины, красоты и т.д. - это то, к чему он должен стремиться, цель, которую он должен достичь. Немногим избранным — великим художникам, моральным или религиозным реформаторам — чувство идеала передается в большей степени, чем остальным людям. Немногие избранные проявляют его для многих. Но это не станет причиной прогресса, если только это не разрыхлит массы, если только это не вдохновит их тоже делать лучше и быть лучше. Одним словом, когда или если когда-либо идеал проявится во всей своей полноте, для прогресса необходимо не новое откровение, а свежая убежденность в нас и обновленная решимость. Действительно, до тех пор, пока мы не действуем в соответствии с имеющимся у нас светом, даже несовершенное раскрытие идеала может служить несовершенным существам.

Таким образом, поскольку гений в искусстве или науке, или реформатор в религии или морали является причиной прогресса, достигнутого его школой, его учениками и теми, кто следует за ними, ясно, что он является причиной, а не продуктом эволюции. Именно его работы или слова вдохновляют его последователей новым ощущением реальности идеала и новой решимостью посвятить свою жизнь занятиям искусством или служению науке. Но только потому, что они ощущают его совершенную работу, оценивая ее для себя, реализуя идеал, она оказывает на них такое воздействие; и они не могли бы судить о том, что она приближается к идеалу более близко, чем что-либо известное им ранее, если бы у них не было какого-то предположения, пусть даже смутного, об идеале, с которым можно сравнить эту работу, какой бы совершенной она им ни казалась. Нет необходимости предполагать, что это смутное предположение существовало, или если оно существовало, то на него обращали внимание ранее: возможно, оно впервые возникло при созерцании работ мастера, но его присутствие, каким бы вызванным оно ни было, подтверждается суждением о том, что его работа действительно ближе всего к идеалу. Проявление шедевра может стать поводом для нового раскрытия идеала, но это открытие должно быть сделано, если мы хотим, чтобы работа была оценена как высшая и вдохновила ученика.

Однако одно дело иметь идеал, а другое - жить в соответствии с ним. "Пренебрегать удовольствиями и жить напряженными днями" в поисках истины или в беззаветной преданности делу искусства требует определенной воли. При условии, что идеал был раскрыт либо ученику в связи с чужим обучением, либо непосредственно мастеру, для дальнейшего прогресса требуется дальнейшая воля. Требуется акт воли, чтобы предпочесть идеал с его тяжелыми буднями и пренебречь удовольствиями; и требуется много актов воли, чтобы добиться какого-либо прогресса. И все же воля к вере и воля к действию - это одна и та же воля. Мы можем, если захотим, определить веру как готовность действовать и рассматривать действие как проверку веры: если человек в спешке делает короткий путь, *то есть* идет прямо из одной точки в другую, а не за угол, его действие является доказательством того, что он верит, что прямая линия - это кратчайшее расстояние между двумя точками. С этой точки зрения мы можем рассматривать многие акты воли, необходимые для прогресса, *т.е.* движение в направлении идеала, как многочисленные подтверждения первоначального акта воли, посредством которого мы подтверждали нашу веру в то, что идеал был целью прогресса; и если наша цель - показать, что поведение человека, поскольку он стремится к идеалу, может быть представлено как логичное и рациональное поведение, мы вправе таким образом продемонстрировать, что наши обновленные решения реализовать идеал являются всего лишь логическими следствиями нашего первоначального желания верить в идеал как истинную цель действия. Таким образом, показано, что наша вера в идеал является принципом, из которого могут быть логически выведены наши последующие волевые акты, точно так же, как можно показать, что единообразие природы является принципом, из которого логически вытекают научные выводы.

Но можно усомниться в том, является ли этот логический порядок идей хронологическим порядком событий. На самом деле, мы проходим через ряд трудностей и искушений задолго до того, как задумаемся, если вообще когда-нибудь задумаемся, о них таким образом, чтобы увидеть, какой общий принцип логически вытекает из нашего повторяющегося, хотя и прерывистого сопротивления искушению, точно так же, как ребенок действует таким образом, что для его логического обоснования потребовалось бы формальное признание единообразия Природы, хотя младенец двух лет или младше не формулирует этот принцип как условие, предшествующее плачу, требующему еды, или кормилице. Таким образом, хронологически воля к действию, по-видимому, предшествует воле верить в единообразие Природы, и в случае большинства человеческих существ за ней никогда не следует какая-либо полностью осознанная формулировка принципа, на основании которого мы действуем, как абстрактного принципа, в который нужно верить. Этот факт, однако, ни в малейшей степени не умаляет ценности, которую имеет формулировка абстрактного принципа: будучи сформулированным, он становится в руках науки копьем Итуриэля для обнаружения застарелых суеверий и путаницы в мышлении —

"ибо никакая ложь не может вынести
Прикосновения небесного гнева, но возвращается
силой к своему подобию".

При касании вопроса: "Противоречит ли это единообразие Природы?" ошибка видна такой, какая она есть, и таким образом устраняется быстрее, чем любым другим способом.

Таким образом, идеал истины с его "небесным характером" логически подразумевается в самых ранних волевых актах, но хронологически развивается в сознании позже, если оно действительно достигнет этой более поздней стадии своей эволюции от потенциального к актуальному. Идеалы морали и религии, опять же, хотя и в равной степени подразумеваются в волевых актах, образующих их самое раннее проявление, как правило, как у индивида, так и у расы, развиваются медленнее из частных, в которые они погружены. Период их вынашивания более длительный и приводит к рождению более высокого организма.

Таким образом, когда мы достигаем возраста размышлений, когда бы он ни наступил, мы просыпаемся и обнаруживаем, что действовали так, как будто у нас были убеждения, тогда как, как в нашем младенчестве, у нас не могло быть никаких убеждений, и как будто мы желали своих действий, в то время как вряд ли можно сказать, что у нас была какая-либо воля в этом вопросе. В течение многих лет мы действовали так, как должны были поступать, предполагая, что мы верили в определенные вещи и желали действовать соответствующим образом. Когда мы осознаем такое положение вещей, возникает вопрос: обязаны ли мы продолжать в том же духе? обязаны ли мы теперь верить и действовать так, как если бы мы верили в Бога, мораль и единообразие Природы? Доказывает ли тот факт, что наш физиологический и психологический механизм был запущен — возможно, космическими силами Природы, возможно, социальным окружением, но уж точно не нами — в определенные русла, что мы должны продолжать управлять конкретным организмом, за который отвечаем, в том же духе? Агностик и атеист используют свою свободу воли, чтобы сказать "Нет". Они заявляют о своем праве и используют силу свободного выбора. Далее, агностик полностью осознает, что в выборе веры в единообразие Природы его выбор не определяется доказательствами — это "великий акт веры", никакое количество доказательств не может его оправдать, единственное доказательство, которое кто-либо может привести в обоснование своей веры в общий абстрактный принцип, — это тот факт, что он действительно верит в это в каждом конкретном случае. Одним словом, он верит в это, потому что он выбирает верить в это — и это именно то, что подразумевается под изречением, которое ему так трудно понять, о том, что его воля самоопределяющаяся.

Когда дело доходит до вопроса морали и религии, агностик снова пользуется своей свободой выбора: он желает верить в первое, а не во второе — доказательств за и против обоих одинаково *ноль*. Следовательно, не очевидность определяет его выбор; и он показывает, что его выбор определяется не его предшествующей историей, не импульсом, который приобрел его психологический механизм в период, когда он не имел сознательного или неловкого контроля над ним, поскольку, во-первых, он отрицает, что это должно влиять на него, а затем он показывает, что это не так, по-разному желая в случае двух принципов. В обоих случаях его воля в равной степени самоопределяющаяся, хотя его воля состоит в том, чтобы верить в моральный принцип или идеал и не верить в религиозное.

Если мы хотим либо определить прогресс, либо достичь его, мы должны выбрать, произвольно или иным образом, какую-то конкретную цель и сказать определенно и решительнее, что любое движение, которое при продолжении по той же прямой линии ведет к этой цели, является прогрессом, любое другое движение — регрессом, неизбежно удаляющимся от цели. Если мы решаем, посредством великого акта веры или иным образом, сказать, что идеал — это цель, тогда у нас есть принцип как веры, так и действия: у нас есть стандарт, с помощью которого можно проверять все, что предлагается для суждения, общий принцип, который можно применить к каждому частному случаю; и у нас есть объект, к которому нужно стремиться,

принцип, который нужно осуществлять в каждом действии нашей жизни, идеал, к которому нужно стремиться. Но независимо от того, выбираем ли мы идеал в качестве цели или что-то еще, наш выбор является свободным актом самоопределяющейся воли. Прогресс, со стороны человека, является — как, впрочем, и регресс — выражением свободной воли человеческих существ, чей выбор, хотя и свободен, ограничен предлагаемыми им альтернативами. Эти альтернативы в конечном счете сводятся к стремлению к идеалу или к чему-то другому.

Как же тогда быть с окружающей средой, с космосом, в котором находится человек, в котором он должен действовать и может действовать так, чтобы продвигаться или не продвигаться к идеалу? Для начала мы можем провести различие между теми силами в космосе, которые человек может в какой-то степени контролировать, и теми, над которыми он не имеет контроля. Первые, с этой точки зрения, точки зрения действия, являются средствами, с помощью которых человек достигает своих целей: его регулирование их приводит к той адаптации к окружающей среде, которая, согласно профессору Хаксли, необходима для этического прогресса. Теперь, как очевидный факт, никто не сомневается в том, что прогресс, достигнутый цивилизованным человеком в управлении силами Природы, обусловлен наукой и преданностью цивилизованного человека научному идеалу истины. Даже дикарь добился того небольшого прогресса, которого он достиг в этом направлении, действуя порывисто и бессознательно, или, самое большее, полусознательно, руководствуясь принципом единообразия Природы: дикарь был верен в мелочах научному идеалу, который открывался ему, но смутно — *ученый* полностью осознает принцип, по которому он действует, ходит в его свете и стремится примером и наставлениями спасти своих собратьев от повторного погружения во тьму ошибок и суеверий. Человек науки посвящает себя научному идеалу и стремится сделать его универсальным не только из-за материальных преимуществ, комфорта и роскоши, которые наука косвенно обеспечивает человечеству: это делается ради священного дела истины. Одним словом, то, что на первый взгляд представляется просто принципом научного разума, оказывается, в представлении тех, кто потратил свою жизнь на поиски научного идеала и следует за ним, проявлением морального разума, не просто гармонирующим с моральным идеалом, но и его предвестником, прокладывающим прямой путь к нему. Вера, которая подразумевает нарушение единообразия Природы, осуждается не потому, что она нарушает научный принцип, а потому, что она аморальна, является притворством и ложью. Таким образом, конечная цель науки состоит в том, чтобы служить моральному идеалу, обеспечивать ту адаптацию к окружающей среде, без которой этический прогресс невозможен. Труд по адаптации к окружающей среде не имел бы для человека как разумного существа достаточных оснований, если бы он не был направлен на реализацию его морального идеала. Человек может использовать свою науку и способность приспособливать окружающую среду не только для моральных целей; но такое использование, согласно этой точке зрения, не является прогрессом. Другими словами, не только наука или научный идеал позволяют нам проложить линию прогресса, но наука и мораль вместе взятые: одна точка не может указать нам направление, но линия, соединяющая две точки, может.

Таким образом, до сих пор, принимая во внимание окружающую среду, мы, по-видимому, не привнесли никакого нового фактора в нашу концепцию прогресса. Кажется, что когда я просыпаюсь от детского сна, я оказываюсь в окружении людей, которые верят, что они могут делать определенные вещи — вызывать дождь, отправлять телеграфные сообщения и т.д.; И мне говорят, что если определенные предположения — что Бог есть, что Природа однородна, и т.д. — Верны, то для меня будет хорошо вести себя определенным образом. Но что, если эти

предположения окажутся неверными? Мои старшие говорили мне, что опыт — индивидуальный, расовый, дополненный наукой и теорией эволюции — показывает, что вполне безопасно предположить, что они верны, во всяком случае, в качестве предварительной гипотезы. Конечно, если будущее будет похоже на прошлое, то опыт прошлого - хороший путеводитель по будущему: но в этом-то и вопрос, *будет ли* будущее похоже на прошлое? Другими словами, какое отношение я должен занимать к своему окружению, к космосу? Должен ли я предполагать, что это сработает, и на протяжении бесчисленных веков работало, таким образом, чтобы дать мне возможность, при некотором содействии с моей стороны, делать то, что мои старшие считают желательным и что, как я чувствую, мне самому хотелось бы делать?

Если я предполагаю, что космическая сила действительно работает таким образом, что я могу знать истину и поступать правильно, и любить Силу, которая дает мне шанс и делает возможным даже для меня это делать, я всего лишь проявляю волю верить в тот принцип, который логически вытекает из каждого акта научной или нравственной жизни.

Общечеловеческая вера в то, что опыту можно доверять; и общечеловеческий опыт в том, что прогресс - это приближение к идеалам истины, добра и любви. Общечеловеческий опыт не говорит о том, что все люди или все народы в равной степени приближаются к этим идеалам. Мерилом прогресса является ясность и последовательность, с которыми люди проводят в жизнь в науке принцип единообразия Природы, в своих отношениях с ближними - принципы морали, в своих отношениях со сверхъестественным - принцип любви.

Наука, и особенно теория эволюции, чрезвычайно расширили наш опыт логических выводов, но она сделала это только благодаря принятию общепринятой веры в то, что опыту можно доверять, то есть в то, что окружающая среда, космос заслуживают доверия в рамках нашего опыта их восприятия. Таким образом, когда оптимист утверждает, что процесс эволюции в целом был ходом прогресса, он всего лишь показывает, что обычная вера в достоверность реальности, в которой мы движемся и существуем, оправдывает себя. Но он не показывает нам, как и наука не показывает нам, почему реальность, космос, заслуживает доверия: он заканчивает тем, что показывает, что она заслуживает доверия, потому что он начал, как и все мы, с доверия к ней. Он совершенно прав: это единственный способ продемонстрировать, что либо наука, либо мораль, либо религия заслуживают доверия, — для начала дать нам веру. Только когда мы удовлетворены фактом, мы можем с пользой исследовать причину; а причину можно найти только в природе реального, открывшейся нам в совокупности нашего опыта, научного, морального и религиозного. Но воля верить этому опыту и доверять реальности, которую он открывает, свободна: если человек не принимает это как заслуживающее доверия, для него нет причин для этого.

Иначе обстоит дело с человеком, который действительно принимает свидетельство сознания как свидетельство реальности, о которой оно свидетельствует. Для него единственной реальностью является Воля, а идеалы науки, морали и религии являются выражениями этой Воли. Принимая их как принципы мышления и действия, он не узнает, в чем заключается цель эволюции, конечная причина космоса: он предпочитает верить, что, принимая их таким образом и стремясь реализовать идеал, он выполняет Божественную Волю и вносит свою лепту в реализацию рациональной цели, к которой, как он предполагает, стремится процесс эволюции.

Но при этом он не отказывается от своей свободы: его решение верить - это проявление его свободной воли, акт, "великий акт" веры. Если претворять в жизнь его повседневную жизнь, его решимость, ежедневно обновляемая и всегда свободная, может в конце концов стать ежедневным актом любви, и тогда он поймет причину, по которой космос, или космическая сила, заслуживает доверия. Только любовь к человеку могла бы дать человеку в качестве его идеалов познать истину и поступать правильно. Только если человеку даны идеалы, космос заслуживает доверия - если он заслуживает доверия. Если это не так, то нет истины, которую нужно знать, нет права поступать, нельзя сделать никаких выводов из прошлого в будущее, поскольку прошлое, даже минутной давности, может быть иллюзией.

Но хотя воля верить в то, что космос ненадежен, на практике не может быть реализована во всех своих логических (или нелогичных) выводах, на нее можно периодически воздействовать, и такое воздействие является регрессом. В той мере, в какой это осуществляется, это отрицание прогресса; если бы это могло осуществляться полностью всеми людьми, прогрессу пришел бы конец; наука, мораль и религия были бы уничтожены; зло восторжествовало бы над добром. История эволюции показывает, что, на самом деле, такое неверие в реальность наших идеалов было лишь эпизодическим; ибо ход эволюции в целом был прогрессом. Индивидуальный опыт показывает, что рано или поздно наступает момент, когда воля, действуя свободно, отказывается идти дальше в своем неприятии морали: есть некоторые вещи, которые не сделает даже плохой человек, какими бы странными они ни казались. Теоретически, в философии есть момент, когда воля отказывается идти дальше в своем неприятии общего разума, который разделяют все люди: есть некоторые вещи, в которые даже скептик отказывается не верить, *например*, те, которые необходимы для его убеждения, что ни во что нельзя верить.

Эти соображения могут укрепить нас в вере в то, что прогресс был законом эволюции в прошлом и будет все больше и больше проявляться в будущем. Они должны так подтверждать нас, ибо они лишь подтверждают, насколько это возможно для истории, индивидуального опыта и воображения, нашу фундаментальную веру в реальность тех идеалов, которые раскрываются в сознании каждому из нас. Вера в возможность прогресса вообще влечет за собой, в качестве своего логического постулата, веру в мудрость и благость Бога. Но если мудрость и доброта являются источником всей реальности, и если конечной целью эволюции является реализация идеала, а именно. любовь к истине, к нашим ближним и к Богу — что мы можем сказать о зле? Разве это не реально? Это реально в том же смысле, в каком реальны наши удовольствия и страдания, но не в том смысле, в каком реален идеал. Реальные вещи, которые открывает нам наш чувственный опыт, реальны в том смысле, что они постоянны, независимы от нас и самotoждественны. Те же характеристики присущи реальностям, открывающимся нам в нашем моральном и духовном опыте. Законы морали и благость Божья не приходят и не уходят вместе с нашим мимолетным признанием их; они постоянны, независимы от нас и всегда одни и те же: благость Божья никогда не иссякает. Единообразие природы - это лишь одно из выражений единообразия Божественной любви к человеку: это то, что позволяет человеку познать истину и выжить в борьбе за существование. Но зло не зависит от нас, людей: оно существует лишь постольку, поскольку мы хотим, чтобы оно существовало. Оно непостоянно: оно приходит и уходит вместе с нашими преходящими волевыми актами. Она не самotoждественна, но стремится к саморазрушению. Это воля ни во что не верить, и, следовательно, поскольку действие предполагает веру, воля ничего не делать, то есть вернуться к состоянию простой инертной материи, какой она, по мнению материалиста, существует.

Но хотя зло иллюзорно, хотя глупец говорит в своем собственном сердце: "Бога нет" или "Тсс! Он этого не увидит", - иллюзия является добровольной. Это мы обманываем или изоощряемся, когда хотим поверить, что в этом поступке на самом деле нет ничего плохого, или что наши особые обстоятельства представляют собой особое, в высшей степени особенное исключение, только в данном случае, из правил для обычных случаев и обычных людей. И хотя иллюзия субъективна, т.е. обычно не разделяется наблюдателями и сознательно субъективна (поскольку мы избегаем наблюдателей, потому что они могут испортить иллюзию), тем не менее, какой бы субъективной она ни была, это факт в вашей конкретной субъективной истории, и факт убийственный. Если зло, которому вы желаете, ограничено в пределах вашей воли, и если его существование может быть воссоздано только новым волевым актом в вас или другом человеке, это аргумент, показывающий, что в схеме вещей есть милосердие, но это не доказывает, что вы не несете никакой ответственности, предлагая себе или другому пример и возможность поступать неправильно. Мы не такие, и, если воля свободна, мы не можем нести ответственность за то, что делают другие; но мы несем ответственность за то, что мы делаем — за зло, если это зло; за добро, если мы - но нет острой необходимости учитывать это обстоятельство.

Вопрос, лежащий в основе предыдущего абзаца, касается нашего социального окружения и его последствий. Мы склонны забывать, что мы являемся социальным окружением. Если мы будем иметь в виду этот факт, мы, возможно, будем менее склонны искать источник всех наших проступков вне нас самих: мы не можем переложить бремя наших собственных проступков на плечи общества каким-либо процессом, который не приносит обратно по крайней мере эквивалентное бремя. Дело в том, что ни мы не можем причинять зло другим, ни другие не могут заставить нас творить зло. Что мы можем сделать, так это предоставить им возможность, которой, если бы не наши действия, на самом деле не существовало бы, но которая также, будучи далека от необходимости злых действий с их стороны, может по их свободной воле стать поводом для победы над злом. Однако тот факт, что они одни несут ответственность за свои злодеяния, не позволяет нам приписывать им какие-либо заслуги в их добрых делах. Мы несем ответственность за наши собственные волевые акты, и именно желая зла, мы становимся злыми. Мы сознательно создаем зло каждым совершаемым нами неправильным волевым актом, а затем говорим о происхождении зла как о тайне, настолько тщательно мы изоощряемся! Почему должно существовать зло? В самом деле, почему? Нет никакой причины, на нее нельзя дать рационального ответа, потому что зло иррационально — это воля отвергать здравый смысл, или веру человечества, в той или иной детали. Это элемент произвола, своеволие, и если бы его можно было устранить, мы получили бы единообразие человеческой природы и человеческой любви, соответствующее единообразию Божественного. Прогресс - это процесс его устранения.

Если мы перейдем от человеческого периода эволюции к дочеловеческому, то первый непосредственный факт, который бросается в глаза, заключается в том, что на протяжении всего животного царства происходила эволюция разума, результатом которой стало обеспечение человека психологическим аппаратом, необходимым для представления и, в некоторой степени, реализации идеала. Когда мы достигли возраста размышлений, мы проснулись и обнаружили, что наш психологический механизм в течение нескольких лет работал по определенным каналам. Теперь мы обнаруживаем, что его направление можно проследить эволюцией до зарождения животного сознания. Если, однако, мы верим, что эволюция разума, животного и человеческого, была процессом прогресса, мы делаем это не на

том основании, что разум был развит, а на том, что его эволюция шла в направлении тех идеалов, приближение к которым мы считаем прогрессом. Точно так же, если наука показывает, что до-животный период эволюции земли привел к тому, что земля стала домом для животной жизни, мы считаем, что эволюция была прогрессом не потому, что она в конечном итоге подготовила мир для человека, а потому, что, как видно, она была частью процесса, посредством которого осуществляется идеал, посредством которого осуществляется Божественный замысел.

Единственная ценность, которую мы можем приписать дочеловеческому периоду эволюции, - это то, что придает ему значение средства достижения цели; но хотя мы верим, что, стремясь к раскрытым нам идеалам, мы стремимся к этой цели, и хотя все, что способствует достижению идеала, способствует достижению цели, все же мы не знаем Божественной цели и не можем сказать, какими разнообразными другими способами дочеловеческий период мог служить этой цели. Будет достаточно, если мы сможем проследить этапы, с помощью которых была реализована эта единственная известная нам часть всего проекта. Это размышление необходимо иметь в виду при рассмотрении предполагаемой расточительности процесса эволюции и цены, за которую был куплен прогресс.

Теория эволюции как чисто научная теория, *т.е.* Как объективное изложение того, что на самом деле происходило на земле в прошлом, показывает, что различные виды животных, которые выжили, были — пока они выживали — единственными видами, которые могли выжить в условиях, которые тогда преобладали; учитывая условия, их выживание было необходимым и неизбежным. На этом научное объяснение вопроса заканчивается: показав причины, вызвавшие рассматриваемый эффект, наука объяснила все, что она бралась объяснить. Если бы условия были иными, нынешнее состояние мира, несомненно, было бы иным; но, будучи такими, какими они были, они произвели то, что есть, и на этом вопрос исчерпан — в той мере, в какой это является предметом научного исследования.

Что мы должны думать о выживших — должны ли мы восхищаться ими; должны ли мы рассматривать их выживание как прогресс; было ли достигнуто что-либо благодаря их выживанию, и если да, то с какой точки зрения это приобретение является приобретением - это вопросы, которые наука исключает, потому что, какими бы ответами они ни были, они не влияют на научный факт, что эти виды действительно выжили и, при данных условиях, могли выжить только они.

Но мы все считаем само собой разумеющимся, что человек не только лучше приспособлен в существующих условиях выживать и процветать ценой вымирания других видов, но и что он лучше животного, что его выживание - это прогресс, что он относится к более высокому типу и что его существование реализует более высокий идеал, чем у животных. Мы верим в это не только потому, что мы мужчины, и поэтому считаем наш собственный комфорт, наши собственные интересы, нашу собственную кожу самыми важными вещами, известными нам, ибо есть вещи, ради которых люди жертвуют своими собственными интересами и за которые они отдали свои жизни. Именно потому, что есть вещи более важные, чем наше собственное материальное и животное существование, и потому, что они осознаются или могут быть реализованы человеком, а не животными, идеальным человеком, а не грубым человеком, мы считаем его ценнее множества воробьев — хотя они тоже имеют свою ценность в Его глазах — и существование человека более высокого типа, чем у них.

Таким образом, когда наука — которая, если она действительно научная, не проводит различия в ценностях, моральных или духовных, между человеком и воробьем — объяснила, что данный вид, который выжил, был единственным видом, который мог выжить в данных условиях, для тех, для кого это проблема, все еще остается проблема: почему вид, который должен был выжить, также оказался видом более высокого типа? Почему выжившие всегда оказывались одновременно лучше приспособленными к выживанию и лучше других к продвижению идеала, который с возрастающей ясностью выявляется в ходе эволюции?

Короче говоря, наука объясняет только часть, а не весь эффект эволюции. Он концентрирует свое внимание на одной части или аспекте воздействия, на выживании наиболее приспособленных, и объясняет очень просто и удовлетворительно, что окружающая среда убивает существ, которые не приспособлены к тому, чтобы с ней справляться, в то время как выживают наиболее приспособленные к борьбе с ней. Тот факт, что выжившие не только лучше всего приспособлены к окружающей среде, но и лучше всего приспособлены для того, чтобы приблизить все творение на один шаг к тем далеким идеалам, в ожидании которых оно стонет и мучается, является той частью эффекта, которую наука в научных целях справедливо игнорирует. Наука не берется оценивать ценность произведенного эффекта или даже рассматривать вопрос о том, имеет ли он какую-либо ценность после его получения.

Но когда ставится вопрос о стоимости, с которой осуществляется процесс эволюции, становится необходимым учитывать ценность достигнутого или подлежащего достижению результата. Возможно, создание, которое стонало в своих муках, может радоваться тому, что родился ребенок мужского пола. Но очень многое зависит от того, во что вырастет ее ребенок. И у него есть свобода воли. У нас есть сила сейчас и здесь, чтобы разрушить ее ожидания до основания.

Ценность вещи для меня заключается именно в том, что я готов отдать или сделать за нее. У меня нет другого способа оценить ценность идеалов, ради которых творение трудилось в прошлом, кроме как спросить себя, как далеко я готов зайти ради любви к истине, ближним и Богу. Если я готов отдать все, а затем считать себя выигравшим, тогда я действительно могу знать, что цена эволюции была не больше ценности идеала: я знаю самую высокую цену и я знаю чувства тех, кто ее платит. И они — единственные люди, которые могут судить о ценности предмета, потому что они — единственные люди, которые его получают. Тот факт, однако, что они действительно получают это, что они получают это в полной мере, и каждый человек в соответствии с той мерой, с которой он это отмеряет, содержит ответ на наш вопрос. То, что верно сейчас, было верно и для более ранних поколений и для более ранних людей: ценность идеала для каждого человека заключалась именно в том, что он отдавал за него. Именно реализация идеала мной является моей наградой, хотя моей целью может быть его реализация другими. Но абсурдно говорить, что их выигрыш — это моя потеря, или что их прогресс был достигнут за мой счет.

Эти соображения, конечно, применимы только к тем людям, которые пожертвовали собой ради прогресса и любви к своим ближним. Большинство людей, однако, не слишком жертвуют собой; и поэтому их вряд ли можно выставить мучениками за дело прогресса, подобно миллионам тех, кто погиб на обочине пути эволюции.

Только после того, как мы привнесем элемент материального прогресса, станет возможным с какой-либо вероятностью утверждать, что между теми, кто вносит в него вклад, существует

расхождение интересов или что те, кто сеял, были принесены в жертву нам, тем, кто пожинает. Именно когда мы сравниваем дрожащего дикаря с нашей защищенной цивилизацией, борьбу первобытного человека за существование с наслаждением цивилизованного человека существованием, мы начинаем беспокоиться о цене эволюции — иными словами, наша слабая вера в ценность идеала начинает мучить нас. В нашей неготовности жертвовать собой мы забываем, что цивилизованный человек также может приносить жертвы — возможно, более значительные, потому что ему есть от чего отказаться, — и что у дикаря есть свои племенные традиции, воплощающие его идеал хорошего человека, которым он должен соответствовать; свои племенные обычаи, которые он может нарушать с самобичеванием или выполнять с удовлетворением; свои представления об истине об отношениях человека к прошлому, миру и сверхъестественному. У дикаря также есть свой идеал, который он ставит выше своего удовольствия и за который он подвергается боли во многих жестоких ритуалах. Можем ли мы сказать, что его осуществление не является для него наградой? или что, осознавая это, он не вносит свою лепту в осуществление Божественного замысла так же верно, как мы? Мы слишком преувеличиваем свое превосходство. Кроме того, мы слишком мало понимаем, как дикарь наслаждается существованием. Возьмем самых низких дикарей, известных нам, туземные племена Центральной Австралии, и обратимся к самым последним и лучшим описаниям их образа жизни; и несомненно, что они наслаждаются своим существованием. Нравится ли нам все без исключения?

Если сентиментальность легко вводит в заблуждение относительно того, что думают наши собратья по вопросу о том, стоит ли жить, то еще легче быть введенным в заблуждение относительно наших собратьев, стоящих ниже по шкале. Здесь все является предположением, и именно на этой неопределенной почве зиждется выдвинутое против Природы обвинение в расточительстве и жестокости. Существует жестокость, с которой, чтобы обеспечить выживание немногих и наиболее приспособленных, окружающая среда убивает многих непригодных — аргумент огромной силы, если бы выжившие были бессмертны. Бессмысленно производить на свет тысячи существ, непригодных и, следовательно, обреченных на быстрое вымирание. Но смерть — это общий удел; а что касается расточительства и неудач, то если короткоживущие существа выполняют свое предназначение, они не неудачники; и если их цель — путем конкуренции форсировать развитие потенциально пригодных, тогда они выполняют свое предназначение. Человек может участвовать в забеге только для того, чтобы ускорить темп. Что касается счастья, то дикие животные, если судить по их обычному физическому состоянию и свидетельствам спортсменов, действительно наслаждаются существованием. Но у них, во всяком случае, нет идеалов — какими бы они ни были у дикарей. Тем не менее, вполне возможно, что птица, которая строит свое гнездо, находит в этом некоторое удовлетворение, и что животное, которое отдает свою жизнь, чтобы спасти своих детенышей, обладает некоторым чувством любви. То, что раскрывается в человеке как идеал, может быть зачаточно проявлено как инстинкт в неразвитом сознании животного. Если это так, то жизнь животного имеет самостоятельную ценность, а не просто как средство достижения отдаленной цели в будущем.

Подводя итог: наука отказывается принимать телеологический взгляд на Природу или признавать конечные причины или цели. Следовательно, говорить о выживании в борьбе за существование как о цели, может быть, и имеет прекрасный смысл, но это ненаучно: это подразумевает предположение такого рода, в отношении которого наука не является агностиком. Однако, если мы все же допустим это единственное отклонение от агностицизма, нам не составит труда показать, что эволюция потерпела неудачу, поскольку ее цель —

выживание, и мы все умираем; и компенсации нет, или, если она и есть, ее получают потомки, а не мы, что усугубляет изначальную несправедливость.

Если выживание в борьбе за существование - это единственная цель, которую мы лично осознаем в поведении нашей собственной жизни, мы вполне последовательны в суждении, что это единственная цель других жизней, и в осуждении Вселенной, ибо тогда в ней нет ни добра, ни какой-либо мудрости.

С другой стороны, наша вера в эту мудрость и доброту не является подлинной до тех пор, пока мы готовы ставить на кон только наши аргументы, а не свои жизни.

XIII.

ЭВОЛЮЦИЯ КАК ЦЕЛЬ

Эволюция, как научная теория, - это описание процесса, посредством которого совокупность вещей стала такой, какая она есть. Используемый метод является научным и исходит из предположения о единообразии природы и универсальности закона причинности.

Существование вещи является доказательством того, что ей предшествовали условия, необходимые для ее создания. Таким образом, из того, что есть, мы с уверенностью делаем вывод о том, что было: появление Z является доказательством того, что Y предшествовало, и поэтому из Y мы можем вывести X, и так далее, до начала алфавита. В конечном счете, то есть мы возвращаемся, по крайней мере теоретически, к первоначальному порядку вещей, который не только породил фактический порядок эволюции, но и был таков, что никакой другой порядок событий не мог из него вытекать. Если бы действительно было возможно вернуться к этому первоначальному сочетанию причин и сформулировать его, формула объяснила бы Вселенную такой, какая она есть и была, совокупность вещей.

К сожалению, формула, хотя и объяснила бы все остальное, не объяснила бы саму себя и, следовательно, пока ничего не могла бы объяснить. Или, другими словами, хотя определенные причины, расположенные надлежащим образом, при таком взгляде на эволюцию объясняли бы все, что вытекало из этого сочетания, мы все равно должны хотеть знать, почему причины были расположены именно таким образом, а не каким-либо другим. Сказать, что это словосочетание не было результатом предыдущего словосочетания, на самом деле означает сказать, что изначальное не было никакой предшествующей необходимости, почему этот или любой другой порядок эволюции вообще должен иметь место; что Z зависит от Y, Y от X ... а A вообще ни от чего; что формула, которая должна сделать все вещи понятными, сама по себе бессмысленна. Или, если мы скажем, что у вещей не было начала — материя и сила неразрушимы, — тогда нет начального словосочетания, то есть нет формулы, даже теоретической, объясняющей все вещи: мы не можем даже представить процесс эволюции понятным.

Последнее, по-видимому, предпочтительнее наукой как конечный результат научного познания: цель науки - продемонстрировать не почему, а то, что вещи происходят определенным образом; и признается или, скорее, настаивается, например, Дж. С. Миллем, что если бы научное знание было доведено до предельного мыслимого или непостижимого

совершенства, вопрос, почему что-либо должно происходить или действительно происходит, оставался бы такой же великой загадкой, как всегда, и должен оставаться таковой, по той простой причине, что это вопрос, который наука даже не ставит, не говоря уже о попытке ответить. Тем не менее, говорят, наука доказывает то, что она пытается показать, а именно. что вещи действительно происходят определенными способами, которые, будучи сформулированными, выглядят как законы науки. Это, однако, не совсем так, если наука, чтобы доказать свои выводы, должна постулировать, что каждое положение вещей является результатом некоторой предшествующей необходимости. В конечном счете этот постулат оказывается неверным, поскольку не могло быть никакой необходимости, предшествующей первоначальному устройству вещей. И если постулат неверен, выводы, основанные на нем, не могут быть приняты как достоверные. Если мы не можем сказать, истинно это или нет, мы также не можем сказать, истинна наука или нет. Если она непонятна, неудивительно, что вещи, объясненные ею, таинственны.

Но давайте откажемся от этих теоретических возражений. Доказывает ли Наука на самом деле, что вещи действительно происходят так, как она описывает? Отдавая должное ей, давайте вспомним, что она не берет на себя даже этого. Ее законы определяют только то, как вещи имеют тенденцию происходить, а не то, как они происходят на самом деле; только то, что произошло бы, если бы не было противодействующих причин и если бы преобладали определенные условия, которые не преобладают, а не то, что на самом деле происходит в мире, каким мы его знаем. Здесь научный разум ведет себя точно так же, как моральный или религиозный разум. Наука утверждает, что все движущиеся тела действительно вечно движутся по одной и той же прямой линии с одинаковой скоростью, не больше, чем моральный разум утверждает, что все люди всегда поступают правильно или что они всегда исполняют волю Бога. Утверждается, что такая тенденция существует и может быть выявлена теми, кто имеет право составить мнение по данному вопросу. Допускается, что существует трение, замедляющее движение, и что существуют препятствия, отклоняющие его; и, хотя это допущение не влияет на истинность (каким-либо образом) законов науки, оно допускает, что они не передают точной или достоверной картины того, что на самом деле происходит в мире, каков он есть.

Но если законы науки не объясняют происходящее — даже в ограниченном смысле научного объяснения, — они являются необходимой предпосылкой к этому объяснению. Если они не представляют мир таким, каков он есть, они предоставляют средства, с помощью которых мы можем в дальнейшем создать эту картину. Они являются идеалами не в том смысле, что наука надеется в конечном итоге показать, что перья только кажутся неторопливо опускающимися на землю, а на самом деле все время падают на шестнадцать футов в секунду, но в том смысле, что, отталкиваясь от формулы тяготения, мы могли бы показать, что падение каждого пера так же рационально постижимо, как и сама формула тяготения. Они не являются окончательной истиной, окончательной реальностью или высшим идеалом Науки. Это тени, отбрасываемые научным идеалом перед его приходом; это принципы, по которым должна действовать наука, если она хочет сделать мир вещей понятным. Точно так же реальность морального идеала не подразумевает, что, отказываясь идти на жертвы ради других, я только кажусь эгоистичным, и в конце концов окажется, что на самом деле мной все время руководил какой-то высокий моральный принцип. Подразумевается, что только путем принятия морального идеала мир людей может быть морализирован. С той же точки зрения кажется безнадежным пытаться доказать, что атеизм, хотя и не внешне, на самом деле был проявлением религии. Идеал

религии достигается путем принятия, а не отрицания религиозного идеала или сомнения в его существовании.

Итак, в теории эволюции мы имеем попытку осуществить этот переход от абстракций науки к конкретным фактам, показать, что мир, представленный чувствам, так же понятен и рационально постижим, как и сами законы науки, и что гипотетические утверждения науки были всего лишь предварительными, хотя и необходимыми предварениями к категорическому утверждению реальных фактов. В эволюции, как, впрочем, и во всех исторических науках, мы отказываемся от эластичности и неопределенности условных концепций в пользу жесткости и определенности свершившегося факта. Мы больше не имеем дела с тем, что может произойти, если будут реализованы данные условия, а с тем, что было, и, следовательно, не подлежит никаким "если". Мы исходим из уверенности в том, что есть, и, таким образом, позитивно возвращаемся к тому, что должно было быть.

Однако необходимо соблюдать одну предосторожность, без которой вся только что описанная система столь же неопределенна и условна, как и остальная наука. Прежде чем мы сможем рассуждать от того, что есть, к тому, что было, мы должны сначала наверняка знать, что есть. Прежде чем мы сможем заключить, что пациент был исцелен верой или чудесным образом излечился от неизлечимой болезни, мы должны сначала получить медицинские доказательства того, что у него была эта болезнь. Или, если взять лучший и более близкий пример из медицины, преждевременно устанавливать причинусостояния пациента до того, как его состояние будет диагностировано; и врачи, которые расходятся в своем диагнозе, естественно, будут расходиться в отношении причин в прошлом пациента, которые ответственны за его состояние.

Таким образом, если эволюционист хочет достичь точности в своем описании процесса, посредством которого совокупность вещей стала тем, что она есть, он должен сначала узнать, что это такое. Например, прежде чем мы сможем проследить эволюцию морали, мы должны определиться с тем, что это такое. Если мы будем рассматривать это как иллюзию, мы будем считать, что она подчиняется тем же законам, что и другие иллюзии, и нам не составит труда показать, что ее эволюция была необходимым следствием этих законов. Или, опять же, если мы будем считать, что религия - это просто глупость или истерия, мы естественным образом сделаем вывод о совершенно ином процессе ее эволюции, чем если бы мы считали ее постоянным проявлением общего сознания в том же смысле, что и мораль. Выдающийся немецкий мифолог, отталкиваясь от первого диагноза, без труда развивает примитивную религию из примитивного пьянства.

Короче говоря, если мы рассматриваем "то, что есть" как дающее данные, с помощью которых мы должны определить, что было, то ясно, что для понимания того, что было, мы должны должным образом оценить то, что есть. Это согласуется с выводом, к которому мы пришли ранее, о том, что только изучая его следствия, мы можем правильно понять причину. Чтобы правильно судить о вещи, мы должны знать, какие эффекты она способна произвести: чтобы знать, что такое вещь, мы должны наблюдать, чем она становится или чем она способна стать в лучшем виде. Мы не можем справедливо судить о ценности морального характера или нравственного идеала, если берем в качестве примера низший образец; и если бы мы знали о морали не больше того, что могли наблюдать о ее зачатках у высших животных, мы не должны были бы знать о ней много. Именно по его высшим проявлениям мы наиболее правильно судим о морали или искусстве, и только благодаря им можно сказать, что мы правильно понимаем, что

такое искусство или мораль. Точно так же, принимая религиозный идеал как любовь к Богу и человеку, мы должны судить о религии не по ее несовершенным проявлениям в несовершенных существах, но по ее совершенному раскрытию и реализации во Христе.

Иначе обстоит дело ни с наукой, ни с самой эволюцией. С первобытных времен человек всегда использовал свои знания (какими бы несовершенными они ни были) о том, что есть, в качестве основы для рассуждений о том, что было. Было бы, однако, абсурдно принимать ребяческие и варварские космогонии дикарей за адекватное выражение научного идеала или воображать, что именно по ним мы можем судить о том, что такое наука. Не менее неразумно судить о теории эволюции по ее нынешней, проходящей фазе. Во-первых, в ее истории есть факты, которые показывают, что она естественным образом начиналась с частичного и одностороннего взгляда на факты. Во-вторых, мы должны судить о ней не по тому, какой она может быть в худшем своем проявлении, а по тому, какой она способна стать в лучшем; и именно по последнему мы должны решить, что такое эволюция на самом деле, а не по первому.

В худшем случае теория эволюции может потребовать от нас поверить, что весь процесс эволюции по сути иррационален — являясь результатом действия неразумных сил, действующих на лишенную разума материю, — и что теория эволюции, соответственно, если она верна фактам, столь же иррациональна, как и они; или, если она рациональна, представляет собой вводящее в заблуждение описание реальной вселенной, в которой мы живем, движемся и существуем.

С другой стороны, теория в лучшем виде может потребовать от нас веры в то, что она раскрывает вселенную, основанную на рациональных принципах, реальный мир, совершенно понятный совершенному разуму и частично понятный даже существам, которые лишь частично разделяют Божественный разум, одушевляющий целое.

Однако обе теории основываются на том, что есть, и заявляют, что их выводы логически вытекают из этого. Таким образом, если они расходятся в своих выводах, то это потому, что они расходятся в своей диагностике того, что есть. Оба признают существование веры; но один рассматривает веру как факт патологии человеческого разума, другой рассматривает ее как нормальный режим работы нашего общего разума. Последнее, следовательно, требует постулировать причины, которые объяснят правильность общей веры человечества; последнее - причины, которые привели к общей иллюзии человечества.

Таким образом, кажется, что даже в процессе эволюции мы, в конце концов, не уходим от неопределенного и условного знания, которое предлагает наука, к абсолютной уверенности в свершившемся факте. Каждая теория прошлой истории мира так же условна, так же сильно зависит от "если", как и гипотетические законы науки, поскольку любая такая теория зависит от точки зрения, которую она принимает на то, что есть, и верна только в том случае, если эта точка зрения верна.

Теории эволюции, которые мы называли Оптимистической и пессимистической интерпретациями эволюции, открыто основаны на предположении, что большая часть общепринятой веры человечества является психическим или моральным заболеванием. Согласно мистеру Герберту Спенсеру, вера в то, что мы можем знать, что реально, является иллюзией: реальное - это Непознаваемое. Согласно профессору Хаксли, распространенная вера в свободу воли является иллюзией: необходимость - это закон единообразия как Природы,

так и человеческой натуры. Отказываясь, таким образом, принять свидетельство морального и религиозного сознания как свидетельство того, что есть, оба философа находились под влиянием веры в то, что только наука способна установить и продемонстрировать, что есть и что действительно происходит. Однако мы рискнули предположить, что это убеждение упускает из виду два факта. Во-первых, абстрактные науки даже не претендуют на то, чтобы утверждать, что на самом деле происходит: они просто утверждают, что, если условия, изложенные в их различных законах, являются единственными действующими условиями, единственным результатом будет тот, который установлен конкретным законом, о котором идет речь. Таким образом, наука занимается не тем, что есть или действительно происходит, а исключительно тем, что было бы или могло произойти при определенных (обычно невозможных) условиях. Другой упускаемый из виду момент заключается в том, что исторические или сравнительные науки также верны лишь гипотетически. Все, что их законы пытаются продемонстрировать, это то, что, если определенные последствия составляют совокупность наблюдаемого эффекта, то единственными условиями, действовавшими ранее, были те, которые указаны в законе. Таким образом, и здесь наука даже не претендует на доказательство того, что есть, или демонстрацию того, что происходит на самом деле, но предполагает, что мы знаем это или выясняем каким-то образом, которым наука себя не занимается. Если мы действительно знаем и можем знать, что есть, наука может сказать нам, каковы были условия, которые это породили.

Таким образом, вопрос, который мы должны задать любой теории эволюции — то есть любой теории, претендующей на утверждение процесса, посредством которого совокупность вещей стала тем, что она есть, — таков: "Объясняет ли она эту совокупность?" объясняют ли причины, которые, как он предполагает, действовали, все, что есть?" Так вот, *априори* не следовало ожидать, что эволюция в своем зачаточном состоянии, а она все еще молода, преуспеет в объяснении всех вещей; и в обстоятельствах, при которых она впервые приняла свою современную научную форму, были особые причины, которые неизбежно ограничили ее самые ранние попытки охватить совокупность вещей. Было бы, однако, абсурдно судить об этом принципе по первой попытке его применения и осуждать его за то, что он не сделал в одно мгновение того, что со временем ему наверняка удастся осуществить. В то же время она может добиться такого более широкого успеха, только отказываясь стереотипизировать свои первые ошибки и отказываясь связывать себя догмой о том, что то, что ей удалось объяснить, - это все, что можно объяснить, или что только это является или происходит, что ее нынешние предположения или законы способны объяснить. В этом заключается опасность, которая угрожает остановить дальнейшее развитие теории эволюции, — в догматизме, который претендует на то, чтобы отбросить здравый смысл и здравый рассудок, и присваивает себе единственное право говорить то, что есть; и преуспевает в этом с помощью простого, но замкнутого аргумента, что только это есть или случается, что может быть объяснено законами, регулирующими движение вещей в пространстве, или которые вытекают из борьбы за существование животных.

Исторически теория эволюции в ее первом проявлении была распространением на исторические науки в целом чисто биологической концепции происхождения видов как следствия борьбы за существование. Было обнаружено, что многое другое в многообразии того, что есть, многие другие различия между родственными вещами, помимо различий, отличающих один вид животных от другого, могут быть исторически объяснены теорией, согласно которой эти различия были всего лишь суммой и накоплением бесконечного числа мелких модификаций, которые дали существу преимущество перед его соперниками в борьбе

за существование. Строго говоря, все, что подразумевало это замечательное и широко идущее открытие с точки зрения логики, заключалось в том, что между животными и вещами, не являющимися животными, существовала аналогия или сходство, в силу чего логично было рассуждать от вещей животного происхождения к вещам не животного происхождения только в той мере, в какой сходство между ними простиралось, но не дальше. Однако очень естественно, что с этой изначально биологической концепцией все ее биологические следствия были приняты во внимание, и утверждалось (и утверждается) не только то, что существуют большие и плодотворные сходства, скажем, между обществом и животным организмом, но и то, что общества - это животные организмы. В конечном счете, социология рассматривалась как раздел биологии. Ошибочное утверждение о том, что наука демонстрирует то, что есть, и что то, что наука не объясняет, не имеет реального существования, таким образом, появилось одновременно с рождением теории эволюции. Сходство между эволюцией социального организма и организмов животных может быть объяснено биологической теорией борьбы за существование; различия, следовательно, должны быть опровергнуты или тщательно объяснены. Однако с развитием социологии становится очевидным, что эволюция общества имеет законы, некоторые из которых действительно совпадают с законами эволюции животных, но другие из них свойственны социологии в том же смысле, в каком законы химии отличаются от законов физики. Соответственно, социология восстает против своей привязанности к биологии: начинает давать о себе знать тот очевидный факт, что общество - это не животное. Сходство между организацией общества и организацией животного свободно допускается, но различия также начинают требовать рассмотрения; и здравая доктрина начинает утверждать себя, что только на основании опыта, опыта того, что есть, а не какого-либо *априорного* догматизма относительно того, что во имя науки должно быть, мы можем сказать, насколько далеко на самом деле простираются сходства и где начинаются различия. То, что теория эволюции должна быть в выигрыше, признавая факты вместо отрицания их существования, очевидно; если социология не является разделом биологии, и все же у двух наук есть определенные общие законы, то сразу же делается большой шаг к демонстрации существования определенных общих принципов эволюции, которые выше законов любой из них или, возможно, даже какой-либо конкретной науки.

Тенденция преобладающих на данный момент научных теорий отрицать существование того, что они на данный момент не могут объяснить, по-другому иллюстрируется теорией выживания наиболее приспособленных. Дарвин показал, что, несмотря на тенденцию к изменчивости у животных, борьба за существование была достаточной по своим результатам — поскольку у него хватило гениальности их распознать — для объяснения происхождения видов. Борьба за существование - это факт, и, следовательно, эволюция животных была основана на том, что есть, на позитивном факте. Применить тот же процесс аргументации к человеческой и социальной эволюции было совершенно научным и законным. Что не является ни научным, ни законным, так это утверждение, явно или неявно, что вся человеческая деятельность вовлечена и исчерпывается борьбой за существование. Самосохранение, несомненно, мощный инстинкт, но это не единственный инстинкт даже у животных и не всегда самый мощный у человека - или у животного. То, что между человеком и его собратьями, животными, существуют сходства и что, насколько простирается это сходство, человек и животные подчинялись и продолжают подчиняться одним и тем же законам эволюции, является фактом, который можно искренне признать, но который не дает нам права отрицать существование специфически человеческих

особенностей и не дает нам права пытаться вывести различия из закона, который применим только к сходству. Если теория эволюции хочет описать процесс, посредством которого совокупность вещей стала тем, что она есть, она должна начать с рассмотрения фактов в целом — в данном случае с признания того, что выжили не только наиболее приспособленные к выживанию, что естественно в борьбе за существование, но и что был достигнут прогресс, эстетический, этический и религиозный.

Отрицание этого факта может быть либо открытым и общепризнанным, как, например, когда официально осуждается реальность религиозного идеала; либо оно может быть молчаливым и подразумеваемым, как, например, когда моральный прогресс определяется как адаптация к окружающей среде, *т.е.* как отсутствие прогресса вообще, или когда отрицается свобода воли, *т.е.* когда приближение к этическому идеалу считается чем-то неподвластным нашему контролю. Молчаливое или общепризнанное, это отрицание исходит из ошибочности того, что законы науки, как они понимаются и формулируются в любой конкретный момент, являются единственным критерием и составляют наше единственное знание о том, что есть. Но интересы как здравого смысла человечества, так и той специально организованной формы здравого смысла, которую мы знаем как науку, требуют протеста против этой ошибочности: она противоречит принципу, на котором зиждется научное знание, и, если действовать в соответствии с ней, это было бы фатально для всего дальнейшего развития этого знания.

Принцип, на котором зиждется наука, заключается в том, что ее законы поддаются проверке и что они проверяются тогда, когда и если они подтверждаются опытом. Последнее обращение науки - к свидетельствам сознания, единственному доказательству того, чем мы обладаем: единственное доказательство истинности и точности, с которой было рассчитано затмение, - это свидетельство наших органов чувств о том, что затмение действительно происходит и его можно увидеть в предсказанном месте и в указанное время. Если гипотеза предсказывает результаты, которые с точки зрения наблюдения не имеют места, гипотеза считается пока неточной или неадекватной: то, что есть, перевешивает наши предвзятые мнения, даже если они являются научными гипотезами, относительно того, что должно быть или будет. Именно всегда открытое обращение в суд последней инстанции за фактами, за тем, что есть, осуждает ложные предположения, гарантирует истинность науки и гарантирует свободу научного исследования. Позволить какой-либо группе людей, какими бы выдающимися они ни были, или какой-либо области науки, какой бы здоровой она ни была, лишать нас этого права на апелляцию и призывать нас не верить свидетельствам наших собственных органов чувств, если они противоречат их теориям, означало бы подчиниться тирании догматизма и быть неверными делу истины.

К счастью, хотя бессознательная и, следовательно, непродуманная метафизика некоторых деятелей науки имела тенденцию к научному догматизму, научная практика развивалась в противоположном направлении. На практике наука во многом обязана своим прогрессом изучению "остаточных явлений". Явления, которые законы науки на данный момент не могли объяснить, не были осуждены как иллюзии или исключены во внесудебном порядке как несуществующие или недостойные внимания науки: они были приняты как факты, как часть совокупности вещей, объяснение которых является целью науки; и, принятые как таковые, они привели, возможно, к открытию новой планеты или нового элемента, но всегда к открытию новых истин, которые никогда не обогатили бы страницу науки, если бы наука отказывалась принимать во внимание факты, законы которых она не знала. на момент обнаружения.

Требую, таким образом, чтобы любая теория, претендующая на объяснение совокупности вещей, признавала факт этического и эстетического прогресса и чтобы всякий прогресс был волевым и целенаправленным, мы стремимся не стеснять науку, а расширять ее границы, не вводить новый научный метод, но расширять применение существующих методов и осуществлять принцип, на котором основаны истина науки и свобода научного исследования. Законов, которые позволяют физику объяснить механическое действие и реакцию предметов, недостаточно для объяснения реакций, изучаемых химиком. Законы химии неадекватны для целей биолога. Это всего лишь продолжение того же принципа, когда изучающий антропологические науки считает необходимым предположить или, скорее, обнаруживает, что законы существования животных не полностью объясняют все, что делает человек; и именно в этих науках мы должны искать следующую важную и плодотворную модификацию общей теории эволюции. Именно к ним, имея дело так, как они имеют дело с высшим продуктом эволюции, мы должны обращаться за наиболее верной интерпретацией эволюции. Исходя из принципа, что для понимания того, что такое вещь, мы не должны сводить ее к низшим понятиям, но рассматривать в ее высшем проявлении, мы должны судить о процессе эволюции по его высшей фазе, по всему, на что он способен, а не по тому малому, что мы можем оставить в нем с помощью научной абстракции. И науки, которые просто для поддержания своего научного существования жизненно заинтересованы в том, чтобы настаивать на реальности воли и цели как причин, повлиявших на направление процесса эволюции, - это науки, которые имеют дело с человеком.

Тем, кому легко поверить, что общество - это животное, подобно тем, кто провозглашает, что реальность непознаваема, но что наше знание о ней так же хорошо, как если бы оно не было непознаваемым, будет нетрудно поверить, что на действия людей не влияют их цели; и оба, вероятно, согласятся с доктриной, что, во-первых, приближение к идеалу является непреднамеренным результатом грубой борьбы за простое животное существование; и, во-вторых, цель, которая, по-видимому, определяет процесс эволюции и является причиной прогресса, является лишь видимостью, простой иллюзией. . Против первого пункта этой доктрины последним и решающим доводом является и всегда должен быть призыв к опыту. Оно делает общее утверждение в отношении конкретных фактов опыта: как и любое другое утверждение, сделанное в форме научного закона, оно утверждает, что определенное утверждение, проверенное опытом, будет признано истинным для каждого из определенного класса фактов в нашем опыте. Поэтому каждый человек, решивший обратиться к своему опыту, вправе сам решить, верно ли это утверждение. В данном случае каждый человек, который боролся с искушением и достиг какого-либо прогресса, должен сказать, одержал ли он победу без усилия воли, без какого-либо желания чего-то лучшего, без какой-либо цели или решения попробовать еще раз, без какого-либо намерения не уступать в следующий раз. Отказываются ли от "секретных комиссионных" в торговле, когда отказывают, непреднамеренно? или их отказ объясняется исключительно слепым инстинктом самосохранения в борьбе за коммерческое существование? Если реформа будет проведена, будут ли ее проводить те, кто заявляет, что острота борьбы за существование делает реформу невозможной? или те, в ком идеал честности имеет некоторую действенную силу и кто стремится приблизиться к этому идеалу? Когда выражается убеждение, что только общественное мнение сможет остановить эту форму нечестности, что это, как не апелляция к здравому смыслу и общей вере в то, что есть другие вещи, к которым человек может стремиться помимо успеха в борьбе за существование?

Доктрина о том, что вселенная представляет собой простое подобие цели, что Природа имитирует цель, не имея таковой, разделяется материалистическими системами вместе со всеми теми, которые считают, что единственное объяснение, которое может быть дано любому данному положению вещей, - это предположение, что оно вызвано какой-то предшествующей необходимостью, которая его породила. Как мы уже утверждали, предположение о необходимости как окончательном объяснении вещей рушится, когда мы переходим к рассмотрению начала вселенной. Если мы предполагаем абсолютное начало, то не могло быть никакой предшествующей этому необходимости, и начало вещей остается без объяснения. С другой стороны, сказать, что никогда не было никакого начала, значит признать, что никогда не было никакой первоначальной необходимости, почему вещи должны следовать тем курсом эволюции, которому они следовали, — первоначальное сочетание причин было случайным, было чисто случайным совпадением атомов. Когда замечают, что это странное предположение, что на самом деле, если бы весь процесс эволюции был спроектирован так, чтобы достичь стадии, на которой мы его знаем, и достичь идеала, на который, как мы предполагаем, он способен, первобытные атомы не могли бы быть устроены лучше для этой цели, ответ заключается в том, что видимость цели является иллюзией: правда, по случайности, шансы равны миллионам к одному против случайного совпадения атомов, производящих имевший место процесс эволюции, но тогда шансы были столь же велики, ни больше, ни меньше, против любого другого. из миллионов эволюционных процессов, которые могли бы быть развиты. Мы знаем то, что произошло, и в наших глазах удивительно, что произошло именно это, и никакое другое; но чудо исчезает, когда мы размышляем о том, что, если бы произошло что-то другое, мы были бы в равной степени убеждены, и в равной степени ошибочно убеждены, что это не могло произойти случайно. Первоначальное устройство вещей было, как это случилось, таким, чтобы вызвать наш эволюционный процесс: вначале все могло бы сложиться по-другому; если бы это было так, произошел бы другой эволюционный процесс, вот и все. Но это все равно выглядело бы как цель и все равно было бы обусловлено случайностью.

Но будет ли это? Весь вопрос в том, было ли первоначальное словосочетание случайным или целенаправленным. Утверждение о том, что могло быть много других сочетаний, ничего не доказывает: Всемогущая Сила могла сочетать вещи любым из бесконечного числа способов. Утверждать, что каждое возможное словосочетание, а следовательно, и то, которое породило наш эволюционный процесс, должно быть вызвано случайностью, значит просто напрашиваться на вопрос: именно это мы и хотим знать, может ли этот или любой другой процесс быть вызван случайностью. Аргумент о том, что любой другой процесс в равной степени свидетельствует о цели и в равной степени подразумевает замысел, скорее указывает на то, что ни один мыслимый эволюционный процесс не может быть обусловлен случайностью.

Далее, аргумент необходимости утверждает, что чудо эволюции исчезает, когда мы размышляем о том, что если бы все было по-другому в начале, результаты были бы другими. Но это было не так. И тот факт, что их не было, - это просто чудо, которое сторонник необходимости даже не объясняет: чтобы уменьшить вероятность цели, он постулирует бесчисленные возможные альтернативы первоначальному расположению атомов, а затем его смущает трудность избавиться от них. Почему было выбрано именно это словосочетание, а не один из бесчисленных вариантов? Сказать, что это была случайность, может быть правдой; но мы хотим знать, какие есть основания полагать, что это правда. Если такового нет, то нет и никаких оснований верить в цель, которая делает процесс эволюции иллюзией.

Но давайте допустим, что это была случайность: случайность, как всем известно, - это просто название нашего неведения относительно реальной причины; так что сказать, что это произошло случайно, значит сказать, что, несмотря на все, что мы знаем об обратном, первоначальное совпадение атомов могло быть обусловлено целью. Одним словом, согласно теории случайности, нет никаких оснований полагать, что цель либо является иллюзией, либо нет.

Однако можно сказать, что мы не только не знаем, но и не можем знать, иллюзия это или нет. В ответ мы можем либо признать, что все наши знания — научные, моральные и религиозные — основаны не на знаниях, а на вере; либо мы можем спросить, на каких основаниях основана эта предполагаемая невозможность. Если мы зададим этот вопрос, то обнаружим, что основания для этого не совсем убедительны. Утверждается, что человеческий разум в равной степени не может постичь ни существование, ни несуществование необходимости, предшествующей абсолютному началу вещей: следовательно, перед лицом этой врожденной неспособности человеческого разума истина о начале вещей непознаваема и непостижима. Но, осмелимся предположить, эта предполагаемая неспособность человеческого разума основывается на ложном антитезисе: она основывается на предположении, что любая фаза эволюционного процесса, которую мы рассматриваем как начальное устройство, должна была либо определяться какой-то предшествующей фазой (в этом случае она не была начальной), либо не определяться вообще. Но чисто логически остается возможность того, что это могло быть самодетерминировано; и, что касается свидетельств опыта, мы знакомы с причиной, которая действует каждый день и которая является самодетерминированной, а именно. свободная воля. Следовательно, человеческому разуму не присуща такая неспособность, как утверждается; и единственная непостижимость - это та, которая присуща теории предшествующей необходимости, а не самим фактам. Просто неверно говорить, что если вещи не могут быть объяснены с помощью теории предшествующей необходимости, то они вообще не поддаются объяснению. Если бы процесс эволюции был спроектирован так, чтобы следовать тем курсом, которым он следовал, первоначальное устройство вещей не могло бы быть лучше приспособлено для получения результата; и, поскольку приспособление средств к цели является признаком интеллекта, нет ничего немыслимого или иррационального в предположении, что цель была имманентна вещам с самого начала.

Но поскольку научно рассуждать от известного к неизвестному или от более известного к менее известному; и поскольку, чтобы полностью знать, что такое вещь, мы должны знать, чем она способна стать или произвести, давайте перейдем от доживотной стадии эволюции к животной. Это тем более необходимо, что именно теория Дарвина о происхождении видов внушила современному сознанию идею о том, что Природа имитирует цель, не имея таковой. Человек с целью выведения определенного типа животных выбирает для разведения тех животных, которые в наиболее выраженной степени обладают характеристиками, которые он желает развить в потомстве. Но, как продемонстрировал Дарвин, Природа или окружающая среда, уничтожая тех существ, которые не обладали (или хотя бы обладали) качествами, необходимыми для обеспечения выживания, "отбирает" животных определенного типа для размножения. Таким образом, "естественный отбор" производит свои результаты таким же образом, как и человеческий отбор; и представляет все признаки целенаправленности, хотя окружающая среда, которая произвела эти результаты, могла вообще не иметь намерений или цели. Но точно так же, как человек не создает животных, которых он сначала выбирает для размножения, так и окружающая среда не создает те виды спорта или разновидности, которые

она выбирает для размножения: если бы их не существовало, ни человек, ни Природа не смогли бы вывести из них потомство — от них нельзя было бы получить никаких результатов, намеренных или ненамеренных.

Если теперь мы спросим об этих видах спорта, нам скажут, что наука довольна тем фактом, что они, несомненно, встречаются: везде, где есть животные, есть разновидности и в их потомстве. То, что те, кто приспособлен к выживанию, выживут, а те, кто нет, - нет, является самоочевидным и даже идентичным утверждением. Это так; и это опровергает все доводы против цели, поскольку признает, что некоторые разновидности изначально приспособлены для выживания, что без них ни человеку, ни окружающей среде не с чего было бы начинать или над чем работать, и что, хотя человек и Природа могут развиваться, они не создают первоначальной адаптации. Они всего лишь способствуют, сознательными или бессознательными действиями, достижению цели, имманентной спорту. Из всех многочисленных, последовательных, незаметных приращений, благодаря которым то, что изначально было спортом, выделено в отдельный вид, ни одно не создано человеком или окружающей средой: все они являются "безвозмездными предложениями" организма, проявлениями спонтанности организма, раскрытием его скрытых способностей, выполнением цели, имманентной ему с самого начала.

Если кто-то скажет, что выживание любого или каждого данного вида было делом случая, потому что другие виды спорта развились бы в другие виды, если бы окружающая среда была другой, ответ снова будет таков: но этого не было; и, согласно теории необходимости, не могло быть. Тот факт, что оба условия — спонтанность организма и избирательное воздействие окружающей среды — были необходимы для создания нового вида, и что оба условия были налицо, говорит скорее в пользу цели, чем против нее. Тот факт, что именно эта комбинация условий была осуществлена, а не какая-либо другая, имеет точно такое же основание, как и первоначальное совпадение атомов: если последнему нельзя приписать какую-либо предшествующую ему необходимость, то и первому нельзя; причину сочетания следует искать в самодетерминирующей причине, имманентной условиям. Тот факт, если это факт, что были возможны бесчисленные другие комбинации, и была выбрана только эта, показывает, что воля, имманентная процессу эволюции, является свободной волей.

Короче говоря, Дарвин показал, что воздействие окружающей среды является именно таким, каким оно было бы, если бы оно было разработано с целью отбора определенных видов спорта для развития. Все, что далее необходимо для того, чтобы показать, что эта очевидная цель является иллюзией, - это доказать, что окружающая среда не была создана для того, чтобы действовать так, как она действует. До представления этого доказательства аргументация остается неполной.

Большая часть процесса эволюции известна нам только извне: мы наблюдаем его последствия в животном мире и в неорганической природе, но до его внутреннего функционирования нам приходится доходить путем умозаключений. Однако одну часть процесса эволюции мы знаем изнутри — ту часть, которая осуществляется через нас. Мы являемся одним из бесчисленных каналов, по которым передается движущая сила процесса; и знание, которое дает нам его передача через нас, более глубокое и непосредственное, чем то, которое мы получаем, наблюдая за внешними эффектами, которые он производит в других местах. Эволюция общества, например, является частью общего процесса эволюции и представляет собой

процесс, который осуществляется через нас и выражает результирующую совокупности наших чувств и действий по отношению друг к другу. Какой же свет, в таком случае, проливает социология на общий вопрос о цели, если таковой вообще проливается?

Мистер Герберт Спенсер преподавал нам урок о том, что в политике и социальных экспериментах наиболее важными являются непредвиденные и непреднамеренные результаты законодательства, и что промышленная организация страны, или, как мы теперь можем сказать, мира, является не осуществлением какого-либо плана, заранее разработанного каким-либо правительственным учреждением, а непреднамеренным результатом бесчисленных действий со стороны людей, которые никогда не мечтали, что их действия приведут к такому результату. Причину этого следует искать в том факте, что общество - это организм и что его рост следует тем же законам, что и те, которые регулируют структурное развитие амебы или ризоподии. Таким образом, и общество, и животный организм должны быть сыты. Чтобы быть сытыми, оба должны получать пищу из окружающей среды. Эта пища должна быть усвоена и распределена по всем частям организма, социального или животного, если все части должны быть накормлены — а все части должны быть накормлены, потому что все они взаимозависимы, и пренебрежение одной из них привело бы к дезорганизации целого. Между всеми частями тела должны быть установлены каналы связи, чтобы пища могла передаваться от органа, который взял ее из окружающей среды, к органам, которые нуждаются в ней для поддержания жизнедеятельности. Что отличает процесс эволюции в обоих случаях, так это растущее разделение труда и растущая взаимозависимость частей друг от друга. Животный организм, как и социальный организм, состоит из множества живых единиц, каждая из которых постоянно приспосабливается к требованиям всех остальных. Возрастающая сложность структуры животного организма возможна только потому, что живые единицы одной части берут на себя новые функции или посвящают себя исключительно одной функции, чтобы принести пользу единицам отдаленной части. Если бы они намеревались или были нацелены на достижение такого результата, они не могли бы вести себя иначе или лучше. Но эта видимость цели - всего лишь видимость: мельчайшие клетки животного организма не имеют намерения производить даже ризоподию или амебу. Объяснение этой имитации цели кроется в факте взаимной взаимозависимости частей: никакое изменение не может произойти в одном органе общества или животного, не передавшись всему целому, точно так же, как вы не можете убрать один из самых нижних кирпичей в тележке, груженной кирпичами, не потревожив в большей или меньшей степени все остальные. Но то, что верно для кирпичиков или единиц животного организма, верно и для единиц социального организма: то, что мы обнаруживаем в их действии и реакции друг на друга, является действием не добровольной цели, а неизменных законов причины и следствия.

Таким образом, согласно этому аргументу, живые единицы животного организма в достаточной степени напоминают в своих действиях единицы социального организма, чтобы дать нам право переходить от одного к другому и заключать, что в действиях ни того, ни другого нет цели. Но очевидно, что, если сходство достаточно велико, чтобы оправдать наше рассуждение от животного к социальному организму, оно также открывает путь для аргументации проделать обратный путь, от социального организма к животному, и прийти к выводу, что в обоих случаях есть цель. Давайте поэтому рассмотрим, во что каждый из этих двух противоположных выводов требует от нас веры.

С одной стороны, прежде чем принять аргумент о том, что в действиях социального организма нет цели, поскольку ее нет в действиях животного, мы должны доказать, что в действиях животного ее нет. Но это, как мы уже подчеркивали, именно то, что не было доказано: максимум, на что претендует наука, - это то, что единицы животного организма действительно ведут себя определенным образом. Именно так они и вели бы себя, если бы были сконструированы для этого; и наука пока оставляет совершенно открытым вопрос о том, были они сконструированы таким образом или нет. Следовательно, аргумент о том, что в действиях социального организма нет цели, поскольку таковой нет у животного, рушится на пороге. И все же именно на основании недоказанного утверждения о том, что появление цели в организме животного никак не может быть обусловлено замыслом, и, следовательно, должно быть заблуждением, от нас ожидают отрицания свидетельств нашего собственного опыта и сознания и веры в то, что мы, единицы социального организма, не имеем цели в повседневных действиях, посредством которых мы расширяем торговлю или выполняем наши социальные функции.

Таким образом, предположение о том, что Природа имитирует цель, не имея таковой, является предположением, которое, поскольку оно применяется к дочеловеческим стадиям процесса эволюции, просто играет на нашем невежестве; и которое, когда его применяют к той части процесса эволюции, которая осуществляется через нас, мы знаем, что оно абсурдно. С другой стороны, если существует такое сходство между законами одной части процесса и законами другой части, то должно быть так же допустимо приводить доводы от части и законов, которые мы знаем, к части и законам, которых мы не знаем, как и объяснять известное тем, что заведомо неизвестно. Другими словами, если известно, что эволюция социального организма обусловлена целью, то разумным выводом является то, что эволюция животных, которая, как нам говорят, следует той же линии и законам, также обусловлена целью - и если не какой-либо целью, преследуемой клетками животного организма, то Волей, выражением которой является их действие.

Однако утверждается, что непрерывные социальные изменения, составляющие эволюцию общества, столь далеки от того, чтобы быть результатом цели любого человека или любого правительства, часто прямо противоположны тому, что предполагалось авторами изменений, и всегда заведомо находятся за пределами наших возможностей для прогнозирования. Но тот факт, что мои планы изменены или отклонены моими преемниками или моими помощниками, не доказывает, что в моих планах не было цели или что их не было в изменениях, внесенных моими преемниками. И общий результат наших совместных действий и целей может быть чем-то отличным от того, что каждый из нас намеревался индивидуально, и все же выражать общую цель, которая, как показывает результат, более или менее присутствовала у всех нас. Строительство собора, начатого в нормандском стиле, возможно, заняло несколько поколений, а может закончиться в готическом; и он будет выражать идеи, общие для нескольких строителей, во многом так же, как составная фотография наиболее отчетливо воспроизводит черты, в которых совпадают все сфотографированные лица, и другие черты, более или менее отчетливо, в зависимости от того, насколько они схожи у разных объектов съемки. Или, чтобы выразить эффект последовательных действий следующих поколений, мы можем позаимствовать иллюстрацию из игры в шахматы. В игре могут участвовать пять игроков, делая ход по очереди, так что каждый игрок делает один ход из пяти и играет попеременно за белых и Черных. Результатом работы с хорошими игроками является блестящая и хорошо проработанная игра, которая является игрой не в том виде, в каком ее задумал кто-либо из пяти игроков, а в том, что каждый из них постоянно модифицируется и совершенствуется каждый

раз, когда он за нее берется. Таким образом, когда мы размышляем о том, сколько игроков в игре жизни существует даже в небольшом обществе, мы можем хорошо понять, что, хотя у каждого свой способ служить общей цели, никто не может предсказать результат.

Возможно, кто-то скажет, что у шахматистов есть общая цель, а у игроков в жизненной игре ее нет. Ответ заключается в том, что наука предполагает, что у них есть; наука предполагает, что они играют, чтобы победить в борьбе за существование; и только исходя из предположения, что у людей общие цели, возможно составить какое-либо научное объяснение их действий. Наука Политическая экономия предполагает, что приобретение богатства является общей целью людей и что их действия определяются этой целью. Далее показано, что если такова их цель, то условия, при которых это может быть осуществлено, определенного рода, *например*, люди должны покупать на самом дешевом и продавать на самом дорогом рынке. Нет необходимости предполагать, как и Политическая экономия не предполагает, что человек может стремиться только к приобретению богатства или что он должен при любых обстоятельствах делать это. Точно так же совершенно ненаучно в социологии предполагать, что успех в борьбе за существование - это либо то, к чему человек должен стремиться, либо единственное, к чему он может стремиться: солдат умирает за свою страну, мученик за свою веру. Институты нации — правовые, политические, социальные и религиозные — выражают преобладающие цели, ради которых трудились сменяющие друг друга поколения общества; а эволюция человечества - это история различных степеней успеха, с которыми люди реализовывали идеалы, которых они намеревались достичь. Все последовательные реформы, с помощью которых был достигнут прогресс, были преднамеренными, и все они были задуманы людьми, которые верили, справедливо или ошибочно, что, поступая таким образом, они служат Богу и своим ближним и что идеалы истины, справедливости, равенства, братства, любви, сострадания и милосердия выражают Божью волю и Божественный замысел.

Таким образом, если результатом дочеловеческого периода эволюции было, на самом деле, и среди прочего, подготовить землю для обитания человека и снабдить его механизмом, физиологическим и психологическим, таким, чтобы он мог использовать его, если пожелает, для продвижения того, что он считает прогрессом, то для него вполне разумно рассматривать прошлые фазы эволюции как множество шагов, ведущих к реализации идеалов, которые он лелеет в свои лучшие моменты, как свои высшие цели. Непрерывность эволюции и единство ее процесса уполномочивают или даже вынуждают его использовать ту часть процесса, которая осуществляется через него, как средство для интерпретации остального. Как в шахматах, в которые играют пять игроков, каждый игрок наследует от своего предшественника игру в ее нынешнем виде и продолжает, с улучшениями или модификациями, унаследованную им схему, так и в жизни каждый игрок, в свою очередь, осознает идеалы, которые он тоже может, а может и нет, по своему желанию, приблизить на шаг к своей цели. Именно в непрерывности, с которой эти идеалы передаются через одно сознание за другим, заключается непрерывность человеческой эволюции. Мы являемся или можем быть, если захотим, частицами в среде, с помощью которой не наша собственная цель (за исключением того, что мы сами решаем сделать ее таковой) продвигается к своему назначению. Среда, по которой шел прогресс в прошлом, - это Природа; среда, по которой он движется сейчас, - это природа человека. Мы осознаем идеал в том виде, в каком он передается через наше сознание, как подразумевающий наличие у нас цели, более высокой, чем наша собственная. Существует ли в среде Природы какое-либо смутное осознание прогресса, к которому ведут изменения в Природе, мы не знаем. Но единообразие Природы и человеческой натуры требует, чтобы мы видели в этих

естественных изменениях действие той же силы, движущейся в том же направлении, что и через нас. Проходя через нас, оно становится известным нам как объект наших высочайших устремлений; идеал чистоты, святости и любви; Бог, которого человеческое сердце, ошибочно или нет, всегда искало и никогда не искало напрасно.

XIV.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пессимистическая интерпретация эволюции преподала нам урок, что, если мы начнем без веры в Божественное правление миром, изучение процесса эволюции не приведет нас к пониманию какой-либо Божественной цели в этом процессе. Вера в религию не может начаться без веры в Бога с самого начала, точно так же, как вера в науку или в мораль основана не на доказательствах, а на вере. Остается открытым вопрос, можем ли мы с верой верить в то, что процесс эволюции является откровением Божественной любви, и было ли окружение человека развито таким образом, чтобы способствовать развитию в нем той любви к ближним и Богу, которая является религиозным идеалом.

Если мы посмотрим на структуру общества, то увидим, что она основана на том факте, что у человека есть определенные потребности — в пище, крове, одежде и т.д., — которые могут быть более эффективно удовлетворены сотрудничеством и разделением труда, чем изолированными индивидуальными действиями. Человек, который сам зарабатывает себе на жизнь, делает это, оказывая услуги, за которые ему платят: он не может приносить пользу себе, не принося в какой-то степени пользы другим. Это закон, по которому он живет, закон, который не он сам придумал и не всегда ему по душе, но закон, заложенный в природе вещей и являющийся частью цели, если цель вообще существует в схеме вещей. Как свободный деятель, человек может сотрудничать со своими собратьями и брать свою долю разделенного труда или нет, как ему заблагорассудится; но те народы, которые дальше всех внедрились принципы сотрудничества и организации, добились наилучших результатов. Они воспользовались предоставленной им возможностью и выжили. Неспособность остальных поступить аналогичным образом не помешала осуществлению Божественного замысла, согласно которому люди должны помогать друг другу. Напротив, те, кто отказывается добровольно помогать друг другу, ставят себя в невыгодное положение в борьбе за существование, и их медленно, но верно вытесняют те, кто выполняет Божественный замысел менее неудовлетворительно, и, как следствие, стремятся унаследовать землю.

Мы уже видели, что, когда человек достигает зрелости, он обнаруживает, что физиологический и психологический механизм, которым он сейчас владеет и за управление которым он отныне несет ответственность, имеет тенденцию работать по определенным каналам: его с детства учили и он унаследовал способность думать и действовать определенным образом. То же самое замечание применимо и к социальному организму. До или когда индивид осознает тот факт, что он является членом общества, он уже был или остается ребенком родителей, которым он подчиняется и между которыми и ним самим существуют отношения привязанности. Эволюция человека как чисто животного организма была такова, что он начинает жизнь с длительного периода беспомощного младенчества. В отличие от низших животных, которые очень скоро

после рождения способны обеспечивать себя сами, он годами зависит от других. Его затянущееся младенчество - это длительный период пластичности, в течение которого он формируется сначала в члена семьи, а затем и, таким образом, в члена общества. Все высшие животные дают своим отпрыскам какое-то образование, образование столь же хорошее, какое они получили сами: только в человеческой расе родители дают своим детям лучшее образование, чем они получили сами. Однако не только подрастающее поколение выигрывает от длительного периода зависимости и пластичности, которые характеризуют детство. Конечно, верно, что труд, затрачиваемый на совершенствование инструментов и машин, является особенно производительным, поскольку повышенная эффективность инструмента с лихвой окупает большие затраты. Но как рабочий, производящий инструмент, становится в результате своего труда более квалифицированным механиком, так и образование, данное родителем ребенку, является образованием не только ребенка, но и родителя и делает обоих лучше подготовленными к тому, чтобы быть членами общества. Это не только обеспечивает подчинение младших старшим, что необходимо для стабильности общества и постоянства племени, но и обуздывает власть ответственностью, ответственностью не перед каким-то внешним авторитетом, а перед высшим принципом внутри человека.

Таким образом, даже на самой ранней стадии развития общества антисоциальные силы эгоизма и страстей не действуют *в вакууме* и им ничто не препятствует. Общество в самом начале - это не *tabula rasa*: поле деятельности уже в значительной степени занято, и направление социальной эволюции уже в значительной степени определяется той привязанностью между родителями и детьми, без которой ни общество в целом, ни индивид как единица не могли бы возникнуть или продолжать существовать. Было бы неоправданной клеветой даже на дикое общество утверждать, что в нем обезьяна и тигр преобладают в человеке: низшие формы общества выживают лишь постольку, поскольку в отношениях их членов друг с другом больше человечности, чем жестокости. Это ложная философия эволюции, а не истинное знакомство с фактами антропологии, которая опрометчиво предполагает, что морально низшие должны были быть единственными примитивными элементами в эволюции человечества. Зло и добро в человеке существовали бок о бок с самого начала; бескорыстная привязанность, так же как и эгоистичные желания, всегда были частью человеческой природы, хотя эволюция первого может быть более длительным и трудным процессом как для отдельного человека, так и для расы, чем эволюция последнего.

В расе можно ожидать морального прогресса с гораздо большей уверенностью, чем в случае отдельного человека. Само существование общества, каким бы простым оно ни было по структуре, само по себе является доказательством того, что антисоциальные силы эгоизма и страсти в нем менее сильны, чем инстинкты добрососедства и взаимопомощи. Из конкурирующих обществ в конечном итоге побеждают те, которые наименее ослаблены внутренними разногласиями, то есть те общества, которые имеют тенденцию к процветанию и расширению, члены которых наиболее готовы подчинить свои частные цели общественному благу. В конечном счете, только развивая этот тип индивидуального характера, общество может достичь успеха; и именно этот тип характера развивает конкуренция между нациями. Но как бы это ни было важно для выживания общества, это ни в коем случае не так важно для выживания индивида в его борьбе за существование против других индивидов. Таким образом, если бы общество было просто совокупностью враждующих атомов или если бы вся деятельность индивида была направлена на борьбу со своим соседом и попытки вытеснить его локтем, тип характера, необходимый для выживания общества, никогда не смог бы развиваться, а само

общество не смогло бы ни возникнуть, ни существовать дальше. Дело в том, что люди не только конкурируют, но и сотрудничают: общество является и с самого начала было организацией, требующей от каждой из своих частей определенного подчинения интересам целого.

По мере усложнения организации общества индивид становится все менее и менее способным существовать независимо от общества, общество становится все более и более независимым от услуг любого отдельного члена, и оба эти факта имеют тенденцию усиливать социальные и ослаблять антисоциальные силы в человеке. Растущее разделение труда все больше и больше специализирует функции каждого члена сообщества и, таким образом, лишает его общей способности выполнять все виды работы, которая необходима каждому человеку, который, как, например, в новой колонии, в значительной степени зависит от своих собственных ресурсов. Таким образом, уединенное существование, которое могло бы быть вполне возможным для изгнанника из дикого племени, становится практически невозможным для среднего члена любого сообщества, поднявшегося выше этой стадии социальной эволюции. В то же время достигается точка, когда ни один человек не является незаменимым для общества. Общество состоит из единиц, настолько похожих друг на друга, что любая из них может быть заменена какой-либо другой, и, по сути, место каждого после смерти занимает какой-нибудь преемник.

Теория общественного договора как исторического или доисторического события в развитии любого сообщества долгое время была справедливо дискредитирована: никогда еще группа мужчин, ведущих уединенный образ жизни, не собиралась публично и официально не заключала договора о совместном проживании на определенных условиях и с определенными целями. Человек с самого начала был стадным, если не социальным животным. Тем не менее, у человека есть определенные потребности, желания и цели, которые могут быть удовлетворены только посредством социальной организации и которые столь же сильны в удержании общества вместе, как если бы они были провозглашены вслух в официальном общественном договоре, а не действовали молчаливо. Если из-за какой-либо болезни социальный организм препятствует достижению этих целей или не в состоянии помочь им, неудовлетворенность индивида и опасность для государства столь же велики, как если бы был нарушен официальный контракт: разочарование в нормальных и разумных ожиданиях членов сообщества по существу несправедливо и не совсем ошибочно считается нарушением общего и негласного понимания, на котором фактически, если не формально, основано общество. Трудовое сотрудничество действительно подразумевает какое-то обязательство, выраженное или понятное, что совместный продукт должен быть более или менее справедливо разделен между совместными производителями. Неправедливость в распределении социальных благ может расти медленно, но в конечном итоге должна привести к нескрываемому возмущению — открыто и сознательно апеллируют к справедливости, которая отныне становится идеалом, по крайней мере, части общества, и признается условием, без которого невозможно здоровое социальное существование.

Таким образом, представление борьбы за существование как единственного или главного фактора социальной эволюции является чудовищным искажением простых фактов: каждый член сообщества рождается в атмосфере сотрудничества и поддерживает свое существование за счет сотрудничества других. Если он должен трудиться, чтобы выжить, он не может трудиться для себя, не оказывая в то же время услуги другим; те же самые условия, которые заставляют его желать справедливости для себя, принуждают его поддерживать справедливость для общества в целом. Социальная среда всегда была такова, чтобы вести человека по пути справедливости и

готовить его к служению своим братьям. Единицами, составляющими социальную среду, являются люди, существа, чья физическая, ментальная и моральная структура является результатом длительного процесса эволюции, уходящего корнями за пределы зарождения жизни на этой земле, процесса, который, предполагая, что у него была цель, был разработан для того, чтобы включить в свои результаты создание, способное к справедливости и любви.

Всестороннее развитие чувства справедливости было делом многих веков. Поначалу, когда сообщество небольшое и кочевое, идея о том, что чужак имеет право на правосудие, непостижима. Даже когда с ростом цивилизации иностранным купцам и другим лицам обеспечивается некоторая защита от закона, идея о том, что иностранец имеет такое же право на правосудие, как и гражданин, не признается законом и не рассматривается как спекуляция. Действительно, закон, каким бы скромным он ни был, может опережать общественное мнение и практику должностных лиц — свидетельством тому поборы, которые практиковали римские губернаторы в римских провинциях. Однако в конце концов общественное мнение опережает закон и заявляет, что даже цвет кожи человека не может помешать его притязаниям на правосудие и что жители страны, хотя они и аборигены, имеют в ней некоторые права. Наконец, приходит философия и провозглашает справедливость, абсолютную и суровую, единственно необходимую вещь, единственную обязанность, поддержание которой входит в сферу и функцию правительства.

К несчастью для философии, придерживающейся этой точки зрения, случается так, что именно тогда, когда сознание цивилизации признает авторитет справедливости первостепенным, справедливость как идеал признается неосуществимой и абсолютно желательной. Очевидно, что даже в наиболее регулируемых из свободных сообществ степень справедливости, которая может быть обеспечена действием закона и вмешательством государства, очень далека от идеала; и увеличение числа законов и государственных инквизиторов, которые были бы необходимы, если бы каждая форма несправедливости и неправомερных действий каралась государством, было бы лекарством, если бы это действительно было лекарством, худшим, чем болезнь. Невозможно притворяться, что веришь в то, что богатство распределяется в соответствии с заслугами в любом существующем сообществе или что какая-либо правительственная система, даже если она разработана исключительно с этой целью, может когда-либо определять, каковы заслуги человека или какой должна быть его награда. Неправильное распределение богатства — не единственный фактор несправедливости, хотя это единственный фактор, с которым государство могло бы притворяться, что справляется: болезни и печали, горе и страдание — более того, сама способность к страданию и радости — отражаются на разных людях в совершенно разной степени. Совершенно очевидно, что земные блага и удовольствия распределяются не по заслугам; и именно тогда, когда покорение Природы человеком стало наиболее полным, когда общество больше не борется за средства к существованию, когда требование справедливости признается наиболее полно и безоговорочно, невозможность удовлетворить это требование и опасность его невыполнения становятся наиболее очевидными. Бедность, сопровождающая прогресс, может через одно поколение стать меньше, чем она была в предыдущем поколении, но крайности бедности и богатства с каждым днем расходятся все шире, и число бедных увеличивается в растущем населении гораздо быстрее, чем число богатых. Опасность, которой эта прореха в социальной структуре угрожает всей структуре общества, может быть преувеличена, но отрицать ее нельзя. Простой справедливости индивидуализма, которой до сих пор было достаточно, чтобы скреплять общество, теперь уже недостаточно. Правосудие, которое ограничивается

выполнением тех действий, за неисполнение которых предусмотрено юридическое наказание, не является единственной необходимой вещью, и его сила не устраняет многочисленные случаи незаслуженных несчастий и страданий, которые влечет за собой функционирование нашей социальной и промышленной системы. То, что исцеляет страдания и спасает их от превращения в гнойную рану, которая может оказаться фатальной для общества, - это та любовь человека к своим ближним, которая в некоторой степени проявляется по отношению к бедным богатыми, но главным образом бедными. Государство может предписывать и приводить в исполнение только внешние акты правосудия; а внешние акты, которые оно предписывает, не являются узами, которые скрепляют или могут скреплять общество. Государство в своих попытках изменить общество через индивида столь же неуклюже, как заводчик или садовник в обращении с животными и растениями, и должно быть удовлетворено, если оно может изменить некоторые из наиболее заметных внешних характеристик. Природа гораздо более пытлива и, хотя и медленнее, гораздо тщательнее: истинная природа ее работы, истинный характер силы, от которой она поставила в зависимость сплоченность общества, становится очевидной в тот момент, когда становится очевидной недостаточность простой справедливости для достижения цели. Каким бы несовершенным ни было послушание человека заповеди "Возлюби ближнего твоего, как самого себя", именно его послушанию общество обязано своим существованием.

Таким образом, на самом деле строгой справедливости нет и не может быть в этом мире. Даже силы социальной среды, которые в значительной степени находятся под собственным контролем человека, не направляются и не могут направляться им так, чтобы обеспечивать награды и наказания в точной пропорции к заслугам и недостаткам; в то время как действие тех природных сил, которые распределяют удачу и несчастье, боль и восприимчивость к боли, удовольствие и способность наслаждаться, еще в меньшей степени находится под его контролем и, насколько мы можем видеть, еще менее пропорционально дезертирству. Поля неправедных получают такую же пользу, как и поля праведных, от дождя с небес; работники, которые входят в виноградник цивилизации в поздний час, получают такую же большую награду, как и их предшественники, несшие дневную жару и тяготы, или даже большую; когда рушится башня в нашей социальной структуре, виновные не одиноки и даже не специально причастны к ее разрушению. По крайней мере, со времен Феогида люди с отчаянием вопрошали, как боги могли ожидать поклонения, когда они допускали существование подобных вещей; и пока мы смотрим на жизнь как на отстраненных зрителей, не заботясь о ней, кроме бескорыстного желания увидеть, как свершается справедливость, нам легко декламировать абсолютное безразличие космического процесса к человеку и его заслугам. Но это отстраненное отношение чисто искусственно, и мы не смогли бы создать даже видимости длительного сохранения его, если бы бессознательно не скатились к более естественной, но менее оправданной позиции молчаливого предположения, что наша личная участь была бы улучшена, если бы восторжествовала строгая справедливость. Но не является ли наше возмущение несправедливостью мира отчасти преждевременным, а отчасти поверхностным и недалеким? Уверены ли мы, что хотим строгой справедливости? Неужели мы так стремимся к тому, чтобы наши заслуги были взвешены? неужели они так внушительны? Можем ли мы молиться, чтобы нам воздалось за наши беззакония? Если бы общество могло с помощью какой-то сверхъестественной силы вершить строгую справедливость по отношению ко всем своим членам, кто *бы* это сделал, кто *смог* бы в нем жить? На самом деле — повторяю это еще раз — общество живет не только законом, но и любовью, долготерпеливой любовью отца или

матери, жены или мужа, друга или соседа, которую каждый из нас принял и никто не отплатил в полной мере. Сами наши больницы открыты для всех, кто в них нуждается, для тех, чьи страдания вызваны их собственной халатностью или даже преступлением, а не только для тех, чья боль незаслуженна. Вопиющая несправедливость, достойная самого космического процесса! И какое оправдание, если справедливость, абсолютная и безжалостная, является нашим высшим и достойнейшим стремлением, может быть для присвоения награды за честный труд часто бесплодной задаче предоставления тем, кто из-за своего собственного порока погряз в пучине, последнего шанса на жизнь и искупление? Милость, которая, подобно мягкому дождю с небес, ниспадает одинаково на несправедливых и праведных, должна оцениваться по тем же стандартам, которые мы применяем к космическому процессу. Мы можем, подобно старшему брату блудного сына, отказываться видеть в человеке или Природе что-либо, кроме мира, погрязшего в вопиющей несправедливости — личности настолько возвышенные, что не нуждаются в прощении и не боятся суда, несомненно, способны судить мир и своих ближних. Но сам блудный сын, возможно, лучше поймет, как работает сердце его отца, и поверит, что он видит в очевидной несправедливости Природы больше примеров того милосердия, которое не проявилось бы к нему, если бы справедливость измерялась любовью.

Таким образом, кажется, что "этический процесс" и "космический процесс" не так уж абсолютно противоположны друг другу, как пытался представить профессор Хаксли. Оба порой действуют со спокойным пренебрежением к справедливости. В одном случае мы знаем, что это высший принцип, который заменяет справедливость; и есть разумное предположение, что этический процесс, который является одним из результатов или проявлений космического процесса, всего лишь воспроизводит, в этом случае, как и в других, действие космической силы, которая действует через сердце человека, а также через остальную вселенную. В любом случае непоследовательно осуждать космос за проявление того качества милосердия, которое мы ставим в наивысшее положение среди атрибутов человека: если мы ставим в заслугу нашим братьям-людям это качество, справедливости ради давайте воздадим космосу такую же должное, когда он проявляет то же качество. Если, как мы предполагаем в этой главе, в эволюции есть цель, давайте признаем, что существует некоторое предположение, что это цель любви и милосердия.

Как благодаря вере в науку люди науки преуспевают в решении проблем, которые на какое-то время кажутся неподвластными науке, так и благодаря вере в религию религиозное объяснение Вселенной зависит от ее медленного, но верного расширения. С такой верой мы можем преуспеть в том, чтобы увидеть, в некоторой степени, что неравномерное распределение боли, так же как и земного процветания, не является несовместимым с Божественной целью эволюции. Ради этой веры мы должны верить, что страдания и печаль, от которых никто из нас не освобожден, не являются злом, если только мы сами не решим сделать их таковыми, а открывают возможности для добра. Действительно, без этой веры мы, кажется, приходим к тому же выводу: человек, который посвящает себя, свою душу, свою жизнь оказанию помощи нуждающимся и страждущим, не может сделать земное процветание своим главным благом, хотя, как сказал профессор Хаксли, он может достичь чего-то гораздо лучшего. Но если мы считаем, что есть что-то лучшее, чем земное процветание, можем ли мы последовательно выступать против болезней и печали как худшего из зол или обвинять вселенную в том, что они неизбежны в ней? Стоицизм, который придал профессору Хаксли сил учить, что человек должен до конца заявлять о неповиновении и сопротивлении космосу — сопротивлении бесполезному и непокорному, обреченному в конце концов на неминуемый провал, — мог бы

также научить его тому, что зло, против которого он призывает нас воевать, находится не в космосе; что враг этического процесса имеет свою штаб-квартиру не в Природе, а в сердце человека. Боль и печаль являются злом для страдальца, который позволяет им делать себя эгоистичным, и для зрителя, который предпочитает быть черствым к своим страданиям. Если наша воля действительно что-то значит в ходе вещей, если мы настолько свободны, что можем, в ответ на призыв профессора Хаксли, упорно и неоднократно сопротивляться космическому процессу, тогда мы также по своей собственной воле творим зло, когда нам предоставляется возможность творить добро. И все же мы возлагаем вину за зло на космос.

Ὡπόποι, οἷον δὴ νῦν θεοὺς Βροτοὶ αἱ τιόωνται
Ἐξ ἡμέων γάρ φασι κάκ' ἔμμεναι· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ
σφῆσιν ἀσασθαλίῃσιν ὑπέρμονον ἄλγε' ἔχουσιν.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ИДЕАЛИЗМЕ ЕПИСКОПА БЕРКЛИ

Когда кто-то утверждает, что автор не прав в одном из аргументов, которые он использует, хорошо бы для начала убедиться, что он действительно использует рассматриваемый аргумент. Для этой цели полезно процитировать отрывки, в которых автор использует этот аргумент, и такие отрывки, для моего собственного удовлетворения, я быстро процитирую из епископа Беркли. Но сначала, чтобы читатель мог знать, что интерпретация, которую я вкладываю в эти отрывки, не является моей собственной, но находится в гармонии с общим содержанием метафизических трудов Беркли, я процитирую профессора Фрейзера, который в своем предисловии к *Диалогам между Гиласом и Филонусом* излагает аргумент Беркли следующим образом: "Поскольку обычный разум людей, проверяемый их действиями, требует *постоянства* чувственных вещей, даже если они не являются постоянными для чувств какого-либо одного воплощенного разума, это невозможно ". отсюда следует, что само существование вещей, обладающих чувством (помимо любых "признаков замысла" в их сочетаниях), подразумевает постоянное существование Высшего Разума, которым постоянно воспринимаются все реальные объекты и в котором, можно сказать, потенциально существуют их упорядоченные появления, исчезновения и повторное появление в ограниченных умах ".

А теперь перейдем к собственным словам Беркли: (1) Во *Втором диалоге между Гиласом и Филонусом* (стр. 304 издания профессора Фрейзера) он говорит: "Для меня очевидно, что разумные вещи не могут существовать иначе, чем в разуме или духе. Отсюда я делаю вывод не о том, что они не имеют реального существования, но о том, что, поскольку они не зависят от моей мысли и имеют существование, отличное от того, чтобы восприниматься мной, *должен быть какой-то другой разум, в котором они существуют*. Следовательно, столь же несомненно, сколь реально существует чувственный мир, столь же несомненно существование бесконечного вездесущего Духа, который содержит его и поддерживает".

(2) В *Третьем диалоге* (стр. 325 издания профессора Фрейзера) мы имеем: "*Илл.* Предположим, вы были уничтожены, неужели вы не можете представить себе, что вещи, воспринимаемые

чувствами, все еще могут существовать?—*Фил.* Я могу; но тогда это должно быть в другом разуме. Когда я отрицаю существование чувственных вещей вне разума, я имею в виду не мой разум в частности, а все умы. Теперь ясно, что они существуют вне моего сознания, поскольку я нахожу их по опыту независимыми от него. Следовательно, существует какой-то другой разум, в котором они существуют в промежутках между моментами моего восприятия их: точно так же они существовали до моего рождения и будут существовать после моего предполагаемого уничтожения. И поскольку то же самое верно в отношении всех других конечных сотворенных духов, из этого обязательно следует, что существует *вездесущий Вечный Разум*, который знает и постигает все вещи и представляет их нашему взору".

(3) Независимое, реальное существование вещей подчеркнуто во *Втором диалоге* (там же., стр. 307): "Очевидно, что вещи, которые я воспринимаю, являются моими собственными идеями, и что никакая идея не может существовать, если она не находится в уме. Не менее очевидно и то, что эти воспринимаемые мной идеи или вещи, либо сами по себе, либо их архетипы, существуют независимо от моего разума; поскольку я знаю, что я не являюсь их автором, то не в моей власти по своему усмотрению определять, какие конкретные идеи окажут на меня воздействие, когда я открою глаза или уши. Следовательно, они должны существовать в каком-то другом разуме, по воле которого они должны быть показаны мне. Я говорю, что вещи, воспринимаемые непосредственно, являются идеями или ощущениями, называйте их как хотите. Но как может какая-либо идея или ощущение существовать в чем-либо или быть произведено кем-либо, кроме разума или духа?"

(4) Наконец, в *Принципах человеческого познания*, § 90, при объяснении двух значений слова "внешний": "Вещи, воспринимаемые чувствами, могут быть названы *внешними* в отношении их происхождения — в том смысле, что они не порождены изнутри самим разумом, но запечатлены Духом, отличным от того, который их воспринимает. Точно так же можно сказать, что чувственные объекты находятся "вне ума" в другом смысле, а именно, когда они существуют в каком-то другом уме; таким образом, когда я закрываю глаза, то, что я видел, все еще может существовать, но это должно быть в другом уме".

Таким образом, вкратце аргумент Беркли заключается в том, что мы считаем вещи постоянными и, следовательно, должны верить в постоянный Божественный разум, в котором они могут существовать. Вопрос, который я хочу поднять, касается этого постоянства вещей; ибо, если вещи непостоянны, они не могут свидетельствовать о постоянстве Божественного разума. Я начну свои расспросы с заключительных слов последнего процитированного отрывка: "когда я закрываю глаза, то то, что я видел, может все еще существовать, но это должно быть в другом сознании". Выражение "то, что я видел" может показаться двусмысленным. Являются ли то, что я видел, зрительными ощущениями, которые у меня были, или это что-то другое? Если это мои ощущения, то они определенно не существуют, когда мои глаза закрыты — вещи непостоянны. Если вещи, которые я вижу, чем-то отличаются от моих зрительных ощущений, то реалист, руководствующийся здравым смыслом, по-видимому, прав, и от идеализма Беркли следует отказаться. Давайте рассмотрим каждую альтернативу.

На первый взгляд кажется, что сам Беркли сказал бы, что вещи, которые я видел, идентичны моим зрительным ощущениям: в третьем процитированном выше отрывке он говорит: "вещи, которые я воспринимаю, являются моими собственными идеями ... я говорю, что вещи, воспринимаемые непосредственно, являются идеями или ощущениями, называйте их как

хотите ". Поэтому давайте посмотрим на последствия строгого соблюдения этой интерпретации двусмысленной фразы. Во-первых, из этого следует, что до тех пор, пока я не смогу видеть с закрытыми глазами, то, что я вижу, не является постоянным, но перестает существовать, когда я закрываю глаза. Далее, мои ощущения не могут существовать в уме кого-то другого - тот факт, что вы можете видеть объект, когда ваши глаза открыты, не позволяет мне видеть его с закрытыми глазами. С другой стороны, конечно, из этого не следует, что из-за того, что мои глаза закрыты, никто другой ничего не может видеть - только это не делает мои ощущения постоянными и не доказывает, что они могут существовать в чьем-то сознании. В конце концов, если "вещи, которые я видел" - это ощущения зрения, которые у меня были, то аргумент Беркли от постоянного существования "вещей" к их существованию в постоянном разуме рушится вдвойне; ибо, во-первых, мои ощущения явно непостоянны; и, во-вторых, мои ощущения не могут существовать в другом разуме, постоянном или ином.

На данном этапе необходимо отметить, что "существование" использовалось в этой связи в двойном смысле: действительное существование отличалось от потенциального. Именно на этом различии Милль основывает свое определение материи как "постоянной возможности ощущения"; но это различие заимствовано у Беркли, который, как обычно, дал наиболее ясное объяснение. В своей книге *"Мисс общее место"* (цитируется по Fraser, i. 325, п. 9) Беркли говорит: "Тела, принимаемые за силы, действительно существуют, когда их не воспринимают; но это существование не является действительным. Когда я говорю, что *сила* существует, я имею в виду не больше, чем то, что *если* при свете я открою глаза и посмотрю в ту сторону, я увижу тело ". До сих пор Милль согласен с Беркли; и до сих пор оба открыты для упреков в том, что не дают простого ответа на простой вопрос. Простой вопрос здравого смысла для идеалиста таков: существуют ли вещи, когда они не воспринимаются? Существует ли мебель в моей комнате, когда в комнате нет никого, кто мог бы ее воспринимать? На что идеалист отвечает, что если я войду в комнату, то увижу мебель — что совершенно верно, но не является ответом на вопрос. На самом деле, нет никакой особой причины, по которой Миллу не следовало бы прямо ответить "Нет", если бы не боязнь шокировать здравомыслящего человека, который не может сразу понять, как получилось, что уголь в его каминной решетке израсходован, если процесс горения был приостановлен в его отсутствие. Но с Беркли дело обстоит иначе: для него постоянство вещей и основанная на здравом смысле вера в это постоянство имеют ценность как дополнительный аргумент в пользу Высшего Разума. Но он также скорее уклоняется, чем отвечает на прямой вопрос простого человека: "Существуют ли вещи, когда никто их не осознает?" Его ответ таков: "Да, ибо Божественный Разум осознает их", что опять же верно, но не является ответом на вопрос.

Однако для нашей настоящей цели непосредственный интерес представляет выяснение того, может ли концепция "потенциального" существования придать вещам то постоянство, которое, согласно Беркли, требует наличия постоянного разума. Итак, под потенциальным существованием тела или вещи подразумевается не более чем то, что, *если* я открою глаза и посмотрю в правильном направлении, я увижу эту вещь; и то, что я вижу, - это мои ощущения, идеи, называйте их как хотите. Но то, что я могу видеть с закрытыми глазами, доказать невозможно — это, конечно, не доказывается тем фактом, что я могу видеть с открытыми глазами; и точно так же это не доказывается тем фактом, что другие люди видят вещи, когда мои глаза закрыты. В конце концов, если вещи, которые я вижу, являются моими ощущениями, тогда вещи не могут иметь постоянного существования; и нельзя сделать никаких выводов относительно постоянства Божественного Разума.

Следовательно, мы вынуждены предполагать, что вещи, которые я вижу, частично или полностью отличаются от моих ощущений. И это предположение, по-видимому, подразумевается различными отрывками из Беркли. Например, он говорит (i, стр. 307): "Вещи, которые я воспринимаю, - это мои собственные идеи ... вещи, говорю я, воспринимаемые непосредственно, - это идеи или ощущения, называйте их как хотите", где он, по-видимому, отличает то, что *непосредственно* воспринимается (*т.е.* ощущения) от чего-то другого. И несколькими строками раньше он, кажется, склонен признать существование чего-то еще, кроме моих ощущений, поскольку он говорит: "идеи или вещи, воспринимаемые мной, либо сами по себе, либо их архетипы, существуют независимо от моего разума".

Постоянство вещей, несомненно, является выводом. На опыте мы обнаруживаем, что следствия, вызванные причинами, действующими прямо у нас на глазах, в другое время вызываются своими причинами в наше отсутствие: огонь горит как в мое отсутствие, так и в моем присутствии. Следовательно, очевидно, что вещь, которая производит свои следствия, когда у меня нет ощущений о ней, должна отличаться от этих ощущений; и это должна быть существующая вещь, иначе ее следствия будут следствиями, вызванными несуществующей причиной. Сказать, что ненаблюдаемой причиной в этих случаях является возможность сенсации, ничего не меняет. Возможное ощущение - это ощущение, которого на самом деле не существует и никогда не было. Это плод чистого воображения; и, следовательно, согласно этой теории, вся прошлая история Вселенной является воображаемой. Также нельзя исправить положение, отрицая существование таких вещей, как "причины", и утверждая, что мы знаем только "неизменные и безусловные предпосылки". Как возможное ощущение, то есть событие, которого не было, может предшествовать тому, которое действительно происходит? Как могло воображение моего разума предшествовать существованию моего разума?

Возможно, можно сказать, что если психологическая теория разума и материи Милля неудовлетворительна, то и теория прямого постижения реальности не вполне согласуется сама с собой. Это подтверждает прямое постижение реальности, однако при рассмотрении прямое постижение оказывается умозаключением. Итак, вещи должны иметь существование, отличное от наших ощущений, потому что они производят свои эффекты и, следовательно, существуют в наше отсутствие.

Ответ прост. Если бы мы не верили, что следствия, которые мы действительно воспринимаем, реальны, мы также не должны были бы делать вывод, что причины, которые мы не воспринимаем, реальны. Здравый смысл полагает, что вещи *продолжают* существовать, когда мы отводим глаза: их существование за пределами поля наблюдения является выводом из их существования в нашем наблюдении. Их предполагаемое постоянство выводится из их наблюдаемой независимости.

ПЛИМУТСКИЕ
ПРИНТЕРЫ
УИЛЬЯМА БРЕНДОНА И СЫНА

КАТАЛОГ КНИГ И ОБЪЯВЛЕНИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВА METHUEN AND COMPANY: ЛОНДОН, ЭССЕКС-СТРИТ, 36, WC

Содержание

	СТРАНИЦА
ПРЕДСТОЯЩИХ КНИГ,	2
ПОЭЗИИ,	12
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, АНТОЛОГИЙ И Т.Д.	12
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ И ПОДАРОЧНЫХ КНИГ,	16
ИСТОРИИ,	17
БИОГРАФИИ,	19
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ТОПОГРАФИИ,	21
ВОЕННО-МОРСКИХ СИЛ,	23
ОБЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ,	24
ФИЛОСОФИИ,	26
НАУКИ,	27
ТЕОЛОГИЯ,	27
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,	32
КНИГ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК,	42
БИБЛИОТЕКА ПИКОКА,	42
СЕРИЯ "РАСШИРЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТА",	42
СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОСТИ,	43
КЛАССИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ,	44
УЧЕБНЫХ КНИГ,	44

ОКТАБРЬ 1901 г.

Октябрь 1901 г.

Примечания переписчика

Незначительные несоответствия в пунктуации и типографике были исправлены без комментариев.

Исправления орфографии: (эволюция, текст)

стр. 80 СНОСКА 14: от "Мерц" к "Мерцу" (Как указано в Указателе)

стр. 99, "firstfruits" - "первые плоды" (the first-fruits of)

Исправления орфографии: (Каталог издательства)

стр. 25 КАТАЛОГА - от "Графства" до "Кантри" (- Сельский джентльмен.)

стр. 29, от "Диаконства" к "Диакониссе" (2) (Диаконисса Сесилия)

стр. 33, от "тонкости" к "утонченности" (2) (тонкость ее анализа)

В Каталоге-

Дополнительные заголовки, выделенные курсивом, в оригинале были выделены жирным готическим шрифтом.

ВАРИАНТЫ СЛОВ:

- "Д.Литт." (4) и "Д.Литт." (15)
- "предварительное предположение" (1) и "предпосылки" (2)
- "Sc.D" (1) и "D.Sc" (4)